
Песнь
Обречённого Мира
Преданные
18+

Песнь Обреченного Мира

Григорий Кудряшов

Песнь Обреченного Мира II : Преданные

«Автор»
2026

Кудряшов Г. Д.

Песнь Обреченного Мира II : Преданные / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026 — (Песнь Обреченного Мира)

Принцесса Виталия семь лет гнила в тюремной каменной клетке, пока её королевство сжирала империя. После спасения она возвращается в мир, где не осталось ни трона, ни союзников, — только старый флаг Стоунстейта и горстка повстанцев, верящих в чудо.Но чуда не будет. Едва она выходит из тени, как на неё начинают охоту все: имперские легаты с ледяной магией, морские волки с гарпунами и тайный орден наёмных убийц, чья цель — не её корона, а чёрный кинжал из материнского наследства.Этот кинжал — ключ к древнему оружию, способному уничтожить реальность. И теперь Виталия должна не просто отвоевать свободу, а решить, сколько правды можно похоронить в себе, чтобы собрать королевство из пепла, крови и полусломанных клинков. Выбор один: стать палачом, жертвой — или тем, кого боятся даже драконы.

© Кудряшов Г. Д., 2026
© Автор, 2026

Григорий Кудряшов
Песнь Обреченного Мира II : Преданные

Хочу посвятить эту книгу всем тем, кто читал «Песнь Обречённого Мира: Баллада о Веспере», и отдельно — своей бессменной музе вдохновения.

Давным-давно, в мире необъятном и далёком…

Песнь Обречённого Мира: Преданные

Разве это конец?!

Ветер с моря пах солью, свободой и смолой. Для Джона Кливиона этот запах был слаще любых духов. Всего несколько недель назад он был всего лишь новобранцем в Картеле Междуречья — паутине интриг, отравленных клинков и подлых шёпотов за спиной. Та жизнь, с её удушающими правилами предательства, была не для него. Его душа рвалась к простому и ясному закону моря: сила, верность своим и дележ добычи под звон кружек.

Теперь он стоял на пустынном побережье Мирталиса, вглядываясь в предрассветную мглу. Ветер трепал его простую куртку, а в кармане лежала пиратская метка — грубый серебряный зуб акулы, знак того, что Братство его приняло. Он ждал лодку, что должна была отвезти его на «Буревестник», его новый дом.

Именно тогда он их увидел.

Сначала это были лишь тёмные точки на горизонте, но они росли с пугающей скоростью. Не разрозненные суда контрабандистов или торговые когги. Это был строй. Целая армада из двух десятков кораблей, выстроенных в безупречный клин. Их корпуса были вытесаны из тёмного, почти чёрного дерева, а паруса, туго закреплённые, были прошиты сложными узорами, незнакомыми Джону. Над мачтами реяли флаги — фиолетовые, с изображением золотого, стилизованного жука.

Сердце его ёкнуло. Это был не пиратский флот. Это был флот чужаков.

Корабли, не замедляя хода, с жуткой тишиной подошли к берегу. Спустились трапы, и на песок хлынули воины. С первого взгляда они казались людьми — такого же роста и сложения. Но когда они строем прошли мимо его укрытия, Джон увидел их глаза. Совершенно чёрные, без белка и радужки, словно две капли ночи. Гондерфллцы. О них ходили слухи среди контрабандистов, торгующих с заморскими землями. Говорили, что это свирепый и высокомерный народ, чья империя лежит далеко за морем.

Они были одеты в латы из отполированного до зеркального блеска золотого металла. В руках они сжимали длинные копья, наконечники которых сочились ядовитой, фиолетовой субстанцией, происхождение и действие которой были никому не ведомы.

«Кто вы?..» — прошептал Джон, инстинктивно прижимаясь к скале.

И тогда ему явили их мощь во всей полноте.

С неба, из-за свинцовых туч, донёсся оглушительный, первобытный рёв, от которого содрогнулась сама земля. Джон поднял голову и увидел его. Дракон. Не механическое чудище, а истинный, древний змей, как в самых древних сказаниях. Но его размеры были немыслимы, чудовищны. Его чешуя отливала цветом вулканического обсидиана, а размах крыльев затмевал солнце. И на его спине, на специально возведённых платформах и в седлах, стояли и сидели воины. Их были сотни, если не тысяча. Те самые гондерфеллцы, что приплыли на своих кораблях.

Захватчики из-за моря, о которых лишь шептались в портовых тавернах. С флотом, с армией, с ядовитыми копьями и легендарным драконом. Они высадились не с миром.

Лодка пиратов была уже не важна. Старая жизнь в Картеле — тоже. Джон Кливион, вчерашний новобранец, а ныне пират-неофит, понимал лишь одно: в его новообретённую свободу ворвалась буря, несущая на своих крыльях иноземную сталь и яд. Он развернулся и бросился бежать вглубь берега. Он должен был предупредить кого угодно.

Война, которую никто не ждал, только что началась. И началась с тихого, идеально организованного вторжения под знаком золотого жука на фиолетовом поле.

Глава 1: Масштаб проблемы

За последние семь лет мир изменился до неузнаваемости. На политической карте возникла новая фигура — Вечный Император. Его происхождение оставалось загадкой, но могущество не оставляло сомнений: ходили слухи, что сила Императора сопоставима с божественной. Именно он объединил Нордленд и Стоунстейт в единое государство — Средне-Северную Империю.

Однако новый порядок пришёлся не всем по нраву. Многие жители Стоунстейта верили, что законная наследница Алриха Виталия ещё жива. Недовольные образовали повстанческие группировки, а их негласным лидером стал лучший алхимик острова Родера — человек по имени Гридмер.

Несмотря на внутреннюю оппозицию, Вечный Император сумел защитить свои владения от внешних угроз. Задача была не из лёгких: остальные провинции поделили между собой вернувшиеся из изгнания догурцы и захватчики с Гондерфелла.

Догурцы основались на земле предков в Гиганттауне, а гондерфеллцы обустроили свой главный штаб в Мирталисе. Провинция быстро оказалась под их полным контролем, и за семь лет захвата буквально расцвела. Пусть и ценой репрессий против большей части местного населения и переселения своих людей, гондерфеллцы застроили её прочными и совершенными зданиями, развили сельское хозяйство и наладили работу мануфактур. Другие провинции, попавшие под их контроль, не знали такой «заботы» — там захватчики установили режим хладнокровного террора.

Эта ситуация лишь укрепляла доверие обычных жителей Средне-Северной Империи к Вечному Императору, видевших в нём единственную защиту от чужеземной угрозы.

Что же до Джона Кливиона? Ему удалось добраться до островов Пиратского братства — клочка земли, который пока что остался нетронутым ни гондерфеллцами, ни догурами, ни Вечным Императором. Наконец-то он обрёл ту жизнь, о которой мечтал. Впервые он был по-настоящему свободен. Свободен от законов и чужих принципов.

Глава 2: Грандиозный план

Старый Дарлион, некогда управитель столичного Тайнкора, мрачно оглядел сырое подвальное помещение — их нынешний штаб. Его ладони сжимали чашу с вином, словно это был яд. Потрёпанная броня, два проржавевших наплечника и топор на бедре с гербом старого Стоунстейта — скрещённые кирки на щите. Теперь этот символ ничего не значил. За него они сражались, а их самих считали не борцами за правду, а террористами, несущими хаос.

— Слушай, мы не можем вечно полагаться на твою «чуйку», — голос Дарлиона был глух и устал. — Я стар. Наши ряды редеют, а не растут. С чего ты взял, что она жива? Семилетние угрызения совести?

Гридмер, напротив, горел. Но в его глазах, помимо решимости, жила старая боль.

— Это не угрызения совести, Дарлион. Это долг, — тихо, но твёрдо сказал он. — Ты знаешь эту историю. Мы сбежали вместе, и её вернули силой. А она… она выпросила у отца мне жизнь. Сказала: «Оставь его». А Алрих… — Гридмер с горечью усмехнулся, — …с его помутнённым разумом, лишь буркнул что-то вроде «пусть остается, лишь бы под ногами не мешался». Его мысли были уже в плену у того… бога безумия. Я был никем. Призванным, но не ко двору. А она заступилась за меня. И в день, когда явился Император, я видел, как это

чудовище утащило её вглубь замка. И я снова бежал. В первый раз — со счастливым сердцем. Во второй — с разбитым. Теперь пришло время вернуть долг.

— Это самоубийство! — Дарлион с силой поставил чашу на стол. — Даже если мы проникнем в темницу, мы найдём там лишь воров и пьяниц. Никакой принцессы! И даже если найдём, кто пойдёт за нами? За спинами у нас лишь призраки прошлого.

Он имел в виду их людей. Костяк повстанцев составляли те, кому был дорог старый порядок: бывшие гвардейцы, управители, стражники — люди, потерявшие статус и власть с приходом Императора. Большинство имело боевую подготовку, но лишь у немногих за душой был настоящий, пропитанный кровью и дымом опыт. Остальных — писцов, чиновников, придворных — за семь лет изнурительных тренировок превратили в подобие солдат. Они могли кое-что из себя представить, но Дарлион не обольщался: против дисциплины легионов Императора их упорства могло не хватить.

— Им нужен не мы, им нужен символ, — не отступал Гридмер. — Живой. И для этой миссии нам не нужна вся армия. Только лучшие.

— А вот здесь ты ошибаешься, старый друг, — в глазах Гридмера вспыхнул знакомый Дарлиону огонёк алхимика, видящего решение сложнейшей задачи. — Ты забываешь, что я — единственный, кто знает рецепт зелья невидимости. А ты… Ты лучше любого помнишь планировку замка. Ты должен составить нам путь. Задача ясна?

Дарлион тяжело вздохнул, его взгляд упал на топор с ненужным уже гербом. Он видел не просто одержимость — он видел искупление.

— Ладно. Но если её там не окажется, Грид… Я прикончу тебя этим самым топором. Обещаю.

Гридмер встретил его взгляд, и на его губах дрогнула улыбка, в которой было мало веселья.

— Это честно. И да пребудут с нами боги… если они ещё не отвернулись от нас окончательно.

За довольно короткий срок план был готов. Команда для наступления тоже — Дарлион отобрал только тех, у кого за спиной был реальный боевой опыт. В основном, это были бывшие гвардейцы, чьи лица за семь лет стали лишь суровее. Они были готовы. Осталось лишь дождаться подходящего момента, когда тень над столицей сгустится достаточно, чтобы скрыть их движение.

Глава 3: Малый Гондерфелл

В то время как в сырых подвалах Стоунстейта зрели планы спасения принцессы, провинция Мирталис, теперь известная как Малый Гондерфелл, жила по чужеродным, выверенным до мелочей законам. За семь лет гондерфеллцы не просто захватили её — они перекроили, отлили в новую форму, как мастер отливает клинок.

Подавляющее большинство прежних жителей было изгнано или уничтожено. Те же немногие люди, что остались, влачили жалкое существование, образуя самое низшее сословие. К ним относились не лучше, чем к скоту, — терпели, пока те были полезны, и выбраковывали без сожаления.

Но на костях и пепелищах расцвел удивительный город. Из убогой, вечно нищей провинции, о которой в Тайнкоре предпочитали забывать, Мирталис превратился в образец чужой эффективности. Повсюду выросли уникальные трёхэтажные дома из тёмного, прочного камня. Для местных, привыкших, что два этажа на острове Родера — уже роскошь, это было диковинкой. Но практичный ум гондерфеллцев не терпел пустоты: в каждом таком доме жило по три семьи, по одной на этаж. Это было не роскошество, а суровая необходимость, перенесённая с их далёкой родины.

Помимо жилья, они организовали обширные фермы и — что было настоящей революцией для отсталого острова — мануфактуры. Кузнечные, гончарные, ткацкие цеха, работаю-

щие как единый механизм. Здесь не было места кустарным лавкам; только стандарт, только эффективность.

Всем этим великолепием и порядком управлял человек, чья воля выковала этот новый мир — Авес Дорлинг. Главнокомандующий войсками Гондерфелла и архитектор покорения всего острова. Его отличали от рядовых солдат длинные, плоские наплечники, похожие на стальные погоны, изогнутые вдоль плеч. Его оружием было двойное копьё, смазанное ядом тракатита — таким же смертоносным, как и на остальном оружии захватчиков.

Тракатиты… Эти существа были квинтэссенцией всего Гондерфелла. Огромные, размером с лошадь, блохи с невероятно длинными лапами. На их родине они считались дикими и опасными тварями, но самых отчаянных гондерфеллцев это не останавливало — некоторых тракатитов приручали, делая ездовыми животными. Но куда чаще их отлавливали ради сбора яда, одного из самых смертоносных веществ в мире.

Их общий дом, остров Гондерфелл, был меньше Родеры, земля там была скудна и камениста. Места катастрофически не хватало, что и заставило когда-то его обитателей научиться выжимать максимум из каждого клочка земли, строя свои трёхэтажные дома и ценя функциональность выше роскоши.

Судьба этого острова была трагична и мистична. Он был отколовшимся куском от острова Родера. Семь лет назад Джон Кливион стал свидетелем начала их вторжения. Тысячу семь лет назад произошло событие, его предопределившее. Догурский ритуал «Последнее Желание», призванный избавить землю от людей-колонизаторов во главе с самим Родером, пошёл ужасающе не так. Вместо того чтобы уничтожить пришельцев, магия расколола землю, оторвав кусок суши, на котором уже жили и люди, и догурцы. Их вынужденное смешение и дало начало новой расе — гондерфеллцам. Ритуал также положил начало вымиранию множества местных существ и малых рас. А самих виновников, догурцев, изгнали с новой земли год спустя.

Теперь, тысяча шесть лет спустя, и гондерфеллцы, и догурцы вернулись на землю предков. Одни — на чёрных кораблях с ядовитыми копьями, другие — на древнем драконе. И пока первые строили свой новый, жестокий порядок в Мирталисе, вторые обосновались в Гигант-тауне, выжидая своего часа.

Кольцо истории сомкнулось

Глава 4: Железная почва малого Гондерфелла

Кольцо истории сомкнулось. Теперь, тысячу лет спустя, потомки тех, кого породил раскол, хозяйствовали на земле, что когда-то была единым целым с их родиной. Малый Гондерфелл не просто существовал — он работал. С рассвета до заката улицы гудели ровным, деловым гулом. Строители в промасленных кожах возводили новые трёхэтажные дома, чья стандартная форма была воплощением утилитарного совершенства. С ферм, обнесённых геометрически точными изгородями, доносилось мычание чужеземного скота. Но главной музыкой города был стук молотов по наковальням, скрип точильных кругов и мерный гул огромных шелкоткацких станков — первых мануфактур, которые увидел этот остров.

Для горстки уцелевших коренных жителей этот новый порядок стал железной клеткой. Они были «местными кадрами» — бесправной рабочей силой, которую использовали на самых грязных и опасных работах: чистка стоков, разгрузка угля, уход за тракатитами. Гондерфеллец мог пройти мимо человека, сгибающегося под тяжестью ящика, не удостоив его взглядом. Это было не презрение, а нечто худшее — полное, абсолютное безразличие, как к детали механизма. Человек здесь был функцией, а не личностью.

Именно среди этого подавленного люда зрели первые, ещё робкие искры сопротивления. Шёпот в очереди за пайком. Ненавидящий взгляд, быстро отведённый в пол. Но это были лишь искры, не имеющие ни лидера, ни плана, ни надежды.

Авес Дорлинг стоял в своей приёмной в цитадели, слушая доклады. Он не был тираном, жаждущим крови. Он был менеджером гигантского предприятия под названием «Колонизация».

— Урожайность на новых полях на пятнадцать процентов выше прогнозируемой, — монотонно бубнил смотритель за сельским хозяйством.

— Оружейные цеха выполнили месячный план по копьям, — докладывал следующий.

Авес кивал, его внимание было приковано к огромной тактической карте, где фигурки, изображающие силы людей и догурцев, теснились в долинах Гиганттауна. Эта провинция была незаживающей язвой на теле его идеального плана.

— Они как скорпионы в банке, — тихо произнёс он, обращаясь к своей доверенной офицерше, Элизе. — Но скоро банка треснет.

Его план по захвату Гиганттауна был готов. Он не собирался бросать свои легионы на укрепленные догурские поселения. Вместо этого он развернул три операции одновременно.

Операция «Клин»: Отряды диверсантов, владеющих местными наречиями, проникали в провинцию, сея панику и дезинформацию. Слухи о готовящейся резне со стороны догурцев должны были заставить людей запаниковать и ослабить их оборону.

Операция «Молот»: Основные силы — дисциплинированная пехота с отравленными копьями и несколько приручённых тракатитов для устрашения — были сосредоточены у горных перевалов, ведущих в Гиганттаун. Они ждали сигнала.

Операция «Наковальня»: Корабли с дополнительными войсками должны были блокировать побережье провинции, отрезая пути к отступлению и подвозу припасов.

Перед выступлением Авес совершил то, что делал всегда — посетил стойла боевых тракатитов. Гигантские существа встретили его тихим стрекотом. Он подошёл к своему личному ездовому, существу по кличке «Скальпель», и положил руку на его хитиновый покров. Это был не жест любви, а ритуал взаимного подтверждения полезности. Яд этих созданий, собранный и разлитый по флаконам, был грозным оружием. Их скорость и прыгучесть — стратегическим преимуществом в горной местности.

— Скоро, друг, — прошептал Авес. — Скоро мы приведём в порядок и эту землю.

Для него захват Гиганттауна был не завоеванием, а санитарной обработкой, очисткой территории от хаоса перед началом настоящего строительства. Он возвращал то, что по праву принадлежало его народу как наследникам этой земли.

Вечером того же дня Авес Дорлинг собрал офицеров на главной площади Малого Гондерфелла перед бронзовым гербом-жуком. Факелы бросали трепетные тени на его строгие черты и длинные наплечники.

— Солдаты Гондерфелла! — его голос, усиленный акустикой площади, рубил тишину. — Наши отцы откололи нас от этого острова в надежде обрести свободу. Сегодня мы возвращаемся не как изгнанники, а как архитекторы будущего! Гиганттаун — последний оплот старого беспорядка. Мы не несём им огня и меча. Мы несём им сталь и порядок! Завтра на рассвете мы выбиваем последнюю гнилую балку из старого мира. Ради Гондерфелла!

Тысячи глоток выдохнули: «Ради Гондерфелла!» Это был не боевой клич, а клятва верности системе, идее, будущему.

Войска двинулись на позиции. Авес наблюдал за ними, неподвижный, как его статуя. В его чёрных глазах отражались огни идеального города, который он построил, и туманные очертания горной провинции, которая ему предстояло завоевать. Кольцо истории не просто сомкнулось. Теперь он заковывал его в сталь.

Глава 5: Морская охота

Море не прощает слабости. Особенно здесь, в Трещине, где тёплые течения с юга встречались с ледяными водами севера, создавая кипящий котёл жизни. А где жизнь, там и высшие хищники. Гиперионы.

«Месть королевы Аллесии» была не просто кораблём. Это был плавучий арсенал, заточенный под одного-единственного зверя. Его корпус, особенно корма, был укреплён листами кованого железа и балками из упругой эбеновой древесины — урок, выученный после того, как первый гиперион шипами, будто бритвами, распорол их прежнее судно. Теперь с этой бронированной кормы свисали три огромных гарпуна, каждый с зубцами, которые раскрывались внутри плоти, как якоря отчаяния.

Джон Кливион стоял на шканцах, не чувствуя ледяного ветра, который рвал его длинный сюртук и смешивал запах соли с запахом страха команды. Семь лет назад он бежал от чужеземных захватчиков, ища свободы. Он нашёл её здесь, в жестокой арифметике моря: твой навык против мощи чудовища, твоя доля против доли экипажа. И он преуспел. Из испуганного беглеца он стал капитаном Джоном Кливионом, лучшим охотником на гиперионов на всём Архипелаге. «Месть» была его домом, его крепостью и его бизнесом.

— Капитан! На горизонте! — крикнул юнга с марса.

Джон поднёс подзорную трубу. Вода в полумиле от них внезапно вздыбилась, как будто под поверхностью взорвалась подводная гора. Затем показалась спина. Синяя чешуя, каждая пластина размером с щит, отливала холодным металлическим блеском. Над водой пронёсся гребень из острых, костяных шипов — тех самых, ради которых они и выходили в море. Затем взметнулся хвост, обрушив на палубу тонны ледяной воды.

— Приготовиться! — рёв Джона перекрыл гул волн. — Не спускать с него глаз! Рулевой, веди нас на сближение, левый борт!

Гиперион был не просто большим. Он был воплощением древней, безразличной мощи. Размером в три кита в высоту и шесть в длину, он не охотился на их корабль. Он его не замечал, как кит не замечает планктон. Но «Месть» должна была заставить его заметить.

— Арбалетчики, к гарпунам! Остальные — ядра наготове! Без команды не палить! Его чешуя броню пробивает!

Корабль содрогнулся, когда чудовище проплыло под самым килем. Тень от него накрыла палубу, превратив день в сумерки. Послышался скрежет — шипы гипериона провели по укреплённой корме, высекая снопы искр. Судно накренилось, мачты заскрипели под невыносимой нагрузкой.

— Сейчас! — завопил Джон.

Раздался сухой щелчок, затем свист тросов. Первый гарпун впился в гигантский бок. Гиперион даже не дрогнул. Второй гарпун пролетел мимо, срикошетив от чешуи. Команда замерла. Третьему арбалетчику, старому морскому волку по кличке Костяная Рука, удалось поймать момент. Его гарпун вонзился в более мягкую ткань у основания спинного плавника.

И тут гиперион почувствовал.

Океан взорвался. Чудовище, наконец осознавшее угрозу, рванулось вперёд с силой подводного смерча. Тросы натянулись, заскрипели, вырывая из палубных креплений щепки. «Месть королевы Аллесии» рванулась вперёд, как щепка на аркане, её нос взмыл вверх. Людей сбивало с ног, бочки с пресной водой сорвались с креплений и покатились по палубе.

— Удерживать! — хрипел Джон, вцепившись в поручни. — Рубить тросы только по моей команде! Ядра, бейте по голове! Отвлечь!

Несколько пушечных ядер, выпущенных почти в упор, шлёпнулись о башку гипериона. Они не пробили чешую, но, должно быть, оглушили. Чудовище на секунду замедлилось. Этого было достаточно.

— Все на левый борт! — скомандовал Джон. — Тянуть!

Экипаж, как один, налег на ванты и борта. Накренившийся корабль, используя ярость самого зверя как рычаг, резко развернулся. Натяжение тросов изменило вектор. Вместо того чтобы тащить корабль, гиперион теперь рвал свою собственную плоть. Из ран хлынула тёмная, почти чёрная кровь, запах которой — смесь меди и озона — ударил в нос.

Битва длилась ещё два часа. Два часа маневров, обманных заходов, пушечного огня в упор и отчаянного напряжения каждого мускула команды. Наконец, исполинское тело дрогнуло, конвульсивно взметнулся хвост и медленно, с торжественным ужасом, стало погружаться в пучину.

— Буксировать! — хрипло скомандовал Джон, вытирая с лица смесь морской воды, пота и чужой крови. — Не дать уйти на глубину!

Когда обездвиженного гиганта на буксире подтянули к «Мести», наступила гробовая тишина. Они победили. На палубе лежало сокровище — десятки острых, как бритвы, костяных шипов, пронизанных синей, пульсирующей изнутри магической энергией. Каждый из них стоил состояние. Академия ВУИМ и Коллегия СИМП платили за такое сырьё безумные деньги.

— Курс на Бастион, — сказал Джон, глядя на свой окровавленный, но ликующий экипаж. Острова Пиратского Братства. Единственное место, где не было ни Вечного Императора, ни гондерфеллцев, ни догурцев. Только свобода, выкованная в стали корабля и оплаченная кровью гиперионов.

«Месть королевы Аллесии» развернулась, оставляя за собой кровавый след и утихающую пену на месте битвы. Джон Кливион, стоя на корме, смотрел на свой трофей. Он был свободен. Он был королём в своём мире соли и стали. И пока его корабль мог находить этих монстров, а его команда — убивать их, ни одна сила на суше не могла до него дотянуться.

По крайней мере, так ему казалось.

Глава 6: Тени предков в горах Гиганттауна

Холодный ветер с заснеженных вершин Гиганттауна гулял по долинам, принося с собой не только запах хвои и вечной мерзлоты, но и древний, пыльный страх, выкопанный из глубин памяти. Для людей, ютившихся в главной крепости-городе и редких, ощетинившихся частоколами деревнях, этот страх семь лет назад обрёл плоть, кости и невыносимо чужое имя. Догурцы.

Они пришли не с моря, а с неба — на спине легендарного дракона, чьи крылья, подобные грозовой туче, затмили солнце над священной долиной Предков. И обосновались не там, где просили, а там, где велела им кровь. На каменных террасах у подножия Спящего Пика, среди руин, которые люди считали заброшенными, а догурцы — священными. Их поселение росло не как человеческие города, а как кристалл, следуя невидимым линиям силы в камне. Они не строили — они вызывали из земли приземистые, угловатые жилища из тёмного базальта, сливавшиеся со скалами так, что с расстояния их было не отличить. Днём оттуда доносился мерный стук ритуальных молотов и гортанные крики на незнакомом языке. Ночью — горели зелёные, холодные огни, от которых у людей стыла кровь.

Люди боялись. И не только из-за внезапного вторжения. Их пугала сама суть пришельцев. Догурцы, даже в покое, выглядели жутко по человеческим меркам. Их лица были вытянуты, кожа — сероватого, каменного оттенка. Но больше всего — глаза. Совершенно чёрные, без белка, как у гондерфеллцев, но больше, шире, поглощающие свет, а не отражающие его. Там, где должен быть нос, зияли два тонких вертикальных разреза. А когда они шипели или скалились в предупреждение, из-за тонких губ обнажались ряды острых, как у глубоководной акулы, зубов. Они не пытались говорить на языках людей. Их речь была полна щелчков, шипения и низких гортанных звуков, похожих на скрежет камня о камень.

Первые месяцы были отмечены кровавыми стычками. Догурцы, исследуя «свою» землю, натыкались на человеческие фермы, загоны, святыни. Они не понимали частной собственности

в человеческом смысле — для них вся долина была одним храмом. Конфликты вспыхивали из-за источника, перегона скота, просто из-за взгляда. Догурцы были сильнее, свирепее, их кожа была грубее, а реакция — молниеносной. Но люди Гиганттауна были выносливы, как горные козлы, и отчаянны, как загнанные волки. Собрав всю свою волю, всю накопленную за столетия ненависть к этим горам и страх перед неизвестным, они дали отпор. Несколько вылазок догурцев на главный город разбились о циклопические стены, возведённые ещё для сдерживания великанов. Стрелы и камни с высоты стен оказывались эффективней когтей и ярости.

Наступило хрупкое, злое затишье. Линия фронта пролегала не по реке или хребту, а по невидимой границе между страхом и ненавистью.

А дракон… Исполинское существо, измождённое невероятным перелётом с тысячами догурцев на спине, лежало в огромном каменном цирке у самого подножия Спящего Пика. Его чешуя, некогда сиявшая, как вулканическое стекло, потускнела. Дыхание было тяжёлым, из ноздрей валил не пламень, а пар, смешанный с пеплом. Он спал, набираясь сил. Мудрейшие среди догурцев и самые проницательные среди людей понимали: это лишь передышка. Когда дракон поднимется, правила игры изменятся навсегда. Но пока что гигантские городские стены служили утешением — что может сдержать великана, сдержит и уставшего дракона. Пока.

Именно в это время напряжённого равновесия к поселению догурцев с неба пришли другие. Не с драконом, а пешком, выйдя из самых глубоких, самых тёмных пещер Гиганттауна, о которых не знали даже старейшины человеческих кланов. Они вышли без звука, в лунную ночь, когда даже звери затаились.

Их было несколько сотен. Не больше. Но вид их заставил даже самых воинственных догурцев-пришельцев замереть в изумлённом, почти благоговейном молчании. Это были их братья. Но братья, прожившие тысячу лет в тени. Морд.

Их внешность несла на себе печать иной жизни. Они не были серыми, как скалы, их кожа была бледной, почти белой, как у грибов, растущих в полной темноте. Их чёрные глаза видели в непроглядном мраке. На некоторых были следы старых шрамов, нанесённых не когтями зверей, а, судя по всему, человеческим оружием. Они несли на себе отпечаток вековой осторожности, скрытности и тихой, холодной ярости.

Старейшины двух ветвей сошлись у священного камня с выбитыми рунами. Пришедшие с неба и выжившие под землёй. Язык их был общим, но акценты разнились, как разнился и опыт. Говорил в основном вождь Мордов, старец по имени Кхаэль, чей голос звучал как шелест сухих листьев в глубоком колодце.

— Мы ждали, — сказал он. — Сто лет? Тысячу? Время под землёй течёт иначе. Мы ждали знака. Шума на поверхности. Шума возвращения. Вы — этот шум.

Он рассказал историю, которую пришлые догурцы знали лишь по легендам. Историю о Великом Расколе, изгнании, и о той горстке, что отказалась уходить или сумела спрятаться. Они стали призраками в земле предков. Гильдией в тени. Морд. Их целью было не выживание, а ожидание. И месть.

— Мы знаем людей, — продолжал Кхаэль, и в его бездонных глазах вспыхнула холодная искра. — Мы знаем их язык. Их слабости. Их страх перед темнотой и тем, что в ней шевелится. Мы жили в стенах их погребов, слышали их ссоры и молитвы. Мы — тень, которая всегда была у них за спиной.

Затем разговор зашёл о силе. О том, что отличало Морд не только знанием, но и наследием немыслимой мощи. И Кхаэль рассказал историю, которая повисла в воздухе тяжестью утраты и обещанием силы.

— Когда первые из нас ушли в тень, они понимали: чтобы дождаться Часа, нужен не только ум. Нужен Кулак. Несокрушимый. Неотвратимый. И они выковали его.

Он сделал знак, и из рядов Морд вынесли ларец из чёрного камня. Его открыли с торжественной медлительностью. Внутри, на тёмном бархате, лежало то, что заставило даже самых сдержанных догурцев-пришельцев отшатнуться. Маска Молчаливого Воина.

Она была сделана из тёмной, полированной стали, поглощавшей свет факелов. Форма её была не догурской, не человеческой — она была чужой, пугающе прекрасной. Это было стилизованное женское лицо неземной, трагической красоты, искажённое вечным немым криком или бездонной скорбью. Над челом — терновый венок из того же чёрного металла, каждая колючка которой обещала боль. Эстетика маски была не от мира сего, она гипнотизировала и леденила душу.

— Её выковали из камня, упавшего со звёзд, и закалили в дыхании подземных рек, что текут к сердцу мира, — голос Кхаэля снизился до священного шёпота, но в нём слышалась горечь. — Её зачаровали ценою жизни двенадцати первых мастеров Морд, вплетая в сталь заклятья абсолютной тишины и несокрушимой воли. Она всего одна. Во всём мире.

Правило было просто и ужасно. Надевший её обретал нечеловеческую физическую мощь, становился живой крепостью, идеальным орудием. Но платой был навсегда отнятый дар речи. Маска становилась частью плоти, частью души. Снять её можно было только со смертью носителя. Поэтому выбор того, кто её наденет, был величайшей ответственностью и честью. Его могли искать десятилетиями, испытывая кандидатов на прочность духа, преданность и готовность к вечному молчанию.

— Наш последний Молчаливый Воин пал, — голос Кхаэля стал сухим и резким, словно удар кремня о сталь. — Пал в нечестном бою, когда мир на поверхности перевернулся. Семь лет его Маска пустует. Семь лет мы ищем. Достойного нет. Или мы… не можем признать его достойным. Без Маски мы сильны. С Маской — неудержимы. Но надеть её может лишь тот, чья воля тверже этой стали и чья преданность глубже самых тёмных наших пещер.

Маска лежала в ларце, прекрасная и ужасающая в своей пустоте. Она была не орудием, а вопросом. Обещанием абсолютной власти и немым укором потери. Её присутствие на совете меняло всё — речь шла не просто о союзе, а о поиске нового сердца для их объединённой ярости, нового воплощения их древней клятвы.

Рассказ Морд и вид пустующей Маски изменили атмосферу в поселении. Теперь это было не просто воссоединение нации. Это был призыв. У пришлых была ярость, дракон и право по рождению. У Морд — тысячелетнее знание врага, тайные пути через горы и их величайшее, но пока спящее сокровище.

Вожди совещались всю ночь. План простого штурма стен был самоубийством. Но план Морд был хитер.

— Мы войдём изнутри, как яд, — настаивал Кхаэль. — Откроем ворота. Но для решающего удара, для того, чтобы сломить их волю в самую критическую секунду… нам нужен символ. Нам нужен новый Молчаливый Воин. Пока мы ищем его среди наших объединённых рядов, мы будем готовить почву.

Идея была гениальна и страшна. Война за Гиганттаун становилась не просто битвой за землю, а испытанием. Тот, кто проявит величайшую доблесть, безрассудную храбрость и абсолютную преданность в предстоящих стычках, возможно, окажется тем, кому доверят надеть Маску. И тогда, в кульминационный момент штурма, не человеческая стратегия, а живое воплощение немой мощи обрушится на врага.

На рассвете два народа начали готовиться. Дракон слабо шевельнул крылом. А в каменном ларце, в самом сердце лагеря, пустая Маска ждала. Ждала своего нового голоса, который навсегда станет тишиной, и нового владельца, который станет легендой — или ещё одной строкой в скорбной летописи Морд.

Глава 7: Спасение и тень в темнице

Ночь над Тайнкором была не просто тёмной, а густой, как смола, и холодной, как лезвие ножа. Воздух, пропитанный запахом морского тумана и печного дыма, казалось, сам замирал в ожидании. У подножия старого замка, мрачного гранитного исполина, в котором когда-то билось сердце Стоунстейта, теперь царила лишь тюремная тишина. У его чёрных ворот, утративших гербы, стояли фигуры.

Их было немного. Десять, от силы двенадцать. Но они стояли с той неподвижностью, которая выдавала в них не разбойников, а солдат. Несколько бывших королевских стражников, чья когда-то сияющая броня теперь была матовой, покрытой царапинами и следами небрежной починки. И их предводители.

Дарлион, некогда управитель, был всё в той же потрёпанной кирасе и проржавевших наплечниках. Лицо его, изрезанное морщинами и семью годами скрытного гнева, было похоже на карту осаждённой страны. Гридмер же стоял рядом, и вся его фигура дышала иной, отточенной силой. Он был облачён в стёганый дорогой тулуп из тёмной кожи, поверх которого были надеты литые стальные перчатки, сапоги и шлем. Весь этот доспех был выдержан в единой, пугающей эстетике: всё было заострено. Кончики перчаток, носы сапог, острые выступы на наголенниках. Шлем, скрывавший его лицо, был лишён каких-либо украшений, кроме узкой прорези для глаз и стилизованных острых крыльев по бокам, довершавших впечатление хищной, смертоносной птицы, сложившей крылья. На его бедре висел уникальный клинок — лёгкий, изогнутый, с рукоятью из розовато-сиреневого кунцита, увенчанной крупным, переливающимся всеми цветами синевы и фиолетовым танзитом. Это было оружие мастера, а не мясника.

И рядом с ними, возвышаясь над всеми, как башня, стоял ещё один. Его доспехи не были просто большими. Они были громадными. Пластины стали, толщиной в палец, намертво скреплённые заклёпками, делали его похожим на ожившее железное укрепление. За его спиной, подобно знамени, покоилась двуручная секира, лезвие которой могло бы послужить дверью для амбара. Его лицо скрывал массивный полный шлем, лишённый даже прорези для глаз — лишь мелкие отверстия для дыхания. Он не двигался и не издавал звуков. Он просто был. Орудие. Стена.

Дарлион обвёл взглядом собравшихся, его голос, заглушённый до шёпота, всё же нёс в себе металл приказа.

— План ясен. Входим через старый потайной ход в восточном бастионе. Он ведёт прямо в старые кладовые, ныне — в подсобку тюремной кухни. Оттуда — в коридор, ведущий к камерам. Никто не говорит. Ни один звук. Мы призраки. Запомнили?

Он вытащил из-за пазухи небольшие флаконы с жидкостью, переливавшейся, как ртуть. Зелье невидимости. Работа лучшего алхимика континента.

— Выпиваем. Действие — полчаса. Этого хватит.

Один за другим бойцы подносили флаконы к губам, и на глазах у Дарлиона их силуэты начали дрожать, таять, растворяться в ночном воздухе, пока не остались лишь лёгкие искажения света, едва заметные тени на камне.

Грид выпил своё. Его острый силуэт исчез.

Дарлион последовал за ним.

Все взоры, невидимые, обратились к гиганту в доспехах. Тот медленно, с лёгким скрежетом стали, снял с пояса не флакон, а целую кожаную флягу-ведёрко. Без единого звука он опрокинул её на свою шлемованную голову. Жидкость окатила его с головы до ног, и его колоссальная, чудовищная фигура начала растворяться в воздухе. Это было сюрреалистическое зрелище — невидимая гора железа.

— Идём, — прозвучал шёпот Дарлиона из пустоты.

Они двинулись, невидимые призраки, скользя вдоль замковой стены. Караул у ворот состоял из городских стражников новой формации — людей в простой кольчуге, больше оза-

боченных холодом, чем службой. Им и в голову не могло прийти, что мимо них, в полуаршине, проходит отряд теней.

Потайной ход, известный лишь горстке старых слуг короны, всё ещё работал. Запах сырости, плесени и старого жира встретил их в тесном каменном чреве замка. Они вышли в низкое, заваленное бочками и мешками помещение. Отсюда, через решётчатую дверь, вёл узкий коридор. Здесь уже пахло немытым телом, затхлостью и отчаянием. Тюремный блок.

Никого страшнее этой сонной стражи в замке не было. Вечный Император, презрев старую столицу, возвёл себе новую резиденцию — мрачный шпиль прямо на границе Нордленда и Стоунстейта, символ его власти над двумя землями. Тайнкорский замок опустел, превратившись в большую тюрьму для отбросов империи. И это было их везением.

Тени проскользнули мимо двери в казармы, откуда доносился храп и тяжёлое дыхание дневной смены. И вот они вошли в самое сердце тьмы.

Тюремный блок. Длинный, низкий зал, тонувший во мраке, который рассекали лишь редкие факелы в железных скобах. По обе стороны тянулись ряды клеток, грубых, сколоченных из почерневшего от времени и отчаяния дуба. И оттуда на них смотрело, дышало, жило само дно мира. Запах был неописуем — смесь испражнений, немытой плоти, дешёвого спирта и болезни. В первых клетках храпели, свернувшись калачиком, пьяницы и мелкие воришки. Дальше — фигуры становились зловещее. Там сидели, уставившись в пустоту, серийные душегубы с пустыми глазами. Бормотали безумные проповедники. Шептались, строя кровавые планы, бандиты. Шорох, стон, лязг цепи, внезапный дикий хохот, тут же оборвавшийся рыданием. Это был ад, высеченный в камне. Каждый шаг по этому коридору давался с неимоверным усилием — не из-за физической преграды, а из-за давящего, почти осязаемого зла, что висело в воздухе.

И именно здесь, пока его невидимые спутники с трудом пробирались вперёд, Грид увидел Его.

Внезапно, в нише меж двух факелов, где тени были особенно густы, материализовался силуэт. Он был высок, нечеловечески строен, и на его голове угадывались очертания огромных, изломанных рогов. Силуэт не отбрасывал тени. Он сам был сгустком тьмы. И он смотрел прямо на Грида. Сквозь невидимость.

Голос прозвучал не в ушах, а прямо в сознании. Он был холодным, бархатистым, словно шорох змеиной чешуи по древнему пергаменту.

— С нашей прошлой встречи ты вырос, мальчик. Но умнее, увы, не стал.

Грид замер, ледяная волна прокатилась по его спине. Он мысленно, отчаянно, попытался ответить.

— Кто ты?

— Я — голос разума в твоём безумном предприятии. Я предлагаю уникальную сделку. Ты — лучший алхимик острова. Зачем тебе эти жалкие конспирации? Сдай повстанцев. Всех. Место, имя, план. А взамен… регентство над Стоунстейтом. Ты будешь править от имени Императора. Твои филиалы откроются в каждом городе империи и за её пределами. Ты будешь богат, могущественен, законен. Всё, что тебе нужно — предать этих недотёп.

Мысли Грида метались, но сердце, полное старой боли, вины и любви, окаменело. Картина Виталии в клетке была ярче любого обещания.

— Нет. Никогда.

В тёмном силуэте что-то дрогнуло, будто тень улыбки.

— Упрямство — сестра глупости. Хорошо. Я прибуду позже. Когда ты сделаешь правильный выбор.

И силуэт рассыпался, будто его и не было. Давящее присутствие исчезло. Грид оглянулся. Никто из отряда не дрогнул, не обернулся. Они ничего не видели, не слышали. Это был разговор только для него.

Отряд, ведомый Дарлионом, достиг конца зала. Там, в самой дальней, самой мрачной и прочной камере, за решётками из толстых железных прутьев, лежала фигура.

Девушка. Она спала, свернувшись на грубой соломе, прикрытая тонким, грязным одеялом. Волосы, когда-то уложенные в изящные дворцовые уборы, теперь представляли собой единую, спутанную, но всё ещё прекрасную золотую реку, раскинувшуюся по всему полу камеры. Ей было шестнадцать, когда её забрали. Сейчас ей двадцать три. Годы заточения не сломили её, но отчеканили в чертах лица что-то твёрдое, скорбное и невероятно стойкое. Она была одета в те же походные кожаные штаны и тунику, в которых её схватили семь лет назад, только теперь ткань была истёрта до дыр, залатана, но чиста — она берегла это, как последнюю связь с прошлой жизнью. На её руках были те же перчатки со стальной оковкой, на которой тускло поблёскивал герб Стоунстейта. На ногах — те же ботинки со стальными накладками. Тогда они были ей велики, болтались на худых подростковых руках и ногах. Теперь сидели идеально. Рядом с изголовьем, на полу, лежала диадема. Три изумруда: один крупный, цвета тёмной морской волны, в центре, и два поменьше по бокам. Символ власти, превращённый в тюремный сувенир.

В этот момент действие зелья начало заканчиваться. Сперва проступили силуэты стражников, затем стал виден Дарлион, и наконец, материализовался Гридмер, его острый шлем возник из ничего прямо перед решёткой. Только громадный воин оставался невидимой, но ощущаемой глыбой в конце коридора.

Грид, движимый порывом, забыв об осторожности, аккуратно, но настойчиво постучал стальным перстом по холодному железному пруту. Звук был тихим, металлическим, как падение монеты в пустую кружку.

Принцесса Виталия вздрогнула и открыла глаза. Глаза, уставшие, но полные того же огня, что и прежде. Она повернула голову. Увидела сначала Дарлиона. В её взгляде мелькнуло узнавание, облегчение, радость — но сдержанная, опасливая. Она приподнялась на локте. А затем её взгляд упал на Грида, который в этот момент снял свой острый шлем.

Время остановилось.

Семь лет исчезли. Страх, горечь, отчаяние камеры — всё растаяло в одном взгляде. Она увидела не алхимика в грозных доспехах, а того самого юношу, с которым сбегала из замка, с которым делила мечты и поцелуи в тихих уголках домика в Сайтраме. Его лицо повзрослело, стало жёстче, но в глазах горел тот же огонь — преданности, тоски и безумной, неистребимой надежды. И он увидел не заточённую принцессу, а свою Виту, свою любовь, потерянную и вновь обретённую. Ни слова не было сказано, но в тишине тюремного блока прозвучал целая симфония узнавания, боли и немой клятвы.

Романтическую паузу безжалостно разбил хриплый шёпот Дарлиона:

— Полюбоваться успеете на воле. Сначала — отсюда.

Он достал из потаённого кармана на груди один-единственный, длинный, причудливо изогнутый ключ.

— От всех камер здесь один ключ. Знали только твой отец… и я. Теперь, наверное, знает и начальник охраны, но он предпочитает по ночам пить в городе.

Звучный щелчок замка прозвучал в тишине громоподобно. Дверь скрипнула. Виталия вышла, поднявшись с соломы с неожиданной для семилетнего заточения грацией. Она не бросилась в слёзные объятия. Она была принцессой. Она наклонилась, подняла свою диадему, смахнула с неё пыль и крепко сжала в руке — не на голову, она была ей теперь мала, а как талисман, как доказательство того, кто она есть.

Грид молча протянул ей флакон с остатками ртутной жидкости. Их взгляды встретились снова, и в этот раз в них была решимость. Она выпила. Её фигура задрожала и исчезла. Один за другим все, кроме невидимого гиганта, вновь выпили зелье, поданное Гридом.

Отряд призраков, ведомый Дарлионом и теперь ведомый ещё и невидимой, но ощущаемой рукой Виталии, которая крепко держала диадему, двинулся обратно. Они шли тем же путём, мимо клеток с их жуткими обитателями, мимо храпящей казармы, через кладовку с запахом жира и обратно в холодную, чистую, свободную ночь.

Гигантский воин шёл последним. Никто не видел, как его невидимая стопа размеренно и тяжело ступала по каменным плитам. Никто не слышал его дыхания. Ни одного слова он не произнёс за всю операцию. Он был тишиной. Он был стеной. Он был обещанием силы, о которой повстанцы пока боялись даже мечтать вслух.

А в самой дальней камере остались лишь смятая солома да запах надежды. И тень с рогами, что наблюдала за уходом из самого уголка тьмы, уже строила новые планы.

Глава 8: Дом алхимика

Серый, предрассветный туман клубился над пустынными улицами Тайнкора, поглощая звук их шагов. У старого дуба на перекрёстке, где дорога расходилась на окраину и в аристократический квартал, отряд призраков разделился.

Дарлион, его лицо под капюшоном казалось высеченным из гранита усталости, кивнул в сторону трущоб, где ютящиеся друг на друге домишки сливались в одно тёмное пятно.

— Мы — туда. Отчитаемся, дадим людям отдохнуть. Вы — свой путь знаете. — Его взгляд скользнул по невидимой фигуре принцессы, будто пытаясь удостовериться, что она ещё здесь. — Охрана будет у ваших ворот, Грид. Невидимая.

Грид, уже снова в своём остром шлеме, лишь кивнул. Между ними не было лишних слов. Семь лет подполья научили их беречь воздух. Стражники растворились в переулках, словно их и не было. Остались трое: Грид, невидимая пока Виталия, и тот самый громоздкий, невидимый воин, чьё присутствие ощущалось как сейсмическая тяжесть в двух шагах сзади.

Они двинулись в сторону холма, где даже в упадке Стоунстейта жили те, у кого оставались деньги или влияние. Здесь дома были не деревянными скворечниками, а каменными особняками с решётками на окнах и высокими заборами. И в одном из таких переулков Грид остановился у неприметных, но поразительно крепких ворот из чёрного железа. Он прикоснулся к замочной скважине не ключом, а кончиком своего стального перста — раздался тихий щелчок, и ворота бесшумно отъехали в сторону, открывая путь не во двор, а в тёмный, пахнущий камнем и маслом проезд. Они вошли, и ворота так же бесшумно закрылись за ними.

Туннель вывел их не в сад, а в просторный, освещённый тусклыми магическими светильниками каретный сарай. Только вместо карет здесь стояли странные аппараты: медные перегонные кубы, тележки с ящиками, набитыми сушёными травами, и даже небольшой контейнер, от которого веяло леденящим холодом.

— Здесь, — голос Грида прозвучал в пустоте сарая, и действие зелья окончательно рассеялось.

Материализовалась сначала Виталия, всё ещё сжимающая в руке диадему. Её лицо в холодном свете светильников казалось бледным, но глаза горели. А затем, с лёгким шипящим звуком, будто сходящего пара, проступила гигантская, чудовищная фигура в доспехах. И тут же, не теряя ни секунды, эта фигура пришла в движение. Руки в латных рукавицах потянулись к застёжкам на груди, на боках, под подмышками. Раздалась серия чётких, металлических щелчков, шипений стравливаемого воздуха из хитрых пневматических затворов. Казалось невероятным, что кто-то может так быстро и ловко освободиться от этой железной гробницы.

Пластины стали отпадали одна за другой, открывая не груду мускулов, а… изящную, почти хрупкую на фоне этой груды металла фигуру. Последним сняли шлем.

Из-под него выпали каштановые, вьющиеся волосы, спадающие до плеч. И открылось лицо. Молодое, невероятно красивое, с высокими скулами, полными губами и большими, миндалевидными глазами цвета весенней листвы. Но кожа… кожа была странного, тёплого

медово-золотистого оттенка, будто в неё влили жидкий солнечный свет. Кончики её чуть заострённых ушей виднелись из-под прядей волос. Лесной лод. Дитя человека и лесного эльфа.

Она отряхнулась, как кошка, вылезшая из лужи, и её движения были полны грации, которой не должно было быть у того, кто только что носил на себе полцентнера стали. На ней была простая, но качественная одежда — тёмные лосины, туника, короткий практичный камзол. Она потянулась, хрустнув позвонками, и её взгляд встретился с Виталией. В нём не было ни подобострастия, ни восторга. Был холодный, оценивающий интерес, как у учёного, рассматривающего новый, потенциально проблемный образец.

— Адель, — представил Грид, уже сняв шлем и перчатки. — Моя правая рука. Управляющая, секретарь и… иногда броня. — Он усмехнулся, но в усмешке была доля гордости.

Адель едва заметно кивнула в сторону принцессы, не удостоив её словом или реверансом.

— Покои готовы. И ванна. Я прослежу, чтобы горячей воды хватило. — Её голос был низким, мелодичным, но в нём не было ни капли тепла. Она повернулась и ушла вглубь здания, растворяясь в полумраке коридора.

То, что последовало дальше, было похоже на попадание в другой мир. Грид провёл Виталию через потайную дверь в стене каретного сарая, и они оказались не в богато убранных покоях, а в лаборатории. Или, скорее, в её сердце.

Это было огромное помещение на несколько этажей, связанных ажурными железными лестницами и мостиками. Всё вокруг сияло, блестело и переливалось. Сотни, тысячи стеклянных сосудов — колбы, реторты, пробирки, аллонжи — стояли на полках, висели на стенах, медленно капали или булькали на сложных установках. Воздух был густым коктейлем запахов: сладковатый аромат мандрагоры, едкая вонь серы, терпкая свежесть мяты, тяжёлый, дурманящий запах цветов с другого конца света. В одном углу тихо шипел автоклав, в другом — в хрустальном аквариуме плавали светящиеся медузоподобные существа, чей яд стоил целое состояние. На специальных стеллажах в кристаллических сосудах хранились ингредиенты: от обычных пучков ромашки и корня лопуха, что можно найти на любой обочине, до сияющих самородков арканита, мерцающих сухих крыльев феи и застывших в янтаре слёз горного тролля.

— Добро пожаловать домой, — просто сказал Грид, и Виталия поняла, что для него это и был истинный дом. Не дворец, не крепость, а этот упорядоченный хаос знаний и возможностей.

Он провёл её по боковой лестнице на второй ярус, где стекло и сталь уступили место дереву и ткани. Здесь были жилые помещения. Грид остановился у двери из тёмного дуба.

— Твои покои. Всё, что нужно, внутри есть. Отдохни. Приведи себя… в себя. — Он слегка запнулся, глядя на её спутанные волосы и потрёпанную одежду.

Виталия вошла. Комната была просторной, светлой, обставленной со вкусом, но без вычурной роскоши. Большая кровать с балдахином, туалетный столик, книжные полки, камин, в котором уже потрескивали дрова. И дверь, ведущая в смежную комнату — ванную, откуда уже доносился соблазнительный звук льющейся воды и пар, от которого запотело зеркало.

Она заперла дверь, прислонилась к ней спиной и впервые за семь лет позволила себе выдохнуть. Потом её взгляд упал на диадему в её руке. Она подошла к туалетному столику, поставила три изумруда перед зеркалом. Они смотрелись нелепо, убого рядом с чистотой и порядком комнаты. Как и она сама.

Вода была почти болезненно горячей, но Виталия не вылезала, пока кожа не покраснела, смывая с себя семь лет тюремной грязи, страха и унижения. Она нашла ножницы в шкафчике у раковины. Села перед большим зеркалом, ещё запотевшим, и, не дрогнув, взяла в руки прядь своих роскошных, но мёртвых от грязи и запустения волос. Раз. Два. Золотистые пряди падали на кафель. Она стригла их, вспоминая, как это делала горничная во дворце, вспоминая свой старый силуэт, свой старый запах, своё старое лицо. Когда она закончила, волосы вновь акку-

ратно висели до плеч, как семь лет назад. Лицо в зеркале было другим — взрослее, строже, с тенью под глазами, но это было её лицо. Лицо принцессы Виталии.

Она надела чистую, простую одежду, найденную в гардеробе — белую рубашку, тёмную юбку. Выглядела она не как принцесса, а как учёная дама или гувернантка. И это её устраивало. Она вышла из ванной, и в этот момент в покои без стука вошла Адель.

Эльфийско-человеческая кровь выглядела ещё эффектнее при дневном свете, льющемся из окна. Её золотистая кожа, казалось, светилась изнутри. Она стояла, оценивающе оглядывая Виталию с ног до головы, и в её зелёных глазах не было ничего, кроме холодного презрения.

— Привести себя в порядок — хорошая идея, — начала Адель, её мелодичный голос был отточен, как лезвие. — Но это всё, на что вы можете рассчитывать. Изменения.

Она сделала шаг вперёд.

— Его не было семь лет. Семь лет. Вы представляете, что это такое? Это не отпуск. Это другая жизнь. Он изменился. Он не тот мальчик, с которым вы залезали на яблони. Он — Гридмер. Лучший алхимик континента. У него есть дело. План. Будущее. И в этом будущем… — она позволила паузе повиснуть в воздухе, — …ему нужен символ. Красивый, благородный символ для толпы. Вы идеально подходите на эту роль. Принцесса, вернувшаяся из заточения. Иконка. И всё. Ваша личная история с ним закончилась в тот день, когда вас увели. Теперь вы — часть стратегии. Политический актив. И не более того.

Адель подошла ещё ближе, и Виталия почувствовала тонкий, чужеродный аромат, исходящий от её кожи — смесь лесных трав и чего-то металлического.

— Я была с ним эти семь лет. Я знаю, как он думает, что ему нужно. Я помогала строить всё это. — Она широким жестом обвела комнату, будто имея в виду всю лабораторию, всё дело. — Так что не питайте иллюзий, ваше высочество. Ваше место — на знамени. Моё — рядом с ним.

Виталия слушала, не двигаясь. Она не опустила глаз. Не дрогнула. Годы в клетке научили её слушать тишину между словами и слышать в ней страх. А в голосе этой золотой девушки слышался страх. Страх потерять то, что она считала своим. Принцесса не стала спорить. Она лишь смотрела, и её молчание было красноречивее любой тирады. Она видела в Адель не соперницу, а препятствие. И препятствия либо обходят, либо убирают. Пока что у неё не было сил ни на то, ни на другое. Она просто ждала. Ждала его.

Ожидание было недолгим. Вскоре в дверь постучали, и вошёл Грид. В руках он держал что-то, завёрнутое в тёмный бархат. Его взгляд нашёл Виталию, и лицо его озарила та же кроткая, немного растерянная улыбка, что была у него в юности.

— Я… отнёс её нашим кузнецам. Лучшим. Те, что раньше королевскую гвардию экипировали. — Он развернул ткань.

Это была та же диадема. Три изумруда, те самые. Но тонкое серебряное обрамление было не просто почищено — оно было аккуратно увеличено, добавлены новые, искусно вплетённые звенья, так что форма сохранилась, но размер стал соответствовать голове взрослой девушки. Работа была ювелирной.

— Позволь, — тихо сказал Грид.

Виталия, не говоря ни слова, опустилась перед ним на одно колено, склонив голову. Не как принцесса перед подданным, а как… как тогда, в саду, когда он впервые подарил ей дикий цветок и она в шутку сделала реверанс. Он аккуратно возложил диадему ей на голову. Металл, тёплый от его рук, мягко лег на её тёмно-золотые волосы. Изумруды заиграли в свете, вспыхнув глубоким, живым зелёным огнём — цветом надежды, цветом Стоунстейта.

Он смотрел на неё, и в его глазах была буря. Буря воспоминаний: её смех, её слезы в ночь перед побегом, её испуганное лицо, когда её уносило чудовище, её образ, мучивший его все эти годы. И теперь она была здесь. Реальная. Живая. С его диадемой на голове.

И тут Виталия подняла на него глаза.

— Твоя Адель, — произнесла она тихо, но чётко, — только что сообщила мне, что я всего лишь символ. Политический актив. И что моё место — на знамени, а её — рядом с тобой.

Грид замер. Потом его лицо исказила странная гримаса. Он не рассердился. Он… рассмеялся. Коротко, глухо, почти неуверенно.

— Кто? Адель? — Он повторил это имя, как будто впервые слышал его в таком контексте. — Вита… милая… Она отличный управляющий. Она может подсчитать стоимость ингредиента с точностью до медяка и организовать доставку через пол-империи. Но она… — Он снова рассмеялся, на этот раз с облегчением, махнув рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. — Она секретарь. И иногда телохранитель в этой дурацкой броне, которую она сама же и спроектировала. И всё. Больше ничего.

Он сделал шаг вперёд, взял её руки в свои. Его пальцы, привыкшие к тонкой работе со склянками, были покрыты мелкими шрамами и следами ожогов, но их прикосновение было нежным.

— Семь лет я искал тебя. Семь лет каждый мой успех, каждый заработанный серебряник, каждый новый рецепт был ступенькой к этой ночи. Чтобы найти тебя, вытащить и… — он запнулся, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность, — …и вернуть тебя в свою жизнь. Не как символ. Как Виту. Как ту самую девушку, без которой этот самый «серьёзный алхимик» был бы просто несчастным парнем с колбами.

Он обнял её. Крепко, по-мужски, зарывая лицо в её свежеостриженные волосы у плеча.

— Кроме тебя, мне никто не нужен, — прошептал он ей в ухо, и в этих словах не было пафоса, только простая, оголённая правда, выстраданная за долгие годы.

Виталия закрыла глаза, позволив теплу этих слов и этого объятия растопить последние осколки льда в её душе. Она поверила ему. Не потому что была наивна, а потому что слышала в его голосе ту же боль одиночества, что носила в себе. Над её головой, в отражении зеркала, три изумруда тихо сияли, отмечая не возвращение принцессы, а начало чего-то нового. И за дверью, в тени коридора, золотистые пальцы сжались в тугой, белый от напряжения кулак. Игра только начиналась.

Глава 9: Звёзды над пепелищем

Среди горящих ферм, перерезанных линий снабжения и провинций, стонущих под пятой чужаков, провинция Флеттенхолд была особым видом ада. Это была не просто захваченная территория. Это был плацдарм для осады неприступного. И этим неприступным была Коллегия Свободного Изучения Магической Природы (СИМП).

Стояла она на скалистом плато в самом сердце Флеттенхолда, в области Сайтрам. С начала своих времен её белоснежные башни, увенчанные сияющими куполами обсерваторий и золочёными шпилями библиотек, были символом нейтралитета, знания, стоящего выше сиюминутных распрей королей. Независимость свою коллегия отстаивала не раз — словом, золотом, а когда требовалось, и огненными шарами, низвергаемыми с высоты её стен. Последняя серьёзная попытка покорить её силой была полвека назад, и с тех пор все правители острова Родера смирились: СИМП — это государство в государстве, тихая гавань для умов, где правят законы магии, а не прихоти монархов.

Гондерфеллцам об этом не сказали. А если и сказали, они не поверили.

Их чёрные корабли появились у берегов Флеттенхолда в ту же неделю, что и у Мирталиса. Первые отряды, уверенные в своей силе, подступили к вратам коллегии, ожидая увидеть перепуганных учёных. Они увидели магов. Но не тех, что рисуют в сказках. Старый архимаг Август, некогда мечтательный искатель приключений, добывший в юности легендарный Посох Всезнания ценой жизней своих друзей, встретил их не переговорами. Он встретил их бурей. Стены плато ожили, каменные големы встали из скал, а с башен хлынули потоки расщепляющей материю энергии. Первый натиск захлебнулся. Но гондерфеллцы были не людьми. Они были машиной. Они отступили, проанализировали, и вернулись с другим оружием — не с

копьями, а с тишиной. С какими-то резонирующими кристаллами, которые гасили магические поля, с отрядами смертников, несущих сосуды с ядом тракатита, разъедающим не только плоть, но и заклятья.

Коллегия не была готова к такой войне. Она была готова к осаде, к бою магии против меча, но не к этой чуждой, антимагической тактике. Потери были чудовищны. Пали мастера трансмутации, сгорели заживо целые классы иллюзионистов, пытавшихся сбить врага с толку. А в самом эпицентре последнего, самого страшного штурма, когда казалось, что стены вот-вот рухнут под напором золотых лат, погиб Август. Его нашли у главных ворот, пронзённого дюжиной отравленных копий. Его Посох Всезнания, артефакт, способный отвечать на вопросы вселенной, валялся в пыли рядом. Он не спас его. Он не был оружием. Он был символом.

И символ этот, вместе с окровавленным титулом, достался пятнадцатилетнему пареньку с испуганными глазами — Маромалу, личному ученику Августа. Он умел создавать красивые, сияющие звёзды, которые могли как ослепить или обжечь, так и убить. Он мечтал о тихой жизни в библиотеке, о изучении тайн звёздной магии. Вместо этого он получил посох, окровавленный плащ архимага и море отчаяния в глазах выживших.

Теперь, семь лет спустя, Маромалу был двадцать один год. И он выглядел на все шестьдесят пять.

Он стоял на самой высокой точке уцелевшей южной стены, больше похожей теперь на бастион, сращенный из каменных обломков, магического льда и старых книжных полок, превращённых в баррикады. Его лицо было изрыто шрамами — не от клинков, а от осколков камня, от вспышек чужой энергии, от царапин, нанесённых в рукопашной, когда маны уже не хватало. Глубокие, фиолетовые синяки под глазами светились тусклым, болезненным светом, ярче любого светильника в опустевших залах. Борода, седая уже у висков, спускалась ему на грудь неопрятными космами. Длинные, когда-то ухоженные волосы, теперь грязные и спутанные, падали на изодранный плащ. В его облике не осталось ничего от юного мага. Это был солдат. Измождённый, озлобленный, но не сломленный. Его руки, грубые и покрытые мозолями, сжимали не древко посоха, а рукоять простого, зазубренного меча, снятого с мёртвого гондерфелльца. А к спине был приторочен тот самый Посох Всезнания — не как орудие, а как знамя, как тяжёлое, ненавистное напоминание о долге.

Коллегия СИМП более не была местом учёбы. Это была крепость, изуродованная семью годами непрерывной осады. Белоснежные башни почернели от дыма и копоти. Библиотечные окна были заложены мешками с песком. В роскошных залах для дискуссий теперь стояли нары для раненых и кузнечные горны. В ботаническом саду выращивали не экзотические грибы для эликсиров, а картошку и репу. Здание дышало усталостью, болью и железной, выстраданной волей к сопротивлению.

Маромал отвернулся от вида дымящихся развалин бывшей пристройки для новичков и посмотрел в сторону леса. Там снова зашевелилось. Чёрные точки — разведчики. Скоро будет очередная вылазка. Прощупывание обороны.

Он сплюнул. Его магия — магия звёзд — была не обычной стихийной силой. Он не черпал её из себя. Он был проводником, антенной, настроенной на что-то холодное, далёкое и бесконечно древнее, что мерцало в космической пустоте. Раньше это ощущалось как благоговейный трепет. Теперь это было похоже на вскрытие вены и подключение к ледяной реке бездны. Это причиняло боль. Но давало силу.

Он поднял руку, не глядя в сторону леса. В воздухе перед ним вспыхнула, будто проступая из иной реальности, сияющая форма — огромная, в рост человека, пятиконечная звезда. Она была не просто светящейся. Она была плотной, почти осязаемой, сплетённой из золотого сияния и обрамлённой мерцающей розовой каймой, похожей на зарю на краю вселенной. Она висела в воздухе, тихо гудя, излучая не тепло, а пронизывающий холод чистого пространства.

Маромал мотнул головой в сторону леса. Звезда сорвалась с места. Она не летела — она смещалась, оставляя за собой искрящийся след, разрезая реальность. В лесу, там, где мелькали золотые доспехи, на мгновение вспыхнул ослепительный, беззвучный свет. Когда он погас, от разведчиков не осталось ничего, кроме двух аккуратных, оплавленных по краям полосок на деревьях и нескольких кусков дымящегося металла. Ни крика, ни крови. Только тишина и запах озона.

— Дежурным на восточную стену, — хрипло, не оборачиваясь, бросил Маромал стоявшему рядом юному ученику, больше похожему на ординарца. — Усилить патруль. Они будут пытаться отвлечь.

Он сошёл со стены, его шаги были тяжёлыми. Каждый такой выстрел звездой отнимал у него кусочек чего-то внутри. Не маны, а чего-то человеческого.

В своей «резиденции» — бывшей кладовой для астролябий, теперь укреплённой и заваленной картами, — Маромал упал на стул, потирая виски. Здесь, в тишине, его настигали не гондерфелльцы, а призраки. Призраки другой жизни.

Он вспоминал Стоунстейт. Вспоминал Грида — лучшего друга, брата по духу. Вспоминал их общие мечты о путешествиях. А потом появилась она. Виталия. Принцесса с глазами, слишком умными для её возраста, и с кинжалом, доставшимся от матери-некромантки. Чёрный, не отражающий свет клинок на тёплой, похожей на кость рукояти. Грид потерял голову. А Маромал… Маромал почувствовал, как его мир сузился до роли третьего лишнего. Его тихий, только просыпающийся дар звёзд мерк перед их бурным романом.

Он поступил в СИМП, сбежав от этой пары. А через месяц, по просьбе Лерион из академии ВУИМ, уже будучи учеником Августа, он вернулся — в составе эскорта, чтобы вернуть сбежавшую принцессу домой. Те несколько дней, что он провёл в их доме в Сайтраме, ожидая подготовки, стали адом. Он видел их близость, их шёпоты, их взгляды. Зависть и обида переполняли его. В отместку, когда Грида не было, он язвил, намекал, оскорблял Виту, называя её ветреной особой, играющей чувствами друга. Он, бледный, неуверенный маг, пытался уязвить принцессу. И она, к его удивлению, парировала. Не слезами, а острым, холодным словом. В ярости он, не помня себя, швырнул в неё одной из первых в своей жизни по-настоящему опасной звездой — маленькой, но смертельной.

Он навсегда запомнил то мгновение. Она не отпрыгнула. Она выхватила тот чёрный кинжал и блокировала им звёздный выстрел. Клинок не отразил энергию — он поглотил её, втянул, как губка, и на миг засветился изнутри зловещим багровым светом. А в её глазах вспыхнула не страх, а та же древняя, холодная ярость, что, должно быть, была в глазах её матери. Она двинулась на него, и он увидел в ней убийцу. Его спасло только возвращение Грида. Картина, которую увидел его друг: его возлюбленная с окровавленным (от его же магии) кинжалом, а он, Маромал, прижатый к стене в ужасе, — навсегда разорвала их дружбу. С тех пор они не виделись. Он слышал лишь отголоски: о похищении принцессы, о том, что Грид стал известным алхимиком. А сам он погрузился в свою звёздную бездну и вскоре после этого оказался в этом аду.

Теперь его врагом была не ревность, а иноземная армада. Его большей частью души владела не привязанность к другу или ненависть к принцессе, а простая, животная воля — не дать этому месту пасть. Защитить последний огонёк независимого знания на этом острове. Ради памяти Августа. Ради тех, кто погиб в первые дни. Ради самого себя, потому что если падёт СИМП, падёт и последнее, что связывало его с человеком, которым он когда-то был.

Он взял в руки Посох Всезнания. Древний артефакт был холодным и молчаливым.

— Где их следующий главный удар? — прошептал он, как делал сотни раз.

Посох, как всегда, не ответил. Он никогда не отвечал на прямые вопросы о будущем. Он лишь иногда, беспричинно, показывал обрывки знаний: схему механизма, строку из забытого языка, строение яда тракатита. Бесполезные крупицы в море крови.

Маромал швырнул посох в угол. Он был не волшебником с артефактом. Он был комендантом крепости на краю гибели. За окном снова послышались крики и звон стали. Очередная волна. Он потянулся к мечу. Звёзды могли подождать. Пришло время снова становиться солдатом.

Семь лет. Они казались вечностью. И он знал, что вечность ещё не закончилась. Она только начиналась. И где-то там, в другом конце острова, возможно, уже свободная, жила девушка с чёрным кинжалом и человек, которого он когда-то называл лучшим другом. Но это был уже другой мир. Его мир был здесь, на этих окровавленных стенах, под холодным светом звёзд, которые он призывал, чтобы убивать.

Глава 10: Пепельная передышка

Рассвет в коллегии СИМП не встречали звоном колоколов, призывающих на лекции. Его встречали скрежетом точильных камней о сталь и приглушенным стоном раненых, доносящимся из бывшей Большой Библиотеки. Воздух, когда-то напоенный ароматами старых фолиантов и цветущих в оранжереях лунных лилий, теперь вечно пах дымом, кровью, едкой химией травяных отваров и вездесущей пылью — пылью от разрушенных стен, пылью от шагов на каменных полах, пылью отчаяния, въевшейся в каждую щель.

Маромал, уже на ногах с тех пор, как небо на востоке лишь начало сереть, обходил позиции. Его походка была тяжёлой, механической. Он больше не думал, он — реагировал. Северная стена: трещина, расширившаяся за ночь после очередного удара резонирующего кристалла. Велел заделать ледяной скрепой — пусть хоть на время, пока мастера-камнеделы отдохнут от ночной вахты. Восточные ворота: штурмовая лестница, оставленная гондерфеллцами, аккуратно разобрана на металл. Металл — ресурс ценнее золота. Кухня в подвале: суп из кореньев и скудных запасов ячменя, сваренный в котле, что раньше служил для дистилляции эфирных масел. Порции стали чуть больше — прошлая вылазка за водой к реке прошла без потерь.

Выживание здесь было жёсткой наукой. Учёные, некогда погружённые в дебри теоретической магии, стали специалистами в иных дисциплинах. Старый профессор эвокации, чьи руки когда-то ткали огненные змеи, теперь руководил цехом по перековке вражеских копий на наконечники для стрел и заклёпки для доспехов. Юная ученица герметики, умевшая создавать идеальные магические печати, дни напролёт ставила печати сохранности на мешки с зерном и бочки с водой, замедляя порчу. Библиотекари не каталогизировали свитки, а вели скрупулёзный учёт каждого гвоздя, каждой тряпки, каждой щепотки соли. Коллегия превратилась в улей, где каждая пчела работала не на мёд, а на выживание улья.

Маромал зашёл в лазарет. Воздух здесь был густым от запаха антисептических трав и гноя. Мастер-алхимик, его лицо осунулось от бессонных ночей, кивнул в сторону двух коек.

— Шипокрылы. Новые. Сбрасывали с высоты капсулы с ядом. Двое наших на вышке получили ожоги лёгких. Помочь могу, но нужен чистый воздух и покой. Ни того, ни другого нет.

— Переведи их в крипту под Астрономической башней, — отрубил Маромал. — Там прохладнее и тише. Поставь охрану на вход. Любой ценой сохранить знающих устройство этих штуковин.

Он не смотрел в глаза страдающим. Он видел ресурс. Это было цинично. Это было необходимо.

Его личным убежищем, местом, где он пытался оставаться магом, а не командиром, была Звёздная Палата на вершине самой уцелевшей башни. От былой роскоши остались лишь потрескавшиеся мозаики созвездий на полу и огромный, теперь неподвижный телескоп, ствол которого был направлен не в небо, а использовался как подпорка для потолка, давшего трещину. Здесь, в относительной тишине, Маромал пытался медитировать. Не для покоя — его покой умер вместе с Августом, — а для того, чтобы нащупать связь с холодными потоками

звёздной силы. Каждый раз это было похоже на попытку ухватиться за лезвие. Сила приходила, острая, режущая изнутри, оставляя после себя ломоту в костях и горький привкус железа на языке. Но она давала ему его «артиллерию».

В углу, прислонённый к разбитой консоли управления планетарием, лежал Посох Всезнания. Маромал иногда брал его в руки, вглядываясь в мерцающий в его навершии огромный жёлтый самоцвет.

— Почему они не отступают? — шептал он артефакту в сотый раз. — В чём их цель? Что им от нас нужно, кроме нашего уничтожения?

Посох, как всегда, хранил молчание. Лишь однажды, в первые месяцы осады, он вдруг проявил активность, спроецировав в воздух сложную схему гидравлического насоса. Маромал счёл это насмешкой. Но один из инженеров, увидев схему, ахнул: это было решение для ремонта разрушенного акведука. С тех пор к посоху относились с суеверным почтением, но и с раздражением. Он давал ответы, которые никто не спрашивал, и молчал, когда вопросы были жизненно важны.

На третий день после обхода Маромала к нему ворвался Оррик, начальник разведки — бывший иллюзионист, чьи навыки теперь использовались для создания невидимых постов наблюдения за линией фронта. Лицо Оррика, обычно бледное от напряжения, сейчас было возбуждённым.

— Архимаг! Движение. Большое. Они снимают целые подразделения с наших юго-восточных подступов. Не прячутся даже. Грузятся на свои чёрные баржи у устья реки.

Маромал нахмурился, поднявшись с грубой табуретки.

— Отвлекающий манёвр? Готовят новый штурм с другой стороны?

— Не похоже, — Оррик кашлянул. — Они вывозят не только людей. Орудия, этих… тракатитов в клетках, запасы. Это похоже на переброску. Масштабную.

— Куда?

Оррик беспомощно развёл руками.

— Этого мы не знаем. Наши «глаза» не могут уйти далеко от стен. Но вектор… они грузятся и идут на северо-восток. В сторону центральных провинций. Элфтенхолда… или дальше.

Северо-восток. Не вглубь Флеттенхолда, а прочь из него. Чувство, которое вспыхнуло в груди Маромала, было настолько чуждым, что он сначала не признал его. Это была… надежда? Нет, не надежда. Осторожное, подозрительное облегчение.

— Удвоить наблюдение, — приказал он. — И молчать. Если это ловушка, нельзя показывать, что мы заметили. Если нет… нужно понять, что происходит.

Слух пополз по коллегии быстрее магического послания. «Гондерфеллцы уходят». Шёпотом в столовой, в кузнице, у колодца. Не радость, а лихорадочное недоумение. Почему? Что страшнее осады СИМП может быть у них на горизонте?

Именно в эти дни тревожного затишья на разрушенные главные ворота прибыл обоз. Не гондерфелльский. Не имперский. Эльфийский. Несколько повозок под охраной суровых на вид тёмных эльфов из провинции Элфтенхолд. Их вождь, высокий эльф с кожей цвета воронёного серебра и чёрными, как смоль, волосами, говорил на чётком, но с особыми акцентом общем языке.

— Мы слышали. О вашей стойкости. Долги не забываем. Вы когда-то помогли нашим поселениям в горах. — Он кивнул на гружёные повозки. — Еда. Не золото. Еда, которая может расти здесь.

Он показал на один из ящиков. Внутри лежали странные, узловатые клубни, покрытые серой, словно пепельной, кожурой.

— Пепельный батат. Название не от цвета, — эльф почти улыбнулся. — От того, где растёт. Ему нужен пепел. Уголь. Выжженная земля. Чем земля мёртвее для обычного семени, тем слаще для него урожай.

Он передал Маромалу свиток с изящными, но чёткими рисунками — инструкцией по возделыванию. Полив минимальный. Главное — удобрить землю пеплом и золой. Чем больше, тем лучше.

Маромал смотрел на клубни, потом на закопчённые, усеянные воронками от взрывов поля перед стенами коллегии. На землю, где ничего, кроме чахлой полыни, не росло уже три года. На горы шлака и пепла от сгоревших деревянных укреплений и библиотечных фолиантов, которые пришлось жечь, чтобы не замерзнуть прошлой зимой.

— У нас пепла… предостаточно, — хрипло сказал он.

Это был дар не просто пищи. Это был дар будущего. Символ того, что даже на выжженной войной земле может прорасти жизнь. Эльфы, не задерживаясь, развернулись и уехали, оставив им ящики и тлеющую искру чего-то, кроме выживания.

Ночью небо над коллегией не озарялось зелёными вспышками зарядов вражеских резонирующих кристаллов. Не слышался привычный, леденящий душу скрежет приближающихся осадных орудий. Тишина была оглушительной. Неестественной.

Маромал стоял на стене, вглядываясь в темноту, где ещё вчера мерцали вражеские костры. Оррик был прав. Позиции пустели. Это не была ловушка. Это было… отступление. Временное? Постоянное? Он не знал.

К нему подошла старая хранительница архивов, Элмин. Она несла в руках маленький горшочек с землёй, смешанной с пеплом, и уже с воткнутым в него отрезком батата.

— Посадила первый, архимаг. Для примера. Надеюсь, он прорастёт.

Маромал кивнул, не в силах найти слов. Он смотрел то на тёмный, без костров горизонт, то на маленький горшок с серой землёй. Два знака. Один — об исчезновении привычной угрозы. Другой — о появлении новой, хрупкой надежды.

— Пусть дежурные сменяются как обычно, — сказал он стоявшему рядом часовому. — Но дай людям поспать лишний час. И распорядись завтра — начинаем готовить поля. Все, кто может держать лопату. Мы засеем этот пепел.

Он последний раз окинул взглядом спящую, вернее, затаившуюся коллегию. Война не закончилась. Она просто… отвела взгляд. И в этой передышке, в этой звенящей тишине, таилась новая, неизвестная опасность. Но была и возможность. Возможность не просто выживать, а начать снова что-то строить. Растить. Маромал повернулся и спустился со стены. Впервые за семь лет у него не было ощущения, что завтрашний день принесёт только смерть. Он принёс вопрос. И это уже было больше, чем он мог ожидать. Где-то там, на северо-востоке, клубилась новая буря. А здесь, среди руин, они сажали батат.

Глава 11: Жертва

Прошли недели с момента воссоединения двух ветвей догурского народа. В лагере у подножия Спящего Пика царила не праздничная атмосфера, а напряжённая, как тетива лука, готовность. Вожди, и пришлые, и из Морд, каждый день совещались над картами Гиганттауна, разведчики ползали по скалам, как ящерицы, высматривая слабые места в обороне людей. Но над всем этим, как дамоклов меч, висела пустота каменного ларца. Пустота Маски.

Поиски нового Молчаливого Воина зашли в тупик. Критерии были запредельными: не просто сила или храбрость, а абсолютная, слепая преданность делу возвращения земель, воля, способная вынести вечное молчание и утрату собственной личности. Среди молодых воинов было много отчаянных, готовых на подвиг, но не на пожизненное самопожертвование. Среди старых и мудрых — тех, чья воля была несокрушима, — не было подходящей физической мощи. Маска лежала, холодная и прекрасная, в самом сердце лагеря, немой укор и напоминание об утраченной мощи.

Кхаэль, старый вождь Морд, с каждым днём казался всё более мрачным. Его чёрные, бездонные глаза часто останавливались на ларце, и в них читалась не тоска, а яростная, холодная досада. Его народ ждал тысячу лет. Он сам провёл в подземных туннелях большую часть своей

долгой жизни, вынашивая мечту о возмездии. И теперь, когда час пробил, главный инструмент возмездия был бесполезен.

На очередном совете, когда молодой горячий воин из пришлых в очередной раз вызвался надеть Маску, а старейшины лишь устало качали головами, в зале повисло тягостное молчание. И тогда заговорил один из самых древних среди пришлых догурцев, старец по имени Хротгар. Его спина была сгорблена, кожа напоминала потрескавшуюся кору древнего дуба, а голос звучал как шелест высохших листьев.

— Мы ищем силу в молодой крови, — проскрипел он. — Но что, если сила — не в теле, а в духе, выкованном годами? В воле, что старше этих гор?

Все взоры обратились к нему. Кхаэль насторожился, его острый взгляд впился в старца.

— Я помню… отголосок отголоска легенды. Из времён до Раскола. Ритуал… не жизни, и не смерти. Ритуал Возвращения Пыли. Омоложения. Не для тщеславия. Для долга.

Он рассказал историю, стёршуюся из памяти большинства. Ритуал, требовавший колоссальной магической энергии и жертвы — не жизней других, а собственного накопленного времени, опыта, самой сущности старения. Он возвращал телу молодость и силу, но ценой было сжигание чего-то глубокого, мудрости, укоренённости в мире. Это был акт отчаяния, превращения мудреца в орудие.

— Это опасно, — закончил Хротгар. — Душа может не выдержать такой переплавки. Может рассыпаться, как песок. Но если выдержит… появится воин. Не просто сильный. Воин, чья воля уже доказана веками ожидания. Чья преданность не требует испытаний.

Взгляд Кхаэля и Хротгара встретился. Между ними пробежало немое понимание. Старец предлагал не кандидата. Он предлагал путь. Страшный, почти самоубийственный путь.

— Нет, — первым нарушил молчание один из вождей пришлых. — Кхаэль незаменим. Его знание, его руководство…

— Моё руководство привело нас в тупик, — резко перебил его Кхаэль. Его голос, обычно сухой и шипящий, прозвучал с новой, стальной твердостью. — Я вёл свой народ уже очень давно. Я привёл их сюда, к вам. Моя задача — стратег, тень — выполнена. Теперь нужен меч. Самый острый, самый прочный. Если моя воля, моя ненависть, моё терпение могут стать этим мечом… то это не жертва. Это продолжение службы. Единственно верное.

Его слова не были пафосными. Они были леденяще логичными. Он видел себя не героем, а деталью, которую можно и нужно перековать для нужд машины войны. Возражения стихли. В его чёрных глазах горел огонь фанатичной решимости, перед которым померкли все сомнения.

Ритуал требовал подготовки. Несколько дней лучшие знахари и шаманы обоих кланов готовили священное место в самой глубокой пещере у подножия Пика. Стены испещрили рунами, которые светились тусклым зелёным светом, от которого слезились глаза. В центре расчищенного круга выложили мозаику из чёрного обсидиана и белого кварца — символ единства тьмы и света, старости и молодости. Собрали редкие компоненты: пепел дракона (щепотку, осторожно собранную у спящего гиганта), корни древних папоротников, росших только в пещерах Морд, и воду из подземного источника, что не видел солнца со времён Раскола.

Кхаэль провёл последние часы в одиночестве. Он не прощался. Он отдавал приказы, уточнял детали плана проникновения в Гигантгаун, беседовал со своими доверенными лицами. Он готовил свой уход так, как готовят к выходу на боевое дежурство отряд.

Ночью, когда даже дракон на своём ложе спал глубже обычного, избранные старейшины и шаманы собрались в пещере. Воздух был густым, тяжёлым, пахнущим озоном и камнем. Кхаэль вошёл в круг, скинув с себя свой простой плащ из шкур. Его старое тело, измождённое годами подземной жизни, казалось хрупким перед лицом того, что должно было произойти.

Шаман, самый древний из Морд, начал песнопение. Звук был не человеческим — низкое, горловое гудение, вторившее гулу самой земли. Руны на стенах вспыхнули ярче. Кхаэль стоял неподвижно, его глаза были закрыты.

Шаман бросил компоненты в небольшую чашу в центре круга. Вспыхнуло зелёное пламя, бездымное и холодное. Он зачерпнул этим пламенем, как жидкостью, и провёл рукой по воздуху перед Кхаэлем.

И тогда на старика обрушилась сила.

Не свет, не тьма — а чистая, неструктурированная энергия времени. Его тело затряслось в немом крике. Он оторвался от земли, завис в воздухе в центре круга, скрюченный в мучительной позе. Со стороны было видно, как с него словно стекают, испаряются тёмные, невидимые плёнки — налёт лет, усталости, болезней. Его кожа, сероватая и морщинистая, начала… натягиваться. Морщины разглаживались, как под утюгом. Но это не было прекрасным омоложением. Это было стремительное, жестокое преобразование. Кости затрещали, меняя структуру, мышцы набухали, увеличиваясь в объёме с пугающей скоростью, рвалась и срасталась заново старая, ослабевшая ткань.

Лицо Кхаэля было искажено нечеловеческой агонией. Он молчал, но всё его существо кричало от боли перерождения. Из его рта, ушей, уголков глаз сочилась тонкая струйка крови. Ритуал выжигал из него старость, но платой была сама его сущность, его воспоминания, его «я», превращаемые в топливо для нового тела.

Процесс длился несколько минут, но для наблюдателей он казался вечностью. Наконец, зелёное свечение погасло. Кхаэль рухнул на колени в центре круга, тяжело дыша.

Перед ними стоял уже не старец. Это был мужчина в расцвете сил. Широкие плечи, мощная грудная клетка, рельефные мышцы, покрытые гладкой, серой, здоровой кожей. Его лицо было молодым, суровым, лишённым морщин, но на нём застыло выражение ледяной, нечеловеческой пустоты. В его чёрных глазах не осталось ни мудрости Кхаэля, ни его язвительного ума. Осталась только голая, сфокусированная воля. Пустой сосуд, готовый быть заполненным одной-единственной целью.

Он медленно поднялся. Его движения были плавными, полными сдерживаемой мощи, как у крупного хищника. Он молча осмотрел свои руки, сжал кулаки. Кости хрустнули с новым, здоровым звуком.

Старейшины, бледные от увиденного, почтительно расступились. К ним подошёл воин с каменным ларцом. Открыл его.

Молодой Кхаэль — или то, что от него осталось, — подошёл к ларцу. Его взгляд упал на Маску Молчаливого Воина. Прекрасное, искажённое страданием женское лицо из тёмной стали смотрело на него. Он протянул руку. Его пальцы, сильные и уверенные, коснулись холодного металла.

Он поднял Маску. На мгновение его пустые глаза встретились с пустыми глазницами маски. Затем он медленно, торжественно, надел её на голову.

Раздался тихий, влажный щелчок, будто кости черепа немного сместились, чтобы принять форму артефакта. Маска прильнула к его лицу, став его частью.

И тут же из-под плотно прилегающих краёв маски, у линии подбородка и у висков, выступила и потекла струйками алая, человечески красная кровь. Ритуал перерождения не подготовил плоть к окончательному слиянию с артефактом. Маска вживлялась, впиваясь в кожу, в кость, в саму суть. Кхаэль вздрогнул всем телом, его могучие мышцы напряглись до предела. Из-под маски вырвался звук — короткий, пронзительный, нечеловеческий крик, в котором слились последний остаток личности Кхаэля, агония трансформации и торжество завершённого долга. Это был последний звук, который он издал в своей жизни.

Крик оборвался так же внезапно, как и начался. Кхаэль, теперь уже настоящий Молчаливый Воин, медленно выпрямился. Кровь перестала течь, высыхая тёмными дорожками на

его шее и плечах. Он стоял абсолютно неподвижно. Тишина, исходившая от него, была теперь иной — не отсутствием звука, а его поглощением, давящей, абсолютной тишиной могилы и решённой судьбы.

Один из старейшин, дрожащей рукой, поднёс к его ногам оружие. Не абы какое. Это был тот самый изогнутый, тяжёлый двуручный меч из белого золота, которым Кхаэль когда-то, в далёкой молодости, до ухода в тень, сражался. Он пожелал его ещё до ритуала.

Молчаливый Воин наклонился. Его движения были медленными, точными, лишёнными всякой суеты. Его пальцы обхватили рукоять, украшенную потёртой кожей и старыми, стёршимися рунами догурского рода. Он поднял меч. Лезвие, тусклое от времени, на миг отразило зелёный свет рун, а затем будто втянуло его в себя, став ещё темнее.

Он повернулся и медленно, не глядя ни на кого, направился к выходу из пещеры. Его шаги были неслышными, несмотря на мощное тело и тяжёлое оружие. Он был готов. Машина для убийств, выкованная из долголетней ненависти, выдержанная в терпении, закалённая в боли ритуала и окончательно отточенная немым ужасом Маски, была приведена в действие.

Догурцы обрели не просто воина. Они обрели легенду. Икону. Живое орудие мести, которое теперь будет искать лишь одного — точки приложения своей немой, абсолютной силы. Гиганттаун ждал. И его стены впервые за семь лет действительно содрогнулись бы, если бы могли знать, что тень, павшая на них, теперь имеет стальное лицо и безгласный крик в сердце.

Глава 12: Сделка между Ветром и Морем

Острова Пиратского Братства, известные как Бастион, никогда не были раем. Это был рай для определённого типа людей: для тех, кто предпочитал закону ветра и течений — любой писанный, для кого мерилом справедливости была доля в добыче, а не печать на пергаменте. Воздух здесь всегда пах рыбой, смолой, дешёвым ромом и вольницей. Но даже вольница имела свою цену.

Джон Кливион стоял в длинной, душной очереди перед зданием Администрации — грубым каменным домом с решётками на окнах, больше похожим на арсенал, чем на магистрат. В руках он сжимал свёрнутый в трубку отчёт о последней продаже: партия шипов гипериона, аккуратно очищенных и упакованных, ушла торговцам из Академии ВУИМ за сумму, от которой у нормального человека закружилась бы голова. И ровно тридцать пять процентов от этой суммы Администрация Бастиона требовала себе. «Налог на защиту и инфраструктуру».

— Тридцать пять, чувак! — Джон говорил с тощим, сутулым клерком за решёткой, чьё лицо выражало лишь хроническую скуку. — Это грабёж средь бела дня! Мы рискуем жизнями, наш корабль каждый раз возвращается с пробоинами, которые нужно латать золотом! А вы — сидите здесь и снимаете сливки!

— Ставка едина для всех, капитан Кливион, — монотонно ответил клерк, не глядя на него. — Порт, доки, маяки, гарнизон, который отбивает любопытствующие корабли Империи или гондерфеллцев… Всё стоит денег. Тридцать пять. Следующий.

— Нужно пятнадцать! Максимум — двадцать! — Джон стукнул кулаком по стойке, но звук получился глухим, беспомощным. — Иначе мы все разоримся! Кто тогда будет привозить вам гиперионовые шипы и эльфийский шёлк?

Клерк наконец поднял на него глаза. В них не было ни злобы, ни понимания. Была только усталая уверенность в незыблемости правил.

— Правила установил Совет Администрации. Если не нравится — можете выйти из игры, капитан. На ваше место станет очередь из десятка других, мечтающих о своих «тридцати пяти процентах» от гипериона. Оплатите пошлину. Или освободите очередь.

Джон чувствовал, как кровь приливает к лицу. Он был королём на своём корабле, уважаемым капитаном в тавернах. Но здесь, перед этой решёткой, он был просто очередным просителем. Он видел, как другие капитаны, стоящие сзади, смотрят на него с сочувствием или

усмешкой. Все были недовольны налогом. Но все платили. Система была сильнее любого, даже самого удачливого охотника на чудовищ.

Сгорая от бессильной ярости, он отсчитал тяжёлые золотые слитки и швырнул их в открытое окошко. Клерк бесстрастно взвесил их, кивнул и протянул квитанцию. Джон вырвал её и, развернувшись, грубо расталкивая толпу, выскочил на залитую солнцем площадь Бастиона.

Он собирался было направиться прямиком в порт, к своей «Мести», чтобы залить горечь в горле ромом в компании команды, когда его взгляд зацепился за странную группу, входящую на площадь с противоположной стороны, со стороны причала для пассажирских шхун.

Они выглядели как призраки с материка, затерявшиеся в этом царстве грубой силы и солёного ветра. Впереди шёл мужчина в дорогом, но практичном тёмно-зелёном плаще, из-под которого виднелись странные, будто выточенные из стали, детали доспеха — острые наплечники, защита предплечий. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, но походка была уверенной, целенаправленной. Рядом с ним шагал настоящий исполин в доспехах — таких громадных, тяжёлых и угловатых, каких Джон не видел даже на наёмниках с севера. За ними — пожилой воин в потрёпанной, но крепкой кирасе, с лицом, будто высеченным из гранита, и топором на бедре с каким-то старым, стёршимся гербом. И замыкала группу… девушка. Стройная, в простой походной кожаной одежде, но на её руках и ногах поблёскивала аккуратная стальная оковка с изящным узором. А на её тёмно-золотых волосах, коротко остриженных, лежала диадема с тремя изумрудами, которые даже под бастионным солнцем горели холодным, властным зелёным огнём.

Это была не просто группа. Это была делегация. И её путь вёл прямиком к зданию Администрации.

Любопытство пересилило гнев. Джон, прикинувшись просто зевакой, двинулся параллельно им, сливаясь с толпой торговцев и матросов. Он увидел, как они, не колеблясь, поднялись по ступеням и скрылись за массивными дверями. Что им нужно в логове скряг и бюрократов? Контрабандное разрешение? Покупка оружия? Но вид девушки с диадемой… это пахло политикой. А политика на Бастионе была товаром опасным и очень дорогим.

Джон не ушёл. Он присел на край фонтана напротив, делая вид, что чинит пряжку на ножнах своего кортика. Он ждал. Ждал недолго.

Группа вышла минут через двадцать. Их лица, скрытые и открытые, выражали одно: холодное, сдержанное разочарование. Пожилой воин что-то резко и тихо говорил человеку в плаще, жестикулируя в сторону здания. Тот лишь молча качал головой. Девушка с диадемой стояла чуть в стороне, её взгляд был устремлён вдаль, к кораблям в гавани, и в нём читалась не покорность, а решимость.

Джон отбросил всякую осторожность. Он встал и направился прямо к ним, остановившись на почтительной, но не подобострастной дистанции.

— Не по делам? — спросил он, кивнув на Администрацию. — Судя по виду, вам предложили что-то не менее ценное, чем мне — снижение налогов.

Человек в плаще медленно повернул к нему голову. Капюшон слегка съехал, и Джон увидел молодое, резкое лицо, глаза, полные острого ума и усталости. Это был взгляд человека, который слишком много видел.

— Наши дела несколько… масштабнее налогов, — ответил тот. Голос был спокойным, но в нём чувствовалась стойкость. — Мы ищем помощь.

— Помощь? На Бастионе? — Джон усмехнулся, но беззлобно. — Здесь помощь измеряется в золотых слитках. Или в доле от добычи. Вы к кому? К наёмникам?

— К Администрации, — вступил пожилой воин, Дарлион. Его голос был хриплым, как скрип несмазанных петель. — Нам нужны люди. Рекруты. Солдаты. Те, кто умеет держать оружие и не боится смотреть в глаза имперцам или… другим захватчикам. Мы платим золо-

том сейчас. А после победы — гражданство в свободном Стоунстейте, землю, посты в новой страже. Честь и будущее.

Джон свистнул. Повстанцы. Настоящие. И с принцессой, судя по диадеме. Стоунстейт… Воспоминания семилетней давности, чёрные корабли и дракон на горизонте, вспыхнули в его памяти. Он бежал от этой войны. Искал свободы. А она, похоже, сама приплыла к нему на порог.

— И что, скряги из Совета согласились? — спросил он, уже зная ответ.

— Они сказали, что Бастион сохраняет нейтралитет, — ответил человек в плаще, Гридмер. В его голосе прозвучала лёгкая, язвительная горечь. — Что не могут санкционировать вербовку на своей территории. Что это «нарушит баланс». По сути, нас вежливо попросили убраться.

И тут в голове Джона созрел план. Быстрый, дерзкий и идеально отвечающий его собственным интересам.

— Баланс, — фыркнул он. — Они боятся, что Вечный Император или гондерфеллцы узнают и пришлют свой флот. Они думают только о своей шкуре и своём золоте. — Он сделал паузу, оглядев их всех. — Слушайте. То, что вы предлагаете… здесь это не пройдёт. Администрация не то что не поможет — они, узнав, что вы пытаетесь вербовать тайно, могут сдать вас первой же шпионской сети Императора за вознаграждение. Или просто утопить в гавани ночью, чтобы не было проблем.

Он видел, как Дарлион мрачнеет, а в глазах Грида вспыхивает холодное понимание.

— Но у меня есть предложение, — продолжал Джон, понизив голос. — У меня есть корабль. «Месть королевы Аллесии». Лучший охотник на гиперионов от края до края архипелага. У меня команда — сто головорезов, каждый из которых прошёл через десяток абордажей и охоту на чудовищ, что пострашнее любого солдата. Мы не наёмники. Мы — свободные люди. И мы умеем воевать.

Дарлион хотел что-то сказать, вероятно, о том, что одного корабля мало, что нужна армия. Но Грид резким, почти невежливым жестом остановил его. Его проницательный взгляд изучал Джона, будто взвешивая на невидимых весах его слова, его осанку, ярость в глазах, когда он говорил об Администрации.

— Один корабль, — тихо произнёс Грид. — И профессиональная команда. Вы знаете воды вокруг Родеры? Можете доставить нас и, возможно, кое-что ещё на материк, минуя патрули?

— Я знаю каждую отмель и каждое течение, — без хвастовства ответил Джон. — И мой корабль может пройти там, где любой драккар сядет на мель. Что до патрулей… мы охотимся на гиперионов. У нас есть гарпуны, которые могут пробить борт любого имперского когга. Мы не ищем боя, но если он найдёт нас — мы дадим сдачи.

Молчание повисло между ними. Девушка-принцесса, Виталия, первая нарушила его. Она не сказала ни слова. Она лишь кивнула, глядя прямо в глаза Джону. В её взгляде была не просьба, а оценка и принятие решения.

— Согласен, — отчеканил Грид. — Ваши условия?

— Доля, — сразу ответил Джон. — Не золото авансом. Доля в том, что мы будем добывать для вашего дела. Контрабанда, трофеи, всё, что будет идти на войну. И… место при новом порядке. Когда Стоунстейт станет свободным, я хочу право торговать там без этих дурацких тридцати пяти процентов.

Усмешка тронула губы Грида.

— Договорились, капитан…?

— Кливион. Джон Кливион.

— Капитан Кливион. Покажите нам ваш корабль.

«Месть королевы Аллесии» произвела на повстанцев должное впечатление. Это был не просто корабль — это был хищник. Длинный, низкий, стремительный корпус из тёмного дуба, укреплённый железными полосами. Укреплённая, будто зубастая, корма с огромными гарпунными арбалетами. Паруса, залатанные, но прочные. И команда — бородатые, шрамастые морские волки, смотревшие на гостей с откровенным любопытством и скрытым уважением к тем, кого привёл капитан.

Джон провёл краткий совет с боцманом и старшим гарпунёром. Приказ был прост: сняться с якоря с приливом. Курс — на материк, к заброшенной бухте на южном побережье Элфтенхолда, известной только контрабандистам. Оттуда до Стоунстейта рукой подать.

Когда якорь с скрежетом поднялся, а паруса наполнились ветром, Джон стоял на шканцах рядом с Гридом. Они смотрели, как Бастион, это пристанище вынужденной свободы, медленно уменьшается в дымке.

— Вы бежали от войны семь лет назад, — негромко сказал Грид, не задавая вопроса.

— Да, — кивнул Джон. — Увидел их корабли, их дракона… и побежал. Думал, найду место, где до меня никому нет дела.

— И нашли?

Джон усмехнулся, глядя на своих людей, готовящих корабль к переходу.

— Нашёл кое-что получше. Нашёл команду. И понял, что иногда, чтобы сохранить то, что имеешь, нужно плыть навстречу буре, а не от неё. Просто раньше у меня не было для этого причины. Теперь, похоже, появилась.

«Месть королевы Аллесии» разрезала волны, унося их прочь от нейтралитета — к берегам войны, интриг и старой, забытой родины Джона. И впервые за долгое время он чувствовал не просто свободу от чего-то, а свободу для чего-то. А на горизонте уже вырисовывались знакомые, суровые очертания острова Родера.

Глава 13: Цена обиды и пепел возмездия

Переход от Бастиона к берегам Родеры занял несколько дней. «Месть королевы Аллесии» шла под полными парусами, огибая остров с юга, держась на почтительном расстоянии от побережья Мирталиса, где чёрные мачты гондерфелльского флота были привычной частью пейзажа. Ветер был попутным, море — спокойным, но на корабле царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь командами боцмана и скрипом снастей.

Джон Кливион, обычно проводивший время на шканцах или за проверкой снастей, теперь часто исчезал в своей каюте с картами, проклиная длинный путь. Им предстояло обогнуть почти половину огромного острова: от западных пиратских вод до юго-восточного побережья, контролируемого тёмными эльфами Элфтенхолда.

Грид и Виталия держались особняком, чаще на корме, где ветер уносил их тихие слова. Они говорили мало, но эти разговоры были насыщены тем, что осталось невысказанным за семь лет. Он показывал ей звёзды, называя их именами, которые придумал сам в её честь. Она рассказывала о тюремной тишине, о том, как выучила наизусть каждый скол на стене камеры. Их пальцы иногда сплетались, и в эти мгновения время для них замирало. Адель, сменившая громоздкие доспехи на простую одежду, наблюдала за этим с каменного лица, исполняя обязанности секретаря: проверяла списки припасов, которые удалось закупить на Бастионе, вела лаконичные записи. Но её зелёные глаза, цвета весенней листвы, загорались холодным огнём каждый раз, когда смех Виталии достигал её ушей. Она подходила с каким-нибудь вопросом к Гриду в самый неподходящий момент, её движения были плавными и нарочито близкими, а её золотистая кожа будто светилась в сумерках, притягивая взгляд. Виталия не отвечала на эти выпады, но её плечи напрягались, а рука незаметно сжимала рукоять чёрного кинжала на поясе.

Дарлион проводил время с командой. Старый солдат быстро нашёл общий язык с морскими волками. Он не хвастался, не командовал, а задавал вопросы — о море, о штормах,

о тактике абордажа. И в ответ получал уважение. Он видел в этих грубых мужчинах тот же стержень, что и в его бывших гвардейцах: преданность своему капитану и своему ремеслу. Он тихо надеялся, что если дело дойдёт до боя, на них можно будет положиться.

Бухта, к которой они подошли на рассвете четвертого дня, не имела названия на официальных картах. Местные контрабандисты звали её «Слёзы Лунной Девы». Это была узкая, глубокая расщелина в скалистом берегу, скрытая от глаз моря нависающими утёсами. Вход был коварен — подводные камни, видимые только в определённую фазу прилива. Но Джон вёл свой корабль с уверенностью сомнамбулы. «Месть» бесшумно, на вёслах, скользнула во тьму грота. Внутри царила тишина, нарушаемая лишь плеском воды о борт и капаньем с потолка. Воздух пах солью, сыростью и… гарью. На каменном уступе ещё тлели угли старого костра.

— Быстро, — приказал Джон, его голос гулко отозвался в пещере. — Разгружаем только необходимое. Оружие, доспехи, мои личные ящики с инструментами и золотом. Всё остальное остаётся на борту. Мы вернёмся за кораблём, когда уладим дела с эльфами.

Команда и повстанцы образовали живую цепь, передавая тяжёлые сундуки и свёртки на узкую каменную полку, служившую причалом. Адель, к удивлению многих, без посторонней помощи подняла два тяжёлых ящика с алхимическими реагентами Грида, её движения были экономичными и мощными. Виталия, неся только свой небольшой ранец и держа диадему в руке, внимательно осматривала пещеру, ища скрытые угрозы. Её взгляд, отточенный годами заточения, выхватывал каждую трещину в скале, каждый неровный выступ.

Наконец, всё ценное было на берегу. Грид, Дарлион, Виталия, Адель и десяток самых надёжных людей Джона стояли на каменном уступе. Остальная команда должна была остаться на корабле, караулить его и быть наготове.

— Ждите сигнала, — сказал Джон своему старпому. — Если через три дня нас нет — уходите в Бастион.

Он последний раз окинул взглядом «Месть королевы Аллесии». Его дом. Его крепость. Гордость и доказательство того, что он чего-то стоит в этом мире.

Они сделали несколько шагов вглубь пещеры, намереваясь найти выход на поверхность. И в этот момент мир взорвался.

Сначала послышался не звук, а ударная волна — она вырвалась из грота, сбивая людей с ног, оглушая, засыпая градом мелких камней. Грохот был чудовищным, апокалиптическим. Все обернулись.

Там, где секунду назад гордо стоял корабль, бушевало море огня. Пламя, багровое и ядовито-зелёное от горящих алхимических реагентов, вырвалось из трюма, пожирая паруса, мачты, палубу. Раздалась серия новых взрывов — это рвались бочки с порохом для сигнальных ракет, запасы масла для ламп. Грот наполнился адским светом и жаром. От «Мести королевы Аллесии» оставался лишь пылающий остов, стремительно погружающийся в воду, утягивая за собой в пучину кричащих, охваченных пламенем членов экипажа, оставшихся на борту.

Джон замер. Он не кричал. Он не двигался. Он смотрел, как горит и тонет всё, что он построил за семь лет. Всё, что давало ему смысл и свободу. Его лицо было маской шока, на которой медленно проступало невыносимое понимание. Он видел, как его старпом, объятый пламенем, прыгнул за борт, чтобы не сгореть заживо. Он видел, как его любимые гарпунные арбалеты, творения лучших мастеров Бастиона, скручивались в раскалённые дуги и падали в воду.

Он медленно опустился на колени на холодный камень. По его закопчённому, осторщёкому лицу покатились две слёзы, оставляя чистые дорожки на грязи и пепле. Он не издал ни звука. Его горе было беззвучным и всепоглощающим.

Именно в этот момент, когда все были парализованы ужасом и скорбью, из тени дальнего угла пещеры вышли двое. Это были тёмные эльфы. Но не такие, как те, что привозили

пепельный батат в СИМП. Этих отличала не естественная грация, а тяжеловесная, накачанная мощь. Их плечи были шире двери, мышцы играли под тонкой, но прочной кожей цвета тёмного серебра. Их лица были бесстрастны, а глаза — холодны, как лезвия.

Они молча подошли к Джону, всё ещё стоявшему на коленях. Один из них, без малейшего усилия, взял его под локоть и поднял на ноги, как ребёнка. Второй шагнул вперёд. Его движение было быстрым, как удар змеи. Кулак, размером с череп телёнка, врезался Джону в солнечное сплетение.

Воздух с силой вырвался из лёгких капитана, он согнулся пополам, но эльф удерживал его на ногах. Наклонившись к самому его уху, нападавший произнёс слова чётко, но с явным, шипящим акцентом:

— Бенжемин Ор'нимн передаёт привет.

Сказав это, оба эльфа так же быстро и бесшумно, как и появились, отступили в тень и растворились в лабиринте туннелей, ведущих из пещеры.

Джон, задыхаясь, откашлялся, его тело сотрясали спазмы. Дарлион и несколько моряков бросились к нему, обнажив оружие, но преследовать было уже некого и некуда.

— Кля… клянусь морем… — прохрипел Джон, когда к нему вернулся дар речи.

— Кто такой Бенжемин Ор'нимн? — резко спросил Дарлион, помогая ему выпрямиться. Его воинский ум уже работал, переводя трагедию в категории врага и мести.

Джон вытер рот тыльной стороной ладони, его глаза, ещё полные слёз по кораблю, теперь наполнились чёрной, кипящей яростью.

— Паук, — выдохнул он. — Владелец половины борделей «ночного» Элфтенхолда. Игорных домов. Теневой торговец. Он… он как-то узнал о моей поставке шипов гипериона для академии. Прислал своего посредника. Предложил сумму… в три раза меньшую рыночной. Заказал два десятка шипов для «личных нужд», как он выразился.

Джон закашлялся снова.

— Я… я тогда только начинал. Боялся связей. Думал, откупиться. Я отправил ему шипы. Но… я отправил ровно два десятка необработанных камней с ближайшего пляжа. Похожих по форме и цвету, если не присматриваться. Думал, пронесёт. Или он не разберётся. Видимо… разобрался.

Грид слушал, его лицо было непроницаемым. Взрыв корабля, гибель людей — это была не просто месть за обман. Это было послание. Демонстрация силы и всепроникающего влияния. Они ступили на землю, где правила писали не короли, а такие как Ор'нимн.

— Значит, путь наш лежит не в Стоунстейт, — тихо произнёс Грид. — Он лежит к этому… пауку. Он знал, где мы высадимся. Значит, ждёт. Значит, у него есть что сказать. Или что предложить.

Виталия, всё это время молчавшая, подошла к краю уступа и посмотрела на догорающие обломки её единственного пути к свободе, а теперь — и могилу десятков незнакомых ей, но преданных людей. Она повернулась к Джону. В её глазах не было осуждения. Было холодное, ясное понимание.

— Тогда пойдём к нему в гости, — сказала она. Её голос был тих, но слышен каждому в звенящей тишине пещеры. — И объясним, что сжигание кораблей — плохой способ начинать разговор.

Джон посмотрел на неё, затем на Грида, на Дарлиона, на своих уцелевших, потрёпанных, но готовых к бою моряков. Ярость в его глазах не утихла, но она обрела фокус. Он потерял «Месть». Но у него осталась команда. И появилась новая цель — помимо помощи повстанцам. Цель, пахнущая дымом, морем и кровью эльфа по имени Бенжемин Ор'нимн.

Они собрали остатки снаряжения и, ведомые немым знанием, что за ними наблюдают, двинулись по тёмному туннелю навстречу новой, непредсказуемой угрозе. Пещера «Слёзы

Лунной Девы» приняла в свои глубины последний дым от костра «Мести королевы Аллесии». Начиналась новая глава их пути — глава, написанная пеплом и сталью.

Глава 14: Путь во тьму и воспоминания

Туннель, ведущий из пещеры «Слёзы Лунной Девы», оказался не просто природной расщелиной. Он был обработан — стены подправлены, кое-где подперты резными каменными колоннами, напоминавшими стилизованные древесные стволы. Воздух был прохладным и пах мхом, сырой землёй и чем-то ещё — сладковатым, дурманящим ароматом неизвестных цветов. Света почти не было, лишь редкие бледные грибы-светильники, вкраплённые в стены, отбрасывали призрачное синеватое свечение, которого хватало, чтобы не наткнуться на стену. Это была не дорога, а тоннельная система, сеть вен Элфтенхолда.

Шли молча, насторожившись. Джон Кливион шёл впереди, его шаги, обычно уверенные и гулкие на палубе, теперь были крадущимися, бесшумными. За ним — Грид и Виталия, Дарлион, Адель, а следом — десяток уцелевших моряков, вооружённых абордажными тесаками. Их лица были мрачны. Они только что потеряли корабль и товарищей, и теперь брели во тьме навстречу неизвестности.

Джон, казалось, был погружён в свои мысли. Его спина, обычно прямая как мачта, слегка ссутулилась. Но это была не сгорбленность поражения, а сосредоточенность хищника, идущего по следу. Горечь утраты «Мести» уже переплавлялась внутри него в холодное, неумолимое желание найти ответы и выйти из этого подземелья на своих условиях.

Через несколько часов ходьбы туннель расширился, превратившись в подобие подземного зала с небольшим ручьём, журчавшим по камням. Грид, увидев, что Джон замедлил шаг, поравнялся с ним.

— Ты знаешь, куда ведёт этот путь? — тихо спросил алхимик.

— Нет, — честно признался Джон. — Но они поведут нас туда, куда нужно. Это их территория. Они наблюдают. — Он кивнул в темноту, где, казалось, мелькнуло движение.

— Ты говорил про Картель Междуречья, — продолжил Грид, не желая оставлять капитана наедине с его мрачными мыслями. — Ты был там. Это объясняет твои навыки… и твоё нежелание связываться с властями.

Джон хмыкнул, горько.

— Навыки… да. Картель был не местом для обучения добру. Это была паутина. Паутина из ядов, интриг и клинков в спину. Я попал туда мальчишкой, сиротой с улиц Мирталиса. Меня взяли за быстроту рук. — Он посмотрел на свои ладони, будто видя на них не мозоли моряка, а невидимые следы от тонких лезвий.

— А почему ушёл? — спросила Виталия, шагая рядом. Её голос в темноте звучал мягко, без осуждения.

Джон замолчал на несколько шагов.

— Потому что понял, что никогда не буду своим. Я не мог… наслаждаться игрой. Для них это был Великий Кон — власть, влияние, деньги. Для меня это было просто средство выжить. А потом… я захотел большего. Простого. Ясного. Моря. Где твой враг перед тобой, а не за твоей спиной с улыбкой на лице. Где закон — это сила, верность своим и дележ добычи под звон кружек.

Он умолк, вспоминая.

— Был там один парень. Лестер. Мы… почти дружили. Соперничали. Я всегда был чуть быстрее, чуть удачливее. Но он… он верил в это. В идеалы Картеля. В их извращённый кодекс чести ассасинов. Он видел в этом высшее предназначение. А я видел грязь. Мы разошлись. Когда я сбежал, я оставил ему прощальный «подарок» — подменил его яд слабительным в ответственный момент. Надеялся, что он одумается и сбежит тоже. — Джон усмехнулся беззвучно. — Видимо, не одумался.

Именно тогда сзади, из темноты, раздался хриплый голос Дарлиона:

— Лестер Холдрин?

Джон обернулся, удивлённый.

— Ты знаешь его?

Дарлион, чьё лицо в призрачном свете грибов казалось высеченным из камня, кивнул.

— Знаю. Не лично. По слухам. После падения Старого Порядка многие организации… перестроились. Картель Междуречья не исчез. Он ушёл в ещё более глубокую тень. И говорят, им сейчас правит человек по имени Лестер. Говорят, он вырезал всех старых вождей, кто не принял его видения. Что он превратил Картель из банды наёмных убийц в нечто большее — в политический инструмент. Работает на того, кто больше заплатит, будь то Император, гондерфеллцы или… повстанцы. За соответствующую цену.

Джон замер. Эта новость ударила его сильнее, чем он ожидал. Лестер… глава Картеля. Тот самый идеалист, веривший в кодекс, теперь был пауком в центре паутины, возможно, ещё более грязной, чем раньше. В его душе что-то ёкнуло — странная смесь гордости за старого соперника и глубокого отвращения.

— Значит, мир стал ещё меньше, — пробормотал он. — И ещё опаснее.

Некоторое время они шли молча, каждый переваривая услышанное. Адель, обычно державшаяся чуть позади, на этом относительно ровном участке подошла поближе к Гриду. В синем свете грибов её золотистая кожа казалась неестественной, призрачной.

— Мастер Грид, — её голос, обычно деловой, теперь звучал нарочито мягко, почти интимно. — У меня есть вопросы по поводу корректировки списка реагентов. Некоторые компоненты, закупленные на Бастионе, имеют более низкую чистоту, чем мы рассчитывали. Возможно, стоит…

Она намеренно поставила ногу на неровный камень и слегка пошатнулась, будто теряя равновесие, и её рука легла на его предплечье, чтобы «удержаться». Её прикосновение было твёрдым, но плавным. — Ой, простите. Темно.

Грид машинально поддержал её, его ум всё ещё был погружён в размышления о Картеле и Лестере.

— Да, Адель, позже посмотрим, — пробормотал он, глядя вперёд на спину Джона.

Но Виталия, шедшая с другой стороны, видела этот манёвр отлично. Годы в заточении отточили в ней не только выдержку, но и ясное видение малейшей фальши. Она не сказала ни слова. Она просто изменила траекторию своего следующего шага.

Когда Адель, «восстановив равновесие», попыталась не убирать руку, а, наоборот, приблизиться ещё, чтобы продолжить разговор, Виталия резко, но без лишнего шума, шагнула между ними. Её плечо пришлось точно между рукой Адель и рукой Грида. Лёгкий, но ощутимый толчок заставил эльфийско-человеческую девушку отшатнуться и сделать шаг назад.

— Осторожнее под ногами, — совершенно спокойно, даже вежливо, сказала Виталия, глядя прямо перед собой. — Камни скользкие. Можно упасть.

Адель замерла. Её зелёные глаза вспыхнули в темноте, как у кошки. В них было не просто раздражение, а холодная, оскорблённая ярость.

— Я прекрасно вижу в темноте, ваше высочество, — прошипела она, и в её голосе впервые прозвучала откровенная злоба. — В отличие от некоторых.

— Тогда тем более странно, что ты споткнулась, — парировала Виталия, не поворачивая головы. Её голос был тихим, но каждое слово отчеканено, как клинок. — Или у тебя проблемы с координацией? Может, та броня слишком тяжела для тебя?

— Я ношу её, когда нужно, — Адель выпрямилась, и её фигура, казалось, излучала угрозу. — И знаю, как ею пользоваться. В отличие от принцесс, которые прячутся за мужчинами и старыми титулами.

Напряжение между ними стало осязаемым, густым, как туман в туннеле. Моряки сзади замерли, чувствуя приближение бури. Джон, обернувшись, смотрел на эту сцену с внезапно

проснувшимся интересом, словно наблюдая за редким морским явлением. На его лице даже мелькнула тень ухмылки. Грид же смотрел на них, искренне озадаченный. Он видел две женщины, обменивающиеся колкостями, но глубинный подтекст — борьбу за его внимание — прошёл мимо его учёного, поглощённого глобальными проблемами ума.

И снова вмешался Дарлион. Его голос прозвучал как удар топора по льду.

— Замолчите. Обе. — Его старые, усталые глаза метнули молнии сначала на Адель, потом на Виталию. — Мы в пещере на территории враждебных эльфов, у нас сгорел корабль, нас ведут к неизвестному врагу, а вы выясняете, кто кому наступил на ногу. Следующий, кто откроет рот не по делу, будет нести все припасы до конца пути. Лично.

Его слова подействовали. Адель, сжав губы, отступила на два шага, её взгляд, полный ненависти, был прикован к спине Виталии. Принцесса же лишь слегка кивнула, принимая выговор, но её осанка говорила о победе в этом маленьком столкновении. Грид, пожимая плечами, двинулся дальше, всё ещё не понимая, что только что стал разменной монетой в битве, до которой ему не было никакого дела.

Ещё несколько часов ходьбы, и туннель начал подниматься. Воздух сменился — в нём появились новые запахи: дым, пряности, металл, толпа. Свет впереди стал не синим, а тёплым, жёлтым — свет факелов и фонарей. Туннель вывел их к массивной, искусно выкованной решётке из чёрного металла, за которой открывался вид.

Кармнил. Город тёмных эльфов.

Он был не похож ни на что, что они видели раньше. Город располагался на поверхности. Город состоит из большого количества стен и небольших домов. По стенам этой искусственной колоссальной пещеры, как соты, лепились здания — не каменные, а, казалось, выросшие из самой скалы, переплетённые с корнями гигантских грибов и лианами светящихся растений. Мосты из живого дерева и упругого хитина соединяли уровни города, по ним сновали силуэты. В центре полости, на естественном возвышении, стояло самое большое строение — дворец, или крепость, чьи острые шпили, похожие на сталактиты, упирались в темноту свода. Воздух гудел отдалённым гулом жизни, музыкой странных инструментов и звоном кузнечных молотов.

У решётки их уже ждал отряд эльфийских стражников в латах из чёрного лакированного хитина, с длинными, тонкими копьями. Их командир, эльф с лицом, лишённым эмоций, окинул их взглядом.

— Бенжемин Ор'нимн ожидает вас в своей резиденции, — произнёс он на чистом, но холодном общем языке. — Следуйте. Оружие можете оставить при себе. Пока что.

Решётка с тихим скрежетом отъехала в сторону. Группа, ведомая теперь эльфами, ступила на мостовую Кармнила. Запахи, звуки, виды — всё обрушилось на них, оглушая после долгой тишины туннелей. Они шли по главной улице, мимо лавок, где продавали не овощи, а светящиеся кристаллы, странное оружие, зелья в пузырьках и живых, экзотических существ в клетках. На них смотрели сотни красных, раскосых глаз. Здесь не было страха перед чужаками — было холодное, оценивающее любопытство.

Джон шёл, сжимая рукоять кортика. Его горе по «Мести» и ярость к Ор'нимну никуда не делись, но теперь они были приправлены острым интересом к этому странному миру. Грид анализировал всё увиденное, мысленно оценивая алхимический потенциал местной флоры. Виталия держалась с ледяным достоинством принцессы, её диадема поблёскивала в чуждом свете. Адель шла, как тень, её лицо было каменной маской, но взгляд метал искры в спину Виталии. Дарлион втянул голову в плечи, как старый солдат на вражеской территории.

Их вели к центральному зданию, к тому самому дворцу-сталактиту. К Бенжемину Ор'нимну. Путешествие под землёй закончилось. Начиналась встреча, исход которой никто не мог предсказать.

Глава 15: Плоды гриба и раны души

Жилой гриб Бенжемина Ор'нимна не просто рос у подножия дворца-сталактита — он доминировал над площадью перед ним. Это было чудовищное, пульсирующее жизнью сооружение. Шляпка его, испещрённая узорчатыми порами, уходила в темноту затянутого тучами неба. Ножка, толщиной с крепостную башню, была покрыта твёрдой, блестящей коркой, в которую были врезаны витые окна и двери из тёмного стекла. От него исходил запах — густой, сладковато-гнилостный, с примесью пряных благовоний и чего-то животного, возбуждающего. Это был запах власти, денег и разврата.

Стража молча проводила их к огромной, похожей на раковину, двери в основании ножки. Когда она бесшумно отъехала в сторону, на них обрушилась волна тепла, шума и густого аромата. Они вошли не в прихожую, а в самое сердце борделя.

Перед ними раскинулся зал невообразимых размеров. Мягкий, розоватый свет исходил от самих стен — живых, мясистых, слабо пульсирующих. Многоуровневые галереи, оплетённые живыми цветами, источающими дурманящий нектар, уходили вверх, в дымную высь под шляпкой. Повсюду — роскошные ложи, курильницы, фонтаны с вином. И люди. И эльфы. И другие, менее понятные расы, переплетённые в танце, игре, разговоре и откровенном соитии. Воздух звенел от смеха, стонов, звона бокалов и томной музыки струнных инструментов. Это был храм плотских утех, выстроенный с эльфийской извращённой эстетикой: красиво, искусно и откровенно мерзко.

На лицах повстанцев и моряков Джона отразилось одно и то же — глубокая, нестерпимая брезгливость. Дарлион сжал губы в тонкую белую линию, его рука сама потянулась к топору, но он удержался. Грид побледнел, его рациональный ум отказывался обрабатывать такое наглое смешение алхимии, биологии и разложения. Джон, видавший в портах всякое, сморщился, словно учуял тухлятину. Виталия стояла неподвижно, её лицо стало ледяной маской, но в глазах бушевала буря отвращения и гнева. Только Адель… Секретарша Грида замерла на пороге, и на её золотистом лице мелькнуло странное выражение. Не брезгливость, а… признание. Быстрый, жадный блеск в зелёных глазах, сдержанный вздох, почти незаметное движение бровей. Её тело, обычно напряжённое и собранное, на мгновение расслабилось, впитав эту атмосферу, как губка. Она обожала похабство и разврат, находила в них странную, извращённую свободу и красоту. Но это была её тайна, её личный демон, о котором никто и никогда не должен был узнать.

И именно она, овладев собой, первая нарушила тягостное молчание. Она наклонилась к Виталии и прошептала так, чтобы слышали только она и принцесса, с язвительной, сладкой улыбкой:

— Какое… атмосферное место. Прямо создано для того, чтобы оставлять здесь некоторых навсегда. Вам бы, ваше высочество, понравилось. Нашли бы применение.

Это была последняя капля. Виталия резко обернулась, её рука уже летела к лицу Адель. Глаза принцессы горели холодным убийственным огнём. Но тяжёлая, мозолистая рука Дарлиона перехватила её запястье в воздухе.

— Не здесь, — прошипел старый управитель, его хриплый голос был тише шёпота, но полон такой неумолимой стальной воли, что обе женщины замерли. — Ваши разборки — за пределами этих стен. Сейчас мы — одно целое. Одна ошибка — и нас всех вывезут отсюда в мешках. Понятно?

Виталия вырвала руку, но удар не нанесла. Она лишь бросила на Адель взгляд, который обещал, что этот разговор будет продолжен, и что он закончится не словами. Адель же, удовлетворённо улыбнувшись, отвернулась, будто ничего не произошло.

Их провели через этот вертеп к массивной винтовой лестнице, вырезанной прямо в плоти гриба. Она вела вверх, в шляпку. У её вершины стояли двое стражей — такие же огромные и безэмоциональные, как те, что встретили их в городе. Они молча обыскали их, отобрали лишь

очевидное оружие, но пропустили скрытое — кортик Джона под плащом, маленькие склянки Грида, чёрный кинжал Виталии, закреплённый у неё на бедре под юбкой.

Дверь в кабинет была не из дерева, а из того же хитина, что и доспехи стражников. Она открылась без звука.

Кабинет был огромен, круглый, повторяя форму шляпки. Стены были покрыты бархатом цвета запёкшейся крови, пол устлан шкурами неведомых зверей. В центре за массивным столом из тёмного, отполированного до зеркального блеска дерева сидел тот, ради кого они проделали этот путь.

Бенжемин Ор'нимн. Тёмный эльф, чей вид был пародией на эльфийское изящество. Он был тучен, его живот бугром лежал на столе. Длинные, острые уши были украшены массивными золотыми серьгами с рубинами. Из-за его полных губ, растянутых в самодовольной усмешке, поблёскивали два золотых зуба. Но одежда на нём была безупречно дорогой — камзол из тёмно-фиолетового бархата, расшитый серебряными нитями, на пальцах — перстни с крупными тёмными камнями. И его глаза… маленькие, красные, как у паука, смотрели на них с неподдельным, леденящим презрением.

— Итак, — его голос был удивительно чистым и звучным, без намёка на акцент, что делало его слова ещё более ядовитыми. — Вы, бледнокожие, краткоухие и маложивущие существа, пожаловали в моё скромное убежище. Полагаю, по поводу той дряхлой посудины, капитан которой возомнил себя умнее Бенжемина Ор'нимна. Прислать мне вместо шипов гипериона — идеального материала для… изысканных игрушек для взрослых, если вы, дикари, вообще способны понять такое — обычные булыжники? Наивность, граничащая с идиотизмом.

Он обвёл их взглядом, и на его лице читалась нескрываемая брезгливость.

— Хотя кому я это рассказываю? Ваши умы слишком примитивны, чтобы постичь глубину истинного удовольствия. Вы существуете лишь для того, чтобы пахать, воевать и умирать, верно?

Лица команды исказились от гнева. Джон побледнел от ярости, Грид стиснул зубы. Моряки за спиной заворчали. Даже невозмутимая маска Виталии дала трещину. Только Дарлион оставался неподвижным, его старые глаза внимательно изучали эльфа, как генерал изучает карту поля боя. Он тихим, но чётким жестом велел всем молчать.

— Сэр Ор'нимн, — начал Дарлион, его голос был спокоен и почтителен, без тени заискивания. — Мы, ничтожные создания, хотели бы прояснить ситуацию. Корабль, который вы уничтожили, более не принадлежал тому обманщику. Он был выкуплен и служил делу повстанцев Стоунстейта. Вы атаковали не личного врага, а корабль, участвующий в борьбе за свободу целой провинции.

Пока Дарлион говорил, на лицах его спутников сменялись эмоции. Джон смотрел на него, не веря своим ушам. Зачем он это говорит? Грид морщился, понимая тонкую игру старика, но не одобряя её. Моряки переглядывались в недоумении. На лице Виталии отразилось сначала недоумение, затем — холодное понимание. Дарлион не оправдывался. Он ставил факт, как клинок на стол, давая эльфу понять масштаб его ошибки.

Бенжемин фыркнул, откинувшись в кресле. Его золотые зубы блеснули.

— Возможно, это и так. Но никакой компенсации, разумеется, не будет. Напротив, вам следует радоваться, что вы ещё дышите и удостоились аудиенции у самого Бенжемина Ор'нимна! Ваша жизнь — уже достаточная плата за моё время.

И тут терпение Виталии лопнуло. Это высокомерие, эта глупая, самодовольная улыбка, это упоминание её народа как «дикарей» — всё это наложилось на страх за Грида, на гнев к Адель, на воспоминания о семи годах в темнице. Её разум отключился. Рука двинулась сама собой.

Чёрный кинжал, подарок матери-некромантки, выскользнул из ножен. Не было броска — было резкое, точное движение, будто она просто указала на цель. Кинжал просвистел в воздухе и с глухим, влажным звуком вонзился точно в точку между нагло приподнятых бровей Бенжемина Ор'нимна.

Эльф даже не успел изменить выражение лица. Его маленькие глаза округлились от невероятного удивления, затем стекленеющее безразличие смерти накрыло их. Его тучное тело дрогнуло и осело в кресле.

Виталия спокойно подошла к столу, вытащила свой клинок, вытерла его о богатый бархат камзола эльфа и, повернувшись к побледневшей от шока Адель, произнесла чётко и холодно:

— Ты будешь следующей, если не научишься держать язык за зубами.

В комнате повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь капаньем крови на дорогой ковёр.

Дарлион первый пришёл в себя. Он тяжело вздохнул, глядя на тело.

— Что сделано, то сделано. Ищем компенсацию. Быстро.

Герои, движимые адреналином и прагматизмом, бросились обшаривать кабинет. Джон, забыв на миг о потере «Мести», с профессиональным интересом вскрывал потайные ящики в столе. Грид отыскал несгораемый шкаф, запертый хитрым механизмом, и через минуту щелчок отмычки возвестил об успехе. Внутри лежали не горы золота, но солидная сумма — несколько тяжёлых мешков с отчеканенными эльфийскими монетами и слитки чистого серебра. Этого, конечно, не хватило бы на новый корабль, подобный «Мести», но давало стартовый капитал, возможность купить оружие, нанять людей, добраться до Стоунстейта.

— Уносим, — скомандовал Джон, набивая карманы и свой ранец. — Быстро и тихо.

Они вышли из кабинета так же, как и вошли — спокойно, с каменными лицами. Стража у двери даже не взглянула на них подозрительно. Для них группа людей, выходящая от хозяина, была обычным делом. Никто не заподозрил, что за дверью остался хозяин с дырой в голове.

Спустившись обратно в шумный зал, они проскочили его, не задерживаясь, и вышли на прохладный воздух подземного города. Только тут напряжение начало спадать.

Виталия схватила Грида за рукав и оттащила в сторону, в тень у гигантских корней соседнего гриба. Её дыхание было частым, глаза горели.

— Грид, почему всегда так? — вырвалось у неё, и в голосе впервые зазвучала не гневная, а уставшая, почти отчаянная нота. — Почему я вынуждена с кем-то бороться за тебя? Сначала Маромал, со своей ревностью и звёздами. Теперь эта… эта Адель с её намёками и прикосновениями! Когда же мы просто будем вместе? Без этих «но», без этих стен вокруг, без этих людей, которые считают, что имеют на тебя право?

Грид смотрел на неё, и в его глазах мелькало смятение. Он видел логику в бою, в алхимии, в стратегии. Но эта логика отказывала, когда дело касалось таких бурных, нерациональных чувств.

— Я… я не знаю, Вита, — честно признался он. — Я не просил этой борьбы. Я не замечал половины того, что ты видишь. Маромал… он был другом. Я не видел его зависти, пока не стало слишком поздно. А Адель… она просто хороший управляющий. Эффективный.

— «Эффективный»? — Виталия фыркнула, и в её глазах блеснули слёзы гнева и обиды. — Она смотрит на тебя так, будто ты её собственность! Она встаёт между нами при каждом удобном случае! Ты действительно не видишь этого?

Грид вздохнул. Он видел. Теперь видел. После сцены в туннеле и сегодняшних колкостей картина сложилась.

— Вижу, — тихо сказал он. — Но я не знаю, что с этим делать. Моё сердце… оно не выбирало. Оно просто всегда было твоим. С тех пор, как мы сбежали из дворца. С тех пор, как я потерял тебя. Оно ждало. Семь лет оно ждало только тебя. Оно не спрашивало моего разрешения. Оно не анализировало, кто рядом, кто полезен, кто нет. Оно просто… болит без

тебя. И сейчас, когда ты здесь, оно бьётся так, что, кажется, грудная клетка не выдержит. А всё остальное… Маромал, Адель, эта война, этот эльф… это просто шум. Фон. Ты — единственный реальный звук в этой какофонии.

Он говорил не как алхимик, а как тот самый пятнадцатилетний мальчишка, влюблённый до беспамятства. Его слова были неуклюжими, лишёнными пафоса, но в них была оголённая, болезненная правда.

Виталия замерла. Слёзы, готовые вырваться, остановились. Она смотрела в его глаза и видела не учёного, не лидера повстанцев, а своего Грида. Того, который боялся, но всё равно шёл за ней, который потерял её и не смог с этим смириться.

Она шагнула вперёд, схватила его за острые отвороты камзола и притянула к себе. Их губы встретились в поцелуе, который был не нежным, а жадным, отчаянным, полным семи лет разлуки, боли, страха и ярости. Это был поцелуй утопающих, нашедших друг друга в бушующем море. В нём было обещание — что какие бы стены, люди или войны ни вставали между ними, они будут их ломать, потому что альтернативы нет. Её диадема упёрлась ему в лоб, его руки обвили её талию, вцепившись в кожу, будто боясь, что её снова унесут.

Когда они наконец разомкнули губы, дыхание у них было прерывистым. Виталия прижалась лбом к его груди.

— Тогда скажи ей, — прошептала она. — Скажи ей раз и навсегда.

Грид кивнул. Он нашёл Адель стоящей чуть поодаль от группы, уставившейся на пляшущие огни в окнах соседнего здания. Её спина была прямая, но в её позе читалось напряжение.

— Адель, — позвал он тихо. — Пойдём.

Она обернулась, и в её зелёных глазах мелькнула надежда, быстро погашенная холодной маской. Они отошли за огромный корень, в полную тишину.

— Адель, — начал Грид, глядя прямо на неё. — Ты — лучший управляющий, которого я мог себе представить. Ты — блестящий стратег и бесстрашный воин в этой броне. Ты была со мной с самого начала, когда мы открывали первую лавку. Ты — друг. И я ценю это больше, чем ты можешь знать.

Адель слушала, не двигаясь, но её губы слегка дрогнули.

— Но, — продолжил Грид, и его голос стал твёрже, — моё сердце не принадлежит мне. Оно не было моим с того дня, как я встретил Виталию. Оно ушло с ней в ту темницу семь лет назад и вернулось только сейчас. Оно никогда не было моим, чтобы им распоряжаться. Оно всегда было её.

На глазах Адель, всегда таких холодных и насмешливых, выступили слёзы. Она не плакала, они просто навернулись и повисли на ресницах, не скатываясь.

— Почему? — выдохнула она, и её голос дрогнул. — Почему именно она? Я была здесь! Все эти годы! Я строила всё это с тобой! Я… я…

Она не могла договорить. В её голосе звучала не просто обида, а рана, глубокая и кровоточащая.

— Почему нельзя было полюбить меня?

Грид смотрел на неё с бесконечной грустью. Он не мог дать ответа, которого она ждала.

— Любовь — не алхимия, Адель. Её нельзя вывести формулой. Её нельзя заслужить трудом или временем. Она просто есть. Или её нет. Моя — есть. Она — Виталия. Другого ответа у меня нет.

Он повернулся и пошёл обратно к группе, оставив её одну в тени корня. Адель не двинулась с места. Она стояла, смотря в каменный пол пустыми, полными невыразимой грусти глазами. Слёзы наконец скатились по её золотистым щекам, оставляя блестящие дорожки. Всё, во что она верила, ради чего работала, на что надеялась, — рассыпалось в прах. Она осталась у разбитого корыта: прекрасным инструментом, который оказался не нужен своему мастеру, потому что тот нашёл свою утерянную мелодию.

Грид вернулся к остальным. Джон смотрел на него с пониманием, Дарлион — с одобрением. Виталия встретила его взгляд, и в её глазах читалась благодарность и тихая, усталая радость. Они собрали мешки с деньгами и двинулись прочь от гриба-борделя, от тела Бенжемина Ор'нимна, от разбитого сердца Адель. Впереди был лабиринт тёмного города, путь к Стоунстейту и война. Но теперь, по крайней мере, один призрак между ними был изгнан.

Глава 16: Ночь в городе искушений

Покинув Кармнил через другую сеть туннелей, они через сутки вышли на новую открытую местность. Этот город, называвшийся Ундерспайр, был иным. Небо здесь казалось ниже, а земля усыпана светящимися жилами минералов, которые создавали иллюзию звёздного неба. Архитектура была более строгой, меньше растительности, больше камня и металла. В воздухе витала смесь запахов раскалённого железа, озона и выхлопов от странных механизмов на паровых котлах — эльфы здесь явно промышляли ремёслами и торговлей. Толпа была пестрее: помимо тёмных эльфов и людей-торговцев, мелькали крепкие, приземистые гномы с закопчёнными лицами и загадочные существа в капюшонах.

Усталость давила на всех. Несколько дней в напряжении, подземных переходах и психологическом прессинге сделали своё дело. Нужен был привал, горячая еда и крыша над головой.

На окраине одной из площадей, возле гигантской, тихо шипящей паровой кузницы, Дарлион собрал совещание.

— Разделимся. Быстрее будет. Грид, Виталия — ищите таверну, где можно разместить всех нас. Просторную и по возможности… незаметную. Кливион — со мной. Найдем менял, обменяем это эльфийское золото на имперские талеры или хотя бы на серебро. Курс будет грабительским, будем торговаться. Адель… — он посмотрел на лесного лода, стоявшего в стороне с пустым, отсутствующим взглядом. — Займись припасами. Осмотри аптеки, купи бинты, антисептик, что-нибудь от усталости. Встречаемся здесь через три часа.

Адель молча кивнула, не глядя ни на кого, и растворилась в толпе. Её движения были механическими. Грид почувствовал укол вины, но Виталия взяла его за руку, и они двинулись в другую сторону.

Поиски таверны оказались сложнее, чем ожидалось. Первые две, на которые они наткнулись, были либо переполнены шумными гномами-шахтёрами, либо явно служили притоном для сомнительных личностей, чьи взгляды слишком заинтересованно скользили по диадеме Виталии. В третьем месте, «Ржавом Сталактите», хозяин — угрюмый тёмный эльф с шрамом через оба глаза — сначала отказал, но увидев золотую монету, которую Грид положил на стойку, почесал заостренное ухо.

— Есть подвал. Старая кладовая. Сухо, есть солома. Места на двадцать. Но никакого шума. И платите вперед.

Это было лучшее, что они могли найти. Грид заплатил за две ночи. Пока они осматривали подвал — просторный, пахнущий пылью и старостью, но с крепкой дверью, — Виталия тихо сказала:

— Она не вернётся.

— Кто? Адель? Она выполнит задание, — неуверенно ответил Грид.

— Не о задании я. Она не вернётся к нам. К тебе. Она ушла ранить свою боль где-нибудь в темноте.

Грид ничего не ответил. Он боялся, что Вита права.

Тем временем Дарлион и Джон вели свою войну — экономическую. Первый меняла, к которому они подошли (эльф с лицом бухгалтера и лупой в глазу), предложил обменять их золото по курсу один к полутора в пользу эльфийских монет.

— Вы с ума сошли? — фыркнул Джон. — Эльфийское золото чище! Курс должен быть один к одному, если не лучше!

— Риск, — бесстрастно ответил меняла. — Имперские патрули могут конфисковать «вражескую валюту». Мои издержки. Полтора к одному.

Дарлион, использовав всю свою дипломатическую выдержку, вступил в долгий, изматывающий торг. Они обошли пять контор. Везде — грабёж. Только в шестой, у старого, полуслепого гнома, который ворчал, что «эти длинноухие всегда норовят обжулить», удалось выбить приемлемый курс — один к одному с небольшой потерей на «услуги». Они вышли с тяжёлым мешком имперских талеров, но потратили почти все три часа.

Когда все собрались у «Ржавого Сталактита», Адель среди них не было. Прошёл ещё час. Сумерки подземного «дня» сменились ночью, освещаемой лишь тусклыми светильниками.

— Где эта стерва? — проворчал один из моряков Джона, но тут же получил предупреждающий взгляд капитана.

Грид беспокойно смотрел на улицу. Его рациональный ум прокручивал варианты: могла попасть в стычку, быть ограбленной, арестованной стражей… или просто сбежать. Последнее казалось самым вероятным и самым болезненным.

— Искать, — отрезал Дарлион. — Парами. Осторожно. Джон, со своими людьми обойди рынки и аптеки. Мы с Гридом и Виталией — остальные районы. Каждые полчаса — отчёт здесь.

Поиски были тщетны. Никто не видел золотистокожую девушку-полуэльфа. Упоминания о ней вызывали у торговцев лишь равнодушные пожимания плеч. Город поглотил её.

Отчаявшись, они уже возвращались к таверне, когда Грид заметил знакомый силуэт, выходящий из переулка. Это был один из тех мускулистых, красноглазых тёмных эльфов, что иногда попадались среди городской стражи. На его лице была блаженная, самодовольная ухмылка. И на его плече краснел свежий след царапины, будто от острых ногтей.

Что-то ёкнуло в груди Грида. Он молча кивнул Виталии и Дарлиону и, не объясняя, двинулся за эльфом. Тот привёл его к одному из жилых грибов, поменьше того, что принадлежал Ор'нимну, но всё ещё внушительному. Из-под резной двери в его основании лился тёплый, розоватый свет и доносились знакомые звуки — музыка, смех, приглушённые стоны.

Грид вошёл внутрь. Картина была той же, что и в Кармниле, только в меньшем масштабе и с более… специализированной клиентурой. Здесь было меньше показной роскоши и больше откровенной, грубой чувственности. И в центре одного из залов, на низком диване, обвитом лианами, он увидел её.

Адель. Она была почти не одета. Её золотистая кожа, обычно скрытая под одеждой или бронёй, сияла в полумраке. В одной руке она держала бокал с тёмной, густой жидкостью, из которого отхлебнула, закинув голову. Две другие руки — принадлежавшие двум лысым, мускулистым тёмным эльфам с алыми, как у демонов, глазами — скользили по её телу с профессиональным, но не лишённым удовольствия усердием. Один из них что-то шептал ей на ухо, и она смеялась — хриплым, разбитым, не своим смехом. Её глаза, обычно такие зелёные и острые, были мутными, потухшими. Она не просто пила. Она пыталась утопить в алкоголе и чужих прикосновениях всю свою боль, унижение и пустоту.

Грид застыл на пороге. Виталия, последовавшая за ним, увидела эту сцену и не сдержала короткого, резкого смеха — не злорадного, а полного горького понимания и презрения к такому способу бегства. Джон, появившийся сзади, свистнул, и одна из его бровей поползла вверх, а в глазах мелькнуло невольное восхищение открывшимся видом — Адель, лишённая брони и надменности, была чертовски привлекательна. Дарлион, бросив один взгляд, тяжело вздохнул, махнул рукой, развернулся и ушёл прочь, не желая видеть дальше.

Но Грид не видел ни привлекательности, ни повода для смеха. Он видел только глубоко несчастного человека, своего друга, который разбивался о камни собственного сердца. Он видел в ней себя семилетней давности — того, кто бежал от ужаса и потери, пытаясь заглушить

боль чем угодно, лишь бы не чувствовать. Только он бежал в море, а она — в объятия порока. Разница была лишь в направлении, но глубина падения была одинаковой.

Он шагнул вперёд, расталкивая полупьяную публику. Подошёл к дивану. Эльфы насторожились, их красные глаза сузились.

— Пошла вон, краткоухий. Занято, — прошипел один.

Грид не ответил.Он посмотрел прямо на Адель.

— Адель. Мы идём.

Она медленно перевела на него мутный взгляд.Узнавание заняло несколько секунд.

— Маааастер Гриииид… — она протянула слово, и в её голосе была ирония, смешанная со слезами. — Пришёл… забрать свой инвентарь? Он в порядке… — она жестом обвела своё тело, и эльфы засмеялись.

— Вставай, — сказал Грид тихо, но так, что его голос прозвучал чётко даже сквозь гул зала. — Сейчас же.

— А если не хочу? — она выпятила нижнюю губу в капризной, детской гримасе, которая выглядела жутко на её взрослом лице. — Здесь тепло… весело… Они не считают меня просто «инструментом»…

Грид больше не стал ждать.Он резко наклонился, схватил её за запястье и рывком поднял на ноги. Бокал упал и разбился. Эльфы вскочили, готовые вступиться, но Грид одним движением свободной руки достал из-за пояса небольшую склянку с маслянистой жидкостью и пригрозил ею.

— Порошок мгновенного оцепенения. Хотите провести остаток ночи, глядя в потолок?

Эльфы,знакомые с алхимией, отступили, бормоча проклятия.

Адель попыталась вырваться, но её движения были медленными, неуклюжими от выпитого.

— Отстань! Оставь меня! Ты уже всё сделал! Чего ты ещё хочешь?!

— Я хочу, чтобы мой друг не сгнил заживо в этой яме, — сквозь зубы процедил Грид и, перекинув её руку себе на шею, почти понёс её к выходу. Она была тяжелее, чем казалось, вся её мускулатура обвисла в расслаблении опьянения.

Путь до таверны стал для Грида испытанием. Адель то висела на нём безвольно, то начинала буянить, выкрикивая обрывки обид:

— «Просто друг»! «Просто секретарь»! А я… а я думала… все эти годы…

— Молчи, — коротко командовал Грид, едва удерживая её.

— Она лучше? Да? Принцесса! С диадемой! А я что? Я — гибрид! Урод! Ни эльф, ни человек! И никто меня никогда…

— Заткнись, Адель.

— Полюби меня! — вдруг закричала она прямо ему в лицо, и в её крике была вся боль мира. — Хоть немного! Хоть как друга, но по-настоящему!

Грид остановился, переводя дыхание. Он посмотрел в её полные слёз, ничего не видящие глаза.

— Я и люблю тебя как друга. По-настоящему. Поэтому и тащу тебя отсюда. Потому что друзья не дают друг другу пропадать. А большего я дать не могу. Никогда не смогу. Прости.

Она замолчала, словно эти последние слова достигли цели. Её тело обмякло, и она разревелась — тихо, безнадёжно, уткнувшись лицом в его плечо. Он продолжил путь, неся её и её сломанное сердце через безразличные улицы Ундерспайра.

В подвале «Ржавого Сталактита» он уложил её на груду соломы в дальнем углу. Виталия молча принесла воды и влажную тряпку. Их взгляды встретились над спящей, всхлипывающей Аделью. В глазах Виталии не было уже ни злорадства, лишь усталое понимание. Она кивнула Гриду, давая понять, что всё в порядке, и отошла.

Грид сел на ящик рядом, глядя, как сон наконец побеждает алкоголь и горе в его секретарше. Он чувствовал себя ужасно. Он причинил боль человеку, который был ему предан. Но он знал, что любая ложь, любая полуправда сейчас были бы в тысячу раз жестокее. Оставалось только ждать, сможет ли она собрать осколки себя заново, и каким человеком выйдет из этого испытания.

В подвале воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием спящих и далёким гулом подземного города, который жил своей жизнью, не ведая о маленьких драмах в своих стенах.

Глава 17: Наследники паука

Город Ихт раскинулся на берегу сурового Эмейского моря в глубокой, защищенной скалами бухте. Он не прятался в пещерах. Его высокие, стрельчатые башни из тёмного камня и причудливого дерева вздымались к серому, вечно затянутому тучами небу. Воздух был насыщен запахами солёных брызг, рыбы, смолы и дальних странствий. Ихт был крупнейшим портом Элфтенхолда, местом, где сталкивались миры: изящные, быстроходные эльфийские клиперы с чёрными парусами стояли на якоре рядом с тяжёлыми, неуклюжими торговыми коггами людей и бородатыми драккарами с севера. Здесь тёмные эльфы торговали своими диковинными товарами — светящимися кристаллами, грибным шёлком, редкими ядами и знаниями древних свитков — в обмен на золото, сталь, зерно и новости с континента.

В центре города, в престижном квартале, где улочки были мощены гладким базальтом, а фасады домов украшали сложные резные орнаменты, стоял Жилой Гриб. Он был выращен искусственно, символ статуса и богатства, а не природное образование. Его ножка, облицованная тёмным мрамором, уходила в землю, а огромная, куполообразная шляпка была покрыта пластинами полированного черного хитина, отливающего металлическим блеском. Это был не бордель, а частная резиденция — дом одного из отпрысков могущественного клана Ор'нимн.

Внутри, в просторном кабинете на верхнем уровне гриба, за массивным столом из чёрного дерева сидел хозяин. Йор Ор'нимн. На первый взгляд он был вылитой, хоть и расплывшейся копией своего покойного отца в молодости — те же острые черты, кожа цвета потускневшего серебра, длинные уши, украшенные скромными, но дорогими серьгами. Но сходство было обманчивым. Где у Бенжемина читалась грубая, хищная сила паука в центре паутины, у Йора сквозила лишь вялая самоуверенность избалованного наследника. Его черты казались размытыми от недостатка воли и избытка комфорта. Живот, ещё не достигший отцовских размеров, но уже выдающийся, говорил о пристрастии к изысканной кухне и отвращении к любой физической активности. Его ухоженные, пухлые пальцы перебирали не клинки или контракты, а страницы гроссбухов, которые за него вели десятки клерков. Сама мысль о глубоком погружении в дела вызывала у него зевоту.

Он мечтал не о расширении империи, а о том, чтобы она без его усилий приносила ещё больше золота. Его амбиции сводились к покупке более роскошной яхты, коллекционированию редких вин и устранению единственного человека, который мог оспорить его право на эту золотую жилу — его сестры, Нерию.

Его размышления прервал бесшумно вошедший слуга — пожилой тёмный эльф с лицом, похожим на высохшую гримасу. На серебряном подносе лежал небольшой свиток, запечатанный чёрным воском с оттиском фамильной печатки Ор'нимн — стилизованным пауком.

Йор, морщась, сломал печать. С первых строчек острый, витиеватый почерк Нерии вывел его из состояния сонного равнодушия.

«Братец.

Прими мои самые лицемерные соболезнования. Наш дорогой отец отправился в Тенистые Сады Гинариума. Не от старости. Кто-то вонзил ему в лоб стальной аргумент в ходе беседы с делегацией тех самых жалких повстанцев Стоунстейта. Видимо, переговоры зашли в тупик.»

В вялой крови Йора что-то ёкнуло — острое, животное предвкушение. Он продолжил читать, его глаза забегали по строчкам.

«Отец мёртв. Это факт. Теперь всё, что он с таким трудом (ха-ха) накопил, должно перейти в надёжные руки. Мои руки, как ты знаешь, для управления делом слишком… заняты. А твои, дорогой Йор, слишком пухлы и ленивы.»

Привычная злоба, старая знакомая, зашевелилась в груди. Но дальше было то, что заставило его выпрямиться в кресле.

«Однако, прежде чем мы начнём наш милый семейный спор, есть нюанс. Кабинет отца после визита этих… краткоухих варваров оказался чист. В прямом смысле. Ни монеты. Они ушли, прихватив всё, что не было приколочено. А что было приколочено — отколотили. Отец, видимо, умер не только от раны, но и от разрыва сердца при виде такой наглости.»

Йор аж подпрыгнул. Не золото отца! Его золото! Оно должно было плавно перетечь в его закрома, оплатить ту самую яхту с парусами из дорогой, дезертстейтской ткани! А какая-то банда оборванцев посмела это украсть?! Гнев, непривычно яростный, разогнал его апатию. Пухлые пальцы сжали пергамент.

«Я выезжаю в Ихт. Прибуду через три дня. Нам нужно обсудить два пункта: первое — как поделить то, что осталось (я предлагаю продать всё с молотка, но ты, наверное, захочешь что-то «сохранить», скучный ты человек). И второе, куда интереснее: что делать с этими воришками. Отец, при всей его… грубости, был нашей семьёй. Его смерть и кража — оскорбление. А оскорбления клану Ор'нимн не прощают. Даже если ты, Йор, предпочтёшь отсидеться в своём уютном грибке.

Жду. Братец.»

Йор швырнул письмо в камин. Оно вспыхнуло ярким синим пламенем — Нерия, как всегда, использовала чернила с фосфором для драматизма. Он забегал по кабинету, его тучное тело неловко раскачивалось.

Смерть отца — прекрасно! Наконец-то избавиться от вечно недовольного старого паука! Мысль о главенстве сладко кружила голову. Он представлял, как выгонит Нерию с её мерзкими привычками… Но мысль об украденном золоте отравляла всю радость. Его золото! И эти… эти люди!

И последнее — Нерия едет сюда. В его дом. Чтобы «обсудить». Он знал её «обсуждения». Она вырвет львиную долю, пока он не опомнится. Она умнее, хитрее и… мерзкая. Сама мысль о её присутствии под одной крышей заставляла его кожу покрываться мурашками от брезгливости.

Он подошёл к огромному окну, выходившему на гавань. Вдали, где серое море сливалось с горизонтом, он мысленно уже видел чёрные паруса её клипера. Три дня. У него было три дня, чтобы придумать, как защитить своё. И, возможно… направить её острое, как бритва, внимание и жажду мести в нужное русло. Пусть она займётся этими повстанцами. Пусть они перегрызут друг другу глотки. А он, Йор, будет наблюдать со стороны и подбирать то, что останется.

На его губах появилась улыбка — хищная, жадная, достойная сына Бенжемина. Игра начиналась.

Мысль о Нерии не давала покоя. Он ненавидел её чистой, незамутнённой родственной ненавистью. Где он видел в отцовском бизнесе обузу, она в юности нашла в нём… вдохновение. Не для управления. Для потребления.

Йор помнил её в шестнадцать. Уже тогда она была невыносима. Нерия превращала порок в искусство, в свою религию. Её коллекция «игрушек для взрослых» была огромной. У неё есть целый зал, заставленный шкафами с классификацией по материалу, размеру и назначению. Её ночные пиршества в Кармниле длились днями, и не все гости выходили оттуда живыми или в

здравом уме. Она была демоном в облике хрупкой эльфийки с большими, наивными глазами и дразнящей улыбкой.

И самое отвратительное — она презирала бизнес. Для неё это был лишь фонтан золота для вечного праздника. Мысль о том, что она может потребовать долю и спустить её на оргию или бессмысленную месть, сводила его с ума. Нет, он должен взять всё под контроль. Избавиться от неё. А теперь… появился идеальный инструмент. Эти повстанцы. Пусть станут костью, которую он бросит голодной собаке. Пусть Нерия загорится идеей мести (в смерть отца она не верила, но с радостью использует как предлог). Пусть тратит связи, деньги, свою извращённую энергию на их поимку. А он будет ждать.

Йор позвонил в колокольчик. Вошёл слуга.

— Подготовь покои для леди Нерии. Самые лучшие. И скажи повару… пусть готовит её любимые блюда. Те, что с особыми грибами.

Слуга молча кивнул и удалился.

Йор подошёл к сейфу, встроенному в стену. Открыл его. Среди бумаг лежала шкатулка из чёрного дерева. Внутри — крошечный флакон с прозрачной жидкостью. Яд. Медленный, накапливающийся, вызывающий угасание и безумие. «Слёзы Тёмной Матери». Подарок от одного поклонника Нерии, которого она довела до самоубийства. Йор выкупил его за огромные деньги. На всякий случай.

Он бережно закрыл шкатулку. Пока что это крайний вариант. Сначала — направить её ярость вовне. Если не получится… что ж, у семьи Ор'нимн всегда был выбор.

Он вернулся к окну. Город Ихт жил своей шумной жизнью, не ведая, что в его сердце зреет новая паутина, сплетаемая сыном и дочерью паука. И в центре этой паутины уже трепетало несколько мух — люди из Империи, даже не подозревавшие, что их побег из Кармнила запустил часовой механизм мести и алчности, который вот-вот громко затикает, отсчитывая секунды до новой встречи брата и сестры.

Глава 18: Сталь на ветру

Ветер в холмах был другим. Он не нёс с собой морской соли, как в Ихте, а пах хвоей, влажным камнем и дымом далёких эльфийских очагов. Здесь, на границе скалистых пустошей Элфтенхолда и суровых горных долин Гиганттауна, воздух был разреженным, холодным и идеально чистым — как будто сама природа затаила дыхание в ожидании.

На самом гребне одного из холмов, невидимая для любого наблюдателя снизу, стояла Элиза. Правой рукой она не была — она была мечом в руке Авеса Дорлинга. И сейчас этот меч был извлечён из ножен и направлен на Гиганттаун.

Она стояла неподвижно, как и её пять сотен солдат, рассредоточенных по обратным скатам и в узких лощинах. Её доспехи, в отличие от парадных, зеркальных лат Дорлинга, были матовыми, покрытыми слоем специальной смолы, поглощавшей свет. На её наплечниках не было изогнутых «погон» — только практичные, угловатые пластины. В руках она держала не двойное копьё, а стандартное, но с идеально отточенным, мерцающим фиолетовым ядом наконечником. Её чёрные глаза, лишённые белка, были прикрыты узкой прорезью шлема, но видели они всё.

Элиза не просто верила в идеалы Гондерфелла. Она была их плотью. Дочь солдата и ткачихи, рождённая на тесных улицах острова-осколка, она с молоком матери впитала простые истины: порядок превыше всего, общее благо важнее личного, сила — единственный язык, который понимает хаос. Для неё захват новых земель был не агрессией, а возвращением долга истории и расширением островка порядка в море варварства. Каждый камень, уложенный в Мирталисе, каждый колосок на новой ферме были для неё доказательством правоты её народа. Авес Дорлинг был для неё не командиром, а пророком, архитектором этого нового мира. И его приказ — взять под контроль Гиганттаун — был для неё священным писанием.

Их лагерь был образцом военной эффективности. Ни костров, ни громких разговоров. Палатки были замаскированы под скальные выступы. Даже тракатиты, несколько особей которых они привели для быстрых рейдов, лежали в специальных углублениях, прикрытых брезентом, их стрекот заглушался. Их присутствие здесь было возможным благодаря лояльности — или точнее, холодному, взаимовыгодному нейтралитету — Элфтенхолда.

Король Патрир Экри. Элиза, как и все офицеры её уровня, изучала досье на местных правителей. Лесной эльф. Старший сын. Фигура, вызывающая у гондерфеллцев редкое чувство — уважение, смешанное с настороженностью. Он был и воином и политиком, но политиком железной воли. Он смог сделать то, что не удавалось никому: договориться с военным правительством Гондерфелла о чётких границах и правилах. Не о дружбе — о взаимном невмешательстве. Он приструнил своих тёмных сородичей, снизив вековую напряжённость внутри своего королевства. И он же, семнадцать лет назад, обагрил свои руки человеческой кровью в той Великой войне.

Элиза помнила отрывки из докладов. Война шла за старые земли, и эльфы, под предводительством тогда ещё принца Патрира, теснили людей. Но люди, эти беспокойные, изобретательные существа, нашли способ дать отпор. Во время обороны старой границы Патрир лишился левого глаза. Говорили, это был не стрелок, а какая-то адская машина, выстрелившая раскалённым металлом. Эта рана, физическая и, наверное, душевная, объясняла его нынешнюю политику. Он не любил людей. Но он уважал силу и порядок. И порядок, который несли гондерфеллцы, был ему ближе человеческого хаоса.

А ещё было восстание его младшего брата, Патри. Фанатик, ненавидевший тёмных эльфов. Восстание, которое рассыпалось в прах, как только Патрир взошёл на трон после смерти слабовольного отца. И самое странное — Патри и его головорезы не были схвачены или казнены. Они просто… исчезли. Спустились под землю, в самые дальние пещеры, или растворились в пограничных лесах. Тактическое отступление? Или трусливое бегство? Элиза склонялась к первому. Такой огонь ненависти, как у Патри, не гаснет просто так. Он тлеет, ждёт своего часа. И это делало картину в Элфтенхолде не такой уж стабильной, как казалось.

Но пока что это был надёжный тыл. Через его территорию они прошли скрытно, с молчаливого согласия королевских патрулей. Эльфы наблюдали, но не вмешивались. Их интересовало лишь одно: чтобы война осталась за пределами их лесов.

Мысли Элизы вернулись к Гиганттауну. Её разведчики работали уже неделю, рискуя быть пойманными либо догурцами, либо патрулями людей. Информация была скудной, но важной.

К её импровизированному командному пункту — выступу скалы с разложенной на нём шёлковой картой — подошёл разведчик. Его дыхание было ровным, несмотря на трудный подъём. Он отдал честь, касаясь кулаком к груди в области сердца — гондерфеллское военное приветствие.

— Командор. Данные подтверждены.

Элиза кивнула, не отрывая глаз от карты, где были нанесены условные знаки.

— Сообщайте.

— Людское присутствие в регионе минимально. Один укреплённый город в центре долины — собственно, Сарск. Циклопические стены, старые, но прочные. Одна деревня к востоку, у подножия ледника. Не более трёхсот жителей, в основном пастухи. И одно поселение догурцев. Здесь. — Он ткнул пальцем в точку у самого подножия Спящего Пика. — Оно не похоже на временный лагерь. Строения из камня, встроены в скалы. И есть… ещё одна активность.

Элиза подняла на него взгляд.

— Какая?

— Следы. Не людей и не догурцев. Меньшего размера, чем догурские, но не человеческие. Идут из глубины гор, из старых пещер, и сходятся у догурского поселения. Как будто… кто-то к ним присоединился.

Морд. Мысли Элизы работали мгновенно. Подземные тени, о которых упоминалось в сводках. Значит, догурцы объединились со своими спящими братьями. Это усложняло задачу. Но не делало её невозможной. Наоборот — это означало, что все яйца в одной корзине. Удар должен быть точечным и сокрушительным.

— Дракон? — спросила она.

— Без изменений. Лежит в каменном цирке. Дышит. Иногда шевелится. Но не летает. Похоже, восстанавливается.

Хорошо. Значит, время ещё есть, но оно ограничено. Когда дракон поднимется, баланс сил изменится катастрофически. Нужно было действовать до этого момента.

Элиза обвела взглядом карту. Один город. Одна деревня. Одно поселение догурцев.

— Деревню игнорируем, — отчеканила она. — Никакой тактической ценности. Только лишний шум. Город… — Она посмотрела на символ Сарска. Крепкий орешек. Штурм в лоб, даже с их дисциплиной и ядом, был бы самоубийством и привёл бы к огромным потерям. Это противоречило философии Гондерфелла — эффективности.

— Наша цель — поселение догурцев, — заключила она. — Уничтожить его, пока они не объединились с городом или не получили полную поддержку от дракона. Это ослабит их, деморализует городских жителей и покажет нашу мощь. После этого город, оставшийся без союзников-монстров, будет более сговорчив.

Она знала, что Авес Дорлинг одобрил бы такой расчёт. Разделяй и властвуй. Бей по самому слабому, но ключевому звену. И делай это безжалостно и быстро.

— Отдайте приказ ротам, — сказала она разведчику. — Ночью выдвигаемся на сближение. Цель — догурское поселение у подножия Пика. Тактика — «Молот и Наковальня». Первый удар — отравленными стрелами с возвышенностей, чтобы вызвать панику. Второй — штурмовые группы с копьями с флангов. Тракатиты — для преследования бегущих. Я хочу, чтобы к рассвету от этого поселения остались только камни и пепел. Понятно?

— Так точно, командор!

Разведчик исчез так же бесшумно, как и появился. Элиза осталась одна на ветру. Она смотрела в сторону Спящего Пика, где лежал дракон, и дальше — на тёмный силуэт Сарска в долине. В её чёрных глазах не было ни сомнения, ни жалости. Была только холодная, стальная уверенность в правильности выбранного пути. Она была инструментом порядка. И сейчас этот инструмент был направлен на то, чтобы выжечь очередной очаг хаоса на этой земле. Ради Гондерфелла.

Глава 19: Испытание молчания

Поселение догурцев у подножия Спящего Пика жило в странном ритме, балансирующем между ожиданием и подготовкой. Каменные жилища, выросшие из самой скалы, казались естественным продолжением горы. Днём слышался стук молотов — точили оружие, чинили доспехи, выбивали заготовки для будущих построек. Ночью — тишина, нарушаемая лишь свистом горного ветра и мерным шагом патрулей. Но это была не спокойная тишина, а напряжённая, прислушивающаяся.

Догурцы ждали. Их вожди, теперь объединённый совет из пришлых и клана Морд, знали, что их присутствие не останется незамеченным. Они ждали вылазки из Сарска. Ждали, что люди, набравшись смелости или отчаяния, попытаются выбить их с этих священных склонов. Все их планы, все маршруты разведчиков, все приготовления были заточены под войну с людьми. Никто всерьёз не рассматривал угрозу с юга, от тех, кто хозяйничал в Мирталисе. Те были слишком далеко, слишком заняты своими «мануфактурами» и «порядком». Ошибка.

Молчаливый Воин был душой этой обороны. Он не отдавал приказов. Он просто был. Его фигура в страшной маске и с изогнутым двуручным мечом за спиной стала постоянной деталью пейзажа у главного входа в поселение — узкого каменного прохода между двумя скальными выступами. Он стоял неподвижно, как истукан, часами. Его немое присутствие было сильнее любых речей. Он был живым бастионом, воплощённой волей к защите. Патрули, проходя мимо, замедляли шаг, и их чёрные глаза, полные врождённой свирепости, смягчались на мгновение — не благоговением, а признанием той жертвы, что стояла перед ними. Он был их щитом. И они готовы были стать его мечом.

Атака началась не так, как ожидали. Не с рёва ярости и топота сотен ног по склонам. Она началась с тихого, едва слышного свиста в ночном воздухе.

Первая отравленная стрела вонзилась в горло догурского часового на дальнем посту. Он даже не вскрикнул, лишь схватился за шею, почувствовав жгучую боль и стремительное онемение, прежде чем рухнуть. Сигнала не было.

Вторая и третья нашли цели среди патрулей на склонах. Только когда один из догурцев, умирая, сумел швырнуть камень в сигнальный гонг, поселение встрепенулось.

Но гондерфеллцы уже были здесь. Они не шли строем. Они просачивались — тёмные, бесшумные тени в матово-золотых доспехах, появляясь из-за валунов, спускаясь по верёвкам с уступов. Их атака была хореографией смертельной эффективности: небольшие группы, вооружённые копьями с фиолетовыми наконечниками, захватывали ключевые точки, отрезая пути отхода, забрасывая ядовитыми дротиками застигнутых врасплох догурцев.

Первые минуты были хаотичными и кровавыми. Догурцы, проснувшиеся от криков тревоги, хватали оружие и бросались в бой с врождённой яростью. Их сила и свирепость были огромны — один догур мог разнести в щепки щит и свалить двух-трёх гондерфелльцев. Но те не вступали в честный бой. Они отступали, заманивая в ловушки, осыпая стрелами с флангов, используя рельеф. Это был не бой — это была зачистка.

Именно тогда в эпицентр хаоса шагнул Молчаливый Воин. Он вышел из тени скальных ворот не бегом, а той же неторопливой, неотвратимой походкой. Первая группа гондерфелльцев, увидев эту одинокую, громоздкую фигуру в странной маске, восприняла её как очередную мишень. Три копья полетели в него одновременно.

Он даже не попытался уклониться. Копья ударили в его пластины доспеха (простого, но невероятно толстого, доставшегося от предыдущего носителя Маски) и… отскочили. Звеня, как о наковальню. Ядовитые наконечники оставили лишь царапины на металле.

На лице одного из гондерфелльцев, офицера, промелькнуло неподдельное изумление. Их яд, их сталь, пробивавшая человеческие латы, оказалась бесполезной.

Молчаливый Воин двинулся вперёд. Его шаги были тяжёлыми, но быстрыми. Он не бежал — он наступал, как ледник. Его огромный изогнутый меч, казалось, ничего не весил в его руках. Первый взмах — и гондерфеллец с щитом был рассечён пополам вместе со своим защитным снаряжением. Не крика, только звук рвущейся стали и плоти. Второй взмах — отрубленная рука с копьём взлетела в воздух. Третий — рассечённый шлем и то, что под ним.

Это был не бой. Это было уничтожение. Сила, которую давала Маска, была чудовищной. Он не просто был силён — он был несокрушим. Стрелы отскакивали от него. Попытки окружить заканчивались тем, что окружение превращалось в груду окровавленных обломков. Его маска, прекрасная и ужасная, оставалась бесстрастной, в то время как вокруг неё творилась бойня. Он был нем, но его меч кричал за него — рёвом рассекаемого воздуха и хрустом ломающихся костей.

Паника, которую гондерфеллцы сеяли среди догурцев, теперь перекинулась на них самих. Их безупречная тактика дала сбой, столкнувшись с чем-то, что не поддавалось логике. Их дисциплина дрогнула перед лицом этого немого, неостановимого ужаса.

Элиза, наблюдая с командной позиции, почувствовала ледяной укол в сердце. Это было не в планах. Разведка не сообщала о таком… существе. Его броня противостояла их яду. Его сила превосходила всё, с чем они сталкивались на этом острове. Она видела, как целое звено её лучших бойцов было уничтожено за считанные секунды.

— Тракатитов! — скомандовала она, и её голос, обычно такой ровный, звучал резко. — На этого… вещь! Остальным — отход на вторую линию! Перегруппироваться!

Из укрытий с рёвом вырвались две гигантские блохи. Их длинные лапы отталкивались от скал, неся их чудовищные тела прямо на Молчаливого Воина с пугающей скоростью.

Он встретил первую атаку. Не уклоняясь. Он повернулся и встретил тракатита ударом меча в прыжке. Лезвие вонзилось в хитиновый панцирь, но не пронзило насквозь. Существо, визжа от боли, отбросило его мощным ударом лапы. Воин отлетел на несколько шагов, врезался в камень, но тут же поднялся. На его доспехах появилась вмятина, но он был цел.

Второй тракатит атаковал сбоку, пытаясь схватить его длинными конечностями. Молчаливый Воин, движением, полным нечеловеческой ловкости, увернулся и нанёс удар по суставу. Раздался сухой треск. Тракатит заскулил и отпрыгнул, волоча повреждённую лапу.

Это был момент. Догурцы, воодушевлённые яростью своего защитника, перешли в контратаку. Их дикая, неорганизованная ярость теперь обрушилась на гондерфелльцев, которые отступали, пытаясь сохранить строй. Хаос, который они принесли, теперь обернулся против них.

Элиза поняла. Штурм провалился. Цена за взятие этого поселения теперь стала неприемлемо высокой. Она сжала рукоять копья, её чёрные глаза горели холодным огнем не поражения, а переоценки.

— Отступаем! — её команда, переданная сигнальными свистками, пронеслась по склонам. — По плану отхода! Прикрывать друг друга!

Гондерфеллцы начали отходить — не бегством, а организованно, отстреливаясь, забрасывая дымовыми шашками (редкая и ценная алхимия, которую берегли для особых случаев) и прикрывая раненых. Их дисциплина сработала теперь на отход.

Когда последние тёмные силуэты исчезли в предрассветной мгле, в поселении воцарилась тяжёлая, кровавая тишина. Дым шашек рассеивался, смешиваясь с запахом крови, яда и смерти. Догурцы, выжившие, стояли среди тел своих соплеменников и странных, золотых доспехов захватчиков. Они победили. Они отстояли свой дом. Но цена…

Они смотрели на Молчаливого Воина. Он стоял посередине поля боя, его меч был покрыт тёмной, чужой кровью и светло-зелёными пятнами яда тракатита. На его доспехах были вмятины и царапины. Он тяжело дышал, пар вырывался из-под маски в холодный воздух. Но он стоял. Нерушимо.

Старейшины вышли к нему. Они видели, что он невредим. Но они также видели десятки своих мёртвых. И они видели, что враг был не тем, кого они ждали. Это была не человеческая орда. Это была стальная машина, которая пришла, увидела неожиданное сопротивление и… ушла. Не разбитая, а отступившая, чтобы перегруппироваться. И эта мысль была страшнее любого людского гнева.

Один из старейшин Морд, заменивший Кхаэля, подошёл и положил руку на плечо Воина. Под пальцами он чувствовал напряжение мышц, дрожь после нечеловеческого усилия.

— Они вернутся, — прошептал старец, больше для себя. — И в следующий раз будут готовы. У них есть яд, которого мы не знаем. И дисциплина, которой нам не хватает. Им нужен был лишь пробный удар.

Молчаливый Воин медленно повернул к нему свою маску. В пустых глазницах не было ответа. Только тишина. Но его стоячая здесь фигура была ответом сама по себе. Пусть возвращаются. Он будет ждать.

А на востоке, над горами, занималась заря. Но свет её не сулил мира. Он освещал новую реальность: война на острове Родера перешла на новый виток. И у догурцев появился новый, куда более страшный и методичный враг, чем люди из Гигантттауна. Враг, который только что получил свой первый, жестокий урок о том, что на этой земле есть сила, которую не сломить простым порядком и ядом.

Глава 20: Корабельный вопрос

Тайнкор встретил их тем же, чем и провожал — серым небом, моросью, запахом сырости и печного дыма. Но теперь этот запах был для Виталии, Грида и Дарлиона запахом дома. Пусть и сломанного, уродливого, оккупированного чужим порядком, но дома. Город, над которым теперь не реял фиолетовый флаг с золотым жуком, но где в каждом переулке чувствовалась тяжёлая поступь имперского гарнизона.

Для Джона Кливиона этот город был лишь точкой на карте его прошлого, местом, откуда он начал бегство. Теперь он вернулся сюда, ведя за собой остатки своей команды — два десятка потрёпанных, но закалённых моряков, у которых за спиной был не только взрыв корабля, но и кровавая резня в эльфийском борделе. Они смотрели на мокрые крыши и узкие улицы без восторга. Это была суша. А они были людьми моря, теперь — без моря.

Гридмер, пользуясь своими связями и деньгами, организовал их размещение с холодной эффективностью, которая впечатлила даже Дарлиона. Команда Кливиона, вместе с ядром повстанцев — бывшими стражниками и гвардейцами, — была расселена по безопасным домам в самых гнилых трущобах у старой городской стены. Места были тесными, вонючими, но незаметными. Здесь они могли отдохнуть, перевязать раны и ждать приказов. Дарлион, с его опытом и железной волей, стал их неформальным командиром. Старый управитель и морские волки нашли неожиданный общий язык — язык людей, которые слишком долго жили в тени и знали цену тишине и внезапному удару.

Сам же Джон Кливион получил иное пристанище. Грид не предложил, а приказал ему остановиться в поместье-лаборатории. «Ты — наш единственный специалист по морю и кораблям. Твоя голова сейчас ценнее золота. И её нужно держать в безопасности и в тепле», — заявил алхимик, и в его голосе не было места для возражений. Джон, слишком уставший и опустошённый после потери «Мести», чтобы спорить, согласился.

В кабинете Грида, среди тихо булькающих реторт и полок с фолиантами, на стол был вывален тяжёлый мешок. Джон развязал его, и на полированную древесину с глухим стуком высыпались имперские талеры с причудливой чеканкой и несколько слитков серебра. Они лежали там, немые свидетели убийства Бенжемина Ор'нимна.

— Это всё, что удалось вынести, — хрипло сказал Джон, откидываясь в кресле. Он смотрел на золото без жадности. Оно было для него лишь пеплом от его корабля, платой за кровь его людей. — Хватит, чтобы вооружить и содержать отряд месяцев на шесть. Но не на войну. И уж точно не на новый корабль.

Грид, стоя у окна и глядя на дождь, задумчиво постукивал стальным перстом по подоконнику. Его острый профиль был напряжён.

— Корабль — приоритет, — констатировал он. — Без мобильности мы крысы в капкане. Мы можем устраивать диверсии здесь, но не сможем ударить по Императору там, где он не ждёт. Не сможем связаться с другими очагами сопротивления, если они есть. Не сможем эвакуироваться, если всё пойдёт прахом.

Джон мрачно кивнул.

— Я знаю. Но «Месть» была уникальна. Такие корабли не продают на рынке. Их строят годами. А у нас есть… — он махнул рукой на кучу золота, — …это. На новую «Мести» этого не хватит. На хороший, быстрый бриг или шхуну — хватит. Но где его купить? Все портальные верфи под контролем Императора или гондерфеллцев. Попытка купить там вызовет вопросы, за которыми придёт допрос с пристрастием.

В комнате повисло молчание, нарушаемое лишь тихим шипением автоклава в соседней лаборатории. Потом Джон выпрямился. В его глазах, потухших после потери корабля, мелькнул старый, знакомый огонёк — огонёк азарта и риска.

— Есть одно место, — сказал он медленно. — Где вопросы задают только после сделки. И где можно найти корабль не просто хороший, а… особенный.

Грид повернулся к нему.

— Где?

— Междуречье, — выдохнул Джон. — Есть у меня там один знакомый. Сейчас он старый, ворчливый бизнесмен, но раньше, когда он ещё жил на островах Пиратского братства. Он один из тех кто помог мне сделать карьеру на морской охоте. У него есть огромный корабль, конечно, он был оснащён не так хорошо, как «Месть», но в принципе тоже хорошее судно.

Грид нахмурился.

— Междуречье. Логово Картеля. Ты же сам сказал, что ушёл оттуда, оставив не лучшие воспоминания. Лестер, твой «друг», теперь глава. Это самоубийство.

— Не обязательно, — парировал Джон. — Картель — это бизнес. Чёрный, грязный, но бизнес. У них нет личных обид, есть только контракты и выгода. Я приду не как беглый ученик, а как покупатель. С серьёзными деньгами. — Он ткнул пальцем в золото. — А Лестер… если он действительно стал главой, то он прагматик. Он поймёт, что живой Кливион с золотом выгоднее мёртвого Кливиона из принципа.

— Это колоссальный риск, — констатировал Грид, но в его голосе уже звучало не отрицание, а взвешивание шансов.

— Вся наша затея — колоссальный риск, — усмехнулся Джон без веселья. — Без корабля шансов ноль. С кораблём — один из ста. Я выбираю один из ста.

Диалог длился ещё час. Они обсуждали детали: какую сумму выделить, какую историю придумать, как обеспечить связь. Грид, в конце концов, согласился. Его рациональный ум признал логику Джона. Они были в отчаянном положении, и отчаянные меры были единственным выходом.

На следующий день у особняка Грида остановилась карета. Не роскошная придворная колымага, но солидная, прочная, с закрытым кузовом и парой крепких лошадей. Кучером был один из доверенных людей Дарлиона, бывший гвардеец, умевший держать язык за зубами и владеющий кнутом и клинком с равным мастерством.

Джон, облачённый в свой серый пиратский камзол, вышел из дома. В его глазах была решимость. За спиной у него был лёгкий ранец с самым необходимым и тяжёлый, неприметный пояс с зашитыми внутрь золотыми монетами. Остальное золото оставалось у Грида — на случай, если Джон не вернётся.

Грид вышел проводить его. Дождь уже кончился, небо было свинцовым.

— Кодовая фраза для сообщений — «Пепельный батат дал всходы», — тихо сказал Грид, пожимая ему руку. Рука алхимика была сильной, с мозолями от работы со склянками. — Жду вестей через две недели. Не больше.

— Постараюсь, — кивнул Джон. Он взглянул на верхние окна, где, как он знал, за занавеской могла стоять Виталия, и наглухо закрытые ставни в крыле, где отходила от перепоя и душевной раны Адель. Потом он шагнул в карету.

Дверца захлопнулась. Кучер щёлкнул языком, и карета тронулась, её колёса зашуршали по мокрой брусчатке. Для Джона Кливиона, семь лет не знавшего иного транспорта, кроме палубы своего корабля, это было странное ощущение. Мягкие покачивания, запах кожи и дерева, тихий стук копыт. Он сидел в относительной тишине и комфорте, впервые за долгие годы позволяя себе быть пассажиром, а не капитаном. Он смотрел в узкое окошко на проплывающие улицы Тайнкора, на лица людей, на имперских патрулей в синих плащах. Он думал о

«Мести». О своих людях, сгоревших заживо в пещере. О жирной роже Бенжемина Ор'нимна и чёрном кинжале принцессы. И о Лестере. О том, что ждёт его в Междуречье.

Путь до границы Стоунстейта занял день. Карета миновала заставы, благодаря заранее подготовленным Гридом поддельным торговым документам. Они ехали по проселочным дорогам, минуя крупные поселения. Ночь они провели на постоялом дворе, где Джон, прикидываясь торговцем тканями, не вызвал подозрений.

На второй день пейзаж начал меняться. Суровые холмы Стоунстейта сменились болотистыми низинами, изрезанными бесчисленными речушками и протоками. Воздух стал влажным и тяжёлым. Это было Междуречье. Земля, где не было сильных правителей, только вечное противостояние банд, кланов и тайных обществ. Земля, где законом был клинок, а единственной честью — соблюдение условий контракта.

Карета остановилась у широкой, мутной реки, через которую был перекинут шаткий понтонный мост. На той стороне виднелись строения — убогие хижины и пара каменных домов с решётками на окнах. У этого конца моста стоял столб с потускневшей табличкой, на которой едва читалось: «Владения Картеля Междуречья. Чужакам — остерегаться».

Здесь дорога для карет заканчивалась. Кучер, не оборачиваясь, сказал сквозь окошко:

— Далее пешком, хозяин. Мне приказано ждать здесь трое суток. Если вы не вернётесь — уезжать.

Джон кивнул, хотя его и не видели. Он взял свой ранец, поправил пояс с золотом под плащом и вышел из кареты. Воздух Междуречья ударил в лицо знакомым, неприятным запахом — стоячей воды, гниющих растений и чего-то ещё… металлического, словно крови.

Он ступил на шаткие доски моста. Они прогнулись под его тяжестью. С каждым шагом он чувствовал, как оставляет за спиной относительно понятный мир войны, политики и повстанцев. Впереди был мир теней, договоров и старых, неоплаченных долгов. Он шёл медленно, его рука лежала на рукояти кортика под плащом. Его глаза, привыкшие всматриваться в горизонт в поисках гиперионов, теперь сканировали каждую тень на том берегу, каждое движение в воде.

Когда его сапог ступил на берег Междуречья, он на мгновение замер. Позади была Империя Вечного Императора, её законы и её война. Впереди — закон джунглей и призраки его прошлого. Джон Кливион глубоко вдохнул влажный, прогорклый воздух и двинулся вперёд, в сердце тени, где его ждали старый знакомый, его корабль… и, возможно, сам Лестер Холдрин. Охота началась. Но на этот раз добычей был не гиперион, а надежда — хрупкая, дорогая и смертельно опасная надежда на новый корабль.

Глава 21: «Замерзшая Креветка» и старые дороги

Бродвейл. Столица грязи и возможностей провинции Междуречье. Он раскинулся на обоих берегах мутной, широкой реки Чёрный Змей, и на десятке островков между её рукавами. Соединяли всё это шаткие мосты из верёвок и гнилых досок, по которым люди перебегали, будто боясь провалиться вниз, в жидкую, тёмную пучину. Воздух здесь был особым — густая смесь запаха влажной гнили, жареного ворванного жира, дешёвого спирта и чего-то металлического, будто крови, которую смывали в реку каждую ночь.

Джон Кливион ступил на главную, если её можно так назвать, улицу Бродвейла — Гнилую Набережную. Это был не мост, а длинный, скрипучий понтон, к которому с одной стороны цеплялись хлипкие дома на сваях, а с другой — теснились лодки и корабли всех мастей и состояний. Он шёл, опустив голову, капюшон серого пиратского камзола надвинут на глаза. Здесь его могли узнать. И здесь это могло означать что угодно — от старой дружбы до старого долга, который пора бы и взыскать. Его цель была на южном рукаве реки, в тихой, глубоководной заводи, которую местные называли «Спящий Карп». Там, под сенью огромного, полумёртвого болотного дуба, стоял на якоре корабль. Не просто корабль — легенда. Вернее, то, во что превратили легенду.

«Замерзшая Креветка» и впрямь была огромным фрегатом. Когда-то её чёрные, внушающие благоговейный ужас борта и три ряда пушечных портов заставляли трепетать торговые караваны от Бастиона до дальних островов. Теперь же она выглядела как пожилая актриса, надевшая кричащий наряд. Её корпус, лишённый пушек, был раскрашен яркими, выцветшими красками. С бортов свисали вычурные фонари, а с грот-мачты вместо боевого стяга развевалось огромное, потрёпанное полотнище с намалёванной ухмыляющейся креветкой, покрытой инеем. Это была плавучая таверна. И, судя по немноголюдной палубе и тусклому свету в иллюминаторах, дела у неё шли неважно.

Джон остановился в тени того самого дуба, наблюдая. Старые привычки, выдолбленные годами в Картеле, взяли верх. Он ждал, пока на палубе не появится знакомый силуэт, пока не сменится вахта у трапа (вернее, у продавленной бочки, служившей сходней). Затем, пользуясь моментом, когда единственный подвыпивший посетитель спотыкался с трапа в свою лодку, Джон метнулся вперёд. Его движения были бесшумными, кошачьими. Он не стал пользоваться трапом. Цепляясь за грубую обшивку и старые, забытые скобы, он за несколько секунд взобрался на борт с незаметного кормового свеса, где тень была особенно густой.

Палуба «Креветки» пахла пивом, рыбным супом и немытой паклей. Джон, прижавшись к основанию бизань-мачты (самой низкой и толстой), затаился. Его пальцы нащупали на поясе рукоять — не кортика, а более старого оружия. Тонкий, изящный клинок в простых кожаных ножнах, почти невесомый. Нож ассасина. Он не пользовался им семь лет. Но тело помнило.

В трюме что-то грохнуло, послышалось бурчание и тяжёлые шаги. Люк откинулся, и на палубу, освещённую жёлтым светом изнутри, вышел капитан. Орен постарел. Его некогда могучая фигура обвисла, рыжая борода, теперь с проседью, была неопрятной. На нём был заляпанный жиром фартук поверх потрёпанной тельняшки. В руке он нёс пустое ведро для отходов. Он двигался к борту, кушак с заткнутым за него тяжёлым пиратским мачете болтался на боку.

Джон выждал. Пока Орен наклонился, чтобы выплеснуть помои за борт. Это был момент. Бесшумно, как тень, Джон сорвался с места. Прыжок с мачты, тихий свист воздуха — и он обрушился на спину капитана, лезвие ножа блеснуло у самого его горла.

Но Орен, несмотря на возраст и обрюзгший вид, не растерял рефлексов. Вместо того чтобы упасть под тяжестью, он рванулся вперёд, вкладывая в движение всю свою массу. Джон, не ожидавший такого, потерял равновесие. Они оба грохнулись на палубу, но Орен оказался сверху. Нож был выбит из рук Джона, а массивное лезвие мачете уже прижалось к его шее, холодное и неумолимое.

— Кто тебя послал?! — проревел Орен, и в его хриплом голосе не было страха, только яростная, звериная решимость защищать своё убогое корыто. Его глаза, маленькие и острые, как у старого морского волка, пылали в полумраке.

— Стой, стой! — выкрикнул Джон, хватая ртом воздух. — Это я! Джон, чёрт возьми, Кливион!

Он рванул капюшон со своей головы. Свет из люка упал на его лицо, заросшее щетиной, изрезанное ветрами и горем, но всё ещё узнаваемое.

Напряжение в руке Орена спало. Мачете отодвинулось на дюйм. Его взгляд из яростного стал изучающим, затем в его глазах вспыхнуло чистое, неожиданное веселье.

— Ты? Ах ты ж… АХАХАХ! — Его смех был громким, раскатистым, как выстрел из пушки, и звучал непривычно на этой унылой палубе. — Тебя как сюда занесло, чёрт плешивый?!

Он откатился, сел на палубу и протянул руку, помогая Джону подняться.

— По делу я, старик, — отряхиваясь, сказал Джон, пряча нож обратно в ножны. — Но для начала, как жизнь? Как бизнес?

Лицо Орена помрачнело. Он плюнул за борт.

— Бизнес? Ха. Сейчас у всех таверн — дерьмовые времена. Сначала развал Чернокаменного союза — пропали зажиточные купцы. Потом эта вся движуха с Гондерфеллом, догурцами и Вечным Императором… Клиенты теперь либо боятся далеко от дома отплывать, либо им не до выпивки. Что до дел… — он мотнул головой в сторону города, — в Междуречье как обычно. Только в Картеле что-то назревает. Твой старый приятель Лестер не сидит сложа руки.

Джон насторожился.

— Лестер? Что он задумал?

— Собрал себе личный отряд. Не из ветеранов, а… проще говоря, дети. По самым туманным слухам, которых здесь, как болотного газа, — для поиска трёх артефактов Лоуренса.

Джон замер. Артефакты Лоуренса. Легенда, которую шептались на задворках Картеля. Три предмета невероятной силы, спрятанные основателем организации. Большинство, включая молодого Лестера, считали их сказкой, аллегорией.

— Забавно. Когда я был в Картеле, Лестер меньше всех в них верил. Считал, что сила — в организации, а не в безделушках. Но главный вопрос: почему дети? И кто они?

Орен почесал бороду.

— Их всего четверо. Пацан, лет четырнадцать. Ходит во всём чёрно-белом, будто сорока. А за спиной — длинный, тонкий, как игла, меч. Девчонка, возраст примерно такой же. Быстрая, как змея, скрытные клинки — её конёк. Хвостиком за мечником бегает. Ещё одна, постарше, в Бродвейле появляется редко. Экономка, говорят, но в пышном чёрно-красном платье, в котором не очень-то убежишь или убьёшь. И последний… Высокий, худой, как жердь. Возраст не определить — может, двадцать, а может, сорок. Мастер духовых орудий. Разные дудочки, трубочки. И все они — с капюшонами ассасинов. В цвет своей формы.

Джон почувствовал холодок вдоль спины. Это было… странно. Картель давно отошёл от романтики тайных убийц. Он стал мафией, бюрократией преступления.

— Но ведь Картель давно не братство ассасинов, что карает неверных. Зачем ему такая команда? Яркая, заметная… почти театральная.

— Знаю. И в душе не чаю. Может, для устрашения? Может, для какой-то специфичной работы, где нужна не сила, а… не знаю, чистота? — Орен пожал плечами. — Ладно, хватит о чужих тараканах. По какому ты здесь делу, Джон? С «Мести» спрыгнул от скуки?

Лицо Джона стало каменным.

— «Мести»… её больше нет.

Веселье испарилось с лица Орена.

— Как нету? Ты же её чуть ли не боготворил.

— Взорвали. В Элфтенхолде. Вместе с половиной команды.

Старый капитан свистнул. Он не стал спрашивать «кто». В их мире это был бессмысленный вопрос. Он спросил другое:

— И зачем ты тогда припёрся сюда, в самое болото? За новой?

— Мне нужен корабль, — поправил его Джон. — Даже нет. Не так. Нам нужен корабль.

— Кому «нам»? — Орен прищурился.

— Я теперь… с повстанцами Стоунстейта.

Наступила пауза. Потом Орен рассмеялся, но это был смех беззвучный, больше похожий на гримасу.

— Ты как был идиотом, Кливион, так и остался! Я могу понять, почему ты сбежал из Картеля — душа не лежала к подлостям. Могу догадаться, почему ушёл с Бастиона — захотел своей доли, а не подачек. Но на кой чёрт тебе это бессмысленное восстание провинции, в которой ты даже не живёшь? Мне это понять не дано. Да, твой Вечный Император получил власть, может, и не самым чистым путём. Но что они могут ему противопоставить? Крестьяне с вилами?

— Мы ещё не объявили на широкую публику, но у нас есть законная принцесса Стоунстейта. Виталия. Жива.

Орен фыркнул.

— А я фей в лесу видел. Что дальше-то? Принцесса — это хорошо для баллады, но не для войны.

— Феи давным-давно вымерли, а принцесса — нет! — в голосе Джона зазвучала сталь. — Она жива, здорова и находится с нами. Но чтобы мы что-то из себя представляли, Орен, нам нужна не только икона. Нужна мобильность. Нужна сила. Нужен корабль. А лучше «Замерзшей Креветки» я на всём острове не знаю.

Орен отшатнулся, будто его ударили.

— То есть ты предлагаешь мне… мою таверну… мой дом… опять перепилить на боевой корабль и отправить в качестве подарка каким-то повстанцам государства, к которому я никак не отношусь? Ты с ума сошёл окончательно?

— Они предлагают чины в будущем государстве, — начал было Джон.

— Фуфло, — отрезал Орен. — Бумажки. Я и так капитан.

— Золото. Имперские талеры.

— Грязные деньги. От них только проблемы.

— Ну что тебя здесь держит, Орен?! — Джон развёл руками, указывая на пустую палубу, на потухшие фонари, на запах упадка. — Пустая таверна на воде? Налоги Картелю с угрозой смерти в случае неуплаты?

— Всяко лучше, чем верная смерть за чужие идеалы! — заорал Орен. — Я теперь живу спокойно! Как тебе этого не понять?! Ты думаешь, почему я покинул острова Пиратского братства? Потому что устал! Устал от жизни, которая постоянно висит на волоске! От необходимости каждый день доказывать, что ты самый сильный, самый хитрый! Я хочу дожить свои дни, продавая грёбаный рыбный суп и слушая байки пьяных контрабандистов!

Джон замолчал. Он видел в глазах старого капитана не жадность, а усталость. Ту самую усталость, что когда-то заставила его самого бежать из Картеля. Но теперь он пришёл просить этого уставшего человека снова взвалить на себя бремя.

— Однажды, — тихо сказал Джон, — придёт время, и Картель не сможет защищать Междуречье от внешних натисков. Ни от Императора, ни от гондерфеллцев. А ты… ты можешь помочь уничтожить один из этих натисков. Сейчас. Пока ещё есть шанс.

— Я прошу тебя, Орен. Умоляю. На последнюю вылазку. Мы изменим мир. Мы войдём в историю.

Орен долго смотрел на него. Его взгляд был тяжёлым, усталым.

— Слушай, Джон. Эти твои красивые слова… они меня не цепляют. Ни капли. Я слишком стар для пафоса. — Он вздохнул, и казалось, весь его могучий каркас под этим вздохом ссутулился ещё больше. — Но ты ведь не отстанешь, правда? Будешь тут сидеть, на корточках, у моего трапа, как совесть, которую я давно за борт выкинул.

Джон молчал.

— Ладно. Чёрт с тобой. Я согласен.

Надежда вспыхнула в груди Джона.

— Отлично! Тогда можно мне…

— Завтра, — оборвал его Орен. — Сегодня я должен… проститься. С этим местом. С этой жизнью. А ты можешь расположиться здесь. На ночь.

— Спасибо, старик. Я не забуду этого.

— Заплатишь за ночлег, — бесстрастно сказал Орен, протягивая ладонь.

Джон невольно усмехнулся. Старый скряга. Он порылся в поясе, достал пару имперских талеров и положил их в мозолистую руку.

— Вот же скупердяй, — с лёгкой, почти ностальгической насмешкой произнёс он.

Орен сжал монеты в кулаке, кивнул и, не говоря больше ни слова, развернулся и спустился обратно в трюм, в своё царство запахов и тихих сожалений.

Джон остался на палубе. Он подошёл к борту, глядя на тёмные воды Бродвейла. Он выиграл. Он получил корабль. Вернее, обещание корабля. И это обещание пахло не свободой и славой, а старой смолой, рыбой и горечью прощания. Он достал из кармана маленькую, плоскую фляжку с ромом, сделал глоток и бросил её в воду — давняя морская традиция, задабривание духов перед большим делом. «Замерзшая Креветка» тихо покачивалась на воде, готовая снова стать тем, кем была рождена — не гостеприимным пристанищем, а орудием войны. А в городе вокруг, в его гнилых кишках, четверо детей в капюшонах ассасинов, возможно, уже искали свои артефакты, не ведая, что всего в сотне ярдов от них затевалась другая история, которая могла изменить всё.

Глава 22: Пыль воспоминаний и раны настоящего

Особняк Грида не просто был большим — он был лабиринтом. За фасадом алхимической лаборатории скрывались библиотеки, кладовые, жилые покои, залы для приёмов и целые крылья, годами не видевшие солнечного света. Адель, за семь лет службы, изучила лишь те его части, что были необходимы для работы: лабораторию, кабинет Грида, свою комнату, кухню и потайные ходы. Остальное оставалось терра инкогнита, царством паутины и тишины.

В тот день её гнало из спальни тоскливое беспокойство, зудящее чувство, что она теперь — лишняя деталь в этом отлаженном механизме. Она бродила по длинному, неосвещённому коридору на третьем этаже, где окна были забиты досками, а под ногами скрипел толстый слой пыли. Она не искала ничего. Просто шла.

И тут её взгляд уловил несоответствие. Все двери здесь были массивными, из тёмного дуба, с бронзовыми ручками. А одна, в самом конце, была… простой. Сколочена из дешёвых сосновых досок, покрашенных когда-то в тёмный цвет, который теперь облупился. Замок на ней был примитивным, ржавым. Она выглядела как дверь в чулан, случайно затесавшаяся среди дверей в бальные залы.

Любопытство, острый, как лезвие её кинжала, заставило её подойти. Она толкнула дверь. Скрип был таким громким в тишине, что она вздрогнула. Комната за ней была небольшой, квадратной. Воздух здесь был мёртвым, спёртым, пах старым деревом и затхлостью. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель в заколоченном окне, освещал мириады пылинок, танцующих в пустоте. И посреди этой пустоты, прямо в центре комнаты, стоял прямоугольный объект, скрытый под пылевым саваном.

Адель подошла ближе, смахнула ладонью толстый слой пыли с того, что оказалось стеклом витрины. За ним, в полумраке, вырисовывалась фигура. Манекен, чуть ниже её ростом. На нём был доспех. Не рыцарский, не парадный. Утилитарный, лёгкий, но прочный, сшитый из тёмной, почти чёрной кожи, усиленной пластинами тусклого, матового металла — свинца, как она определила по виду. Шлем был полностью закрыт, с узкой прорезью для глаз. Но больше всего её внимание привлек правый наплечник. Он был увеличенным, слегка скошенным, и на нём, словно выжженная клеймом, красовалась эмблема: стилизованные перекрещенные кинжалы, в обрамлении бесшумной совы. Знак Гильдии Воров Тайнкора.

Адель отшатнулась, будто увидела призрака. Её рациональный мир, в котором Грид был исключительно алхимиком, гением-отшельником и теперь лидером повстанцев, дал трещину. Откуда это? Зачем ему хранить этот… костюм преступника?

— Что ты тут делаешь? — Голос прозвучал прямо у неё за спиной, тихий, но отточенный, как скальпель.

Адель вздрогнула так, что чуть не вскрикнула. Она обернулась. В проёме двери, залитый контровым светом из коридора, стоял Грид. Его лицо было скрыто тенью, но в позе читалось не просто недовольство, а нечто более острое — нарушение границы, священной табу.

— Я? Я… я просто гуляла, — выдавила она, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Я задал вопрос, что ты делаешь, а не что делала, — продолжил он. Его шаги были неслышными по пыльному полу. Он подошёл ближе, его взгляд скользнул по витрине, затем вернулся к ней. В его глазах не было гнева. Была холодная, оценивающая опасность.

Растерянность Адель сменилась жгучим, ревнивым любопытством.

— Откуда это у тебя? — её голос дрогнул. — Ты… ты был вором? Нет, я всё понимаю, зелье невидимости мы продаём, как правило, именно им, но чтобы ты… хранил это…

— Нет, — коротко отрезал Грид. Он стоял теперь рядом с витриной, не глядя на неё, а глядя сквозь пыльное стекло на доспех, будто видя не манекен, а кого-то другого. — Я не был вором. Но именно люди оттуда… люди с такими эмблемами… помогли мне стать тем, кем я являюсь. И достичь Виталии.

Последнее имя прозвучало в тишине комнаты, как хлопок дверью. Для Адель это было как пощёчина.

— Опять она! — вырвалось у неё, голос сорвался на почти истерическую ноту. — Даже здесь она! Как же она меня бесит! Она появилась, и всё испортила! Наши планы, нашу работу, тебя!

Грид медленно повернул к ней голову. И на его обычно сдержанном лице она увидела странное выражение — не гнев, а… недоумение, смешанное с лёгкой грустью.

— Она не «появилась», Адель. Она вернулась. И ничего не «испортила». Всё стало… таким, каким и должно было быть семь лет назад.

На его губах, вопреки всему, дрогнула тень улыбки. Взгляд его стал отсутствующим, мечтательным, он смотрел куда-то сквозь стены, в далёкое прошлое. Адель видела это выражение — она видела его, когда он работал над особенно сложной формулой, погружаясь в мир чисел и элементов. Но сейчас это была не алхимия. Это были воспоминания. О ней.

Этот миг длился лишь несколько секунд. Потом Грид вздрогнул, словно очнувшись. Его лицо вновь стало маской ледяной серьёзности.

— Прошу, покинь эту комнату. И не заходи сюда больше. Никогда.

Приказ был произнесён тихо, но в нём звучала сталь, не терпящая возражений. Адель, сжав губы до белизны, молча вышла, не смея оглянуться. За её спиной дверь с тихим скрипом закрылась.

Весь остаток дня Адель была как не в своей тарелке. Образ доспеха за стеклом и выражение лица Грида преследовали её. Как Грид, отшельник-алхимик, был связан с самой могущественной преступной гильдией города? Не как поставщик — это она понимала. Связь была глубже, личнее. «Помогли достичь Виталии». Что это значило? Планировали похищение? Но нет, тогда он говорил бы о ней как о «добыче». Он говорил с теплотой.

Грид в тот день был немногословен, погружён в приготовление новых партий зелья и изучение карт. Допрашивать его она боялась. Тон, которым он приказал ей уйти, не предвещал ничего хорошего.

И тогда в её воспалённом ревностью и обидой мозгу созрел план. Гениальный в своей простоте и отчаянный в наглости. Спросить принцессу. Ведь Грид упомянул её. Значит, она в курсе. Она была частью той истории.

Она нашла Виталию в зимнем саду на втором этаже — небольшой оранжерее, где принцесса, к удивлению Адель, не сидела без дела, а пересаживала какие-то колючие, странные растения в горшки. На ней была простая рабочая одежда, руки в земле, но диадема, как всегда, лежала на её темно-золотых волосах, будто напоминая о её статусе даже в таком занятии.

— Нужна помощь, ваше высочество? — начала Адель, стараясь, чтобы в голосе звучала лишь лёгкая язвительность, а не кипящая ненависть. — А то вдруг вы пораните свои королевские пальчики о кактус.

Виталия даже не вздрогнула. Она аккуратно утрамбовала землю вокруг растения и только потом подняла на Адель свои спокойные, слишком взрослые для её возраста глаза.

— Спасибо за заботу, Адель. Но я справлюсь. С сорняками, — она сделала едва уловимую паузу, — и с колючками, что лезут не в своё дело.

Адель почувствовала, как её щёки начинают гореть. Она подошла ближе.

— Гуляла я сегодня. По дому. Нашла одну… интересную комнату. Со странным экспонатом. Доспехи. С эмблемой Гильдии. Грид сказал, что вы там тоже замешаны. Хотелось бы прояснить детали.

Виталия вытерла руки о тряпку. Её движения были медленными, будто она обдумывала каждый жест.

— Детали, — повторила она. — Какие именно? Цвет подкладки? Или вас больше интересует, как законная наследница престола оказалась связана с ворами?

— Меня интересует, как Грид оказался с ними связан! — выпалила Адель, теряя самообладание. — Что это за история? Что вы там с ним делали?

— Мы ничего не «делали», — голос Виталии оставался ледяным. — Мы спасались. И гильдия… предоставила ресурсы. За соответствующую плату, разумеется. Грид тогда был всего лишь талантливым юношей с рецептом зелья невидимости. А я — сбежавшей принцессой с ценой на голове. Нам нужны были документы, безопасные пути, информация. Гильдия всё это имела.

— И что, они вам просто так помогли? Из благотворительности? — язвительно спросила Адель.

— Нет. Грид… — Виталия на мгновение запнулась, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, далёкое. — Грид предложил им первым получить немного зелья невидимости. Так был заключён договор. Те доспехи… это был аванс. Символ договора. И напоминание.

— Напоминание о чём? — жадно спросила Адель.

— О том, что долги нужно отдавать. И что в нашем мире даже у воров есть своя честь, — Виталия посмотрела прямо на неё. — Всё, что я могу сказать. Остальное — не моя история. Это история Грида. И если он захочет, он расскажет её сам. А я не привыкла разглашать чужие секреты. Даже тем, кто так настойчиво о них допытывается.

Это был вежливый, но недвусмысленный отказ. Адель поняла, что дальше будет только хуже. Любая новая колкость наткнётся на эту ледяную стену достоинства. Она стиснула зубы.

— Как удобно. Хранить секреты, когда они тебе выгодны.

— Это не про выгоду, Адель. Это про уважение, — тихо сказала Виталия и снова повернулась к своим растениям, всем видом показывая, что разговор окончен.

Адель ушла, чувствуя себя униженной и обманутой. Она не получила ответов, только новые загадки и болезненное осознание того, что между Гридом и Виталией существовала целая вселенная воспоминаний, связей, общих тайн, в которую ей, Адель, доступа не было и никогда не будет.

Вечерело. Багровые лучи заката пробивались сквозь смог Тайнкора, окрашивая город в цвет старой крови. Адель вышла на широкий балкон, выходивший на внутренний двор особняка. Прохладный ветерок трепал её каштановые волосы. Она облокотилась на каменную балюстраду, сжимая холодный камень так, что суставы побелели.

Она смотрела на огоньки, зажигающиеся в окнах домов, на патрули имперской стражи, бредущие по улицам, и не понимала. Не понимала, что она сделала не так. Она была эффективна. Полезна. Преданна. Она отдала Гриду семь лет своей жизни, помогая строить его империю, охраняя его, управляя его делами. Она была идеальным инструментом. А оказалось, что ему был нужен не инструмент. Ему было нужно… напоминание. Живое, дышащее напоминание о прошлом, которое он, казалось, давно перерос.

«Она вернулась, и всё стало таким, каким и должно было быть семь лет назад». Эти слова жгли её изнутри сильнее любой эльфийской отравы. Значит, все эти семь лет, пока она была рядом, всё было… неправильным? Не таким, каким «должно было быть»? Её присутствие, её

труд, её молчаливая, всёпоглощающая любовь — всё это было лишь помехой на пути к этому «правильному» прошлому?

Где-то в городе, в этих трущобах, прятались люди, за которых она теперь, по воле судьбы, должна была рисковать жизнью. Где-то в Междуречье Джон Кливион, такой же потерянный, как и она, пытался купить им призрачный шанс на победу. А она стояла здесь, на балконе чужого особняка, с разбитым сердцем и головой, полной вопросов, на которые не находилось ответов.

Сумерки сгущались, поглощая город. Адель не зажгла свет. Она стояла в темноте, слушая, как ветер шепчет в трубах старых крыш, и впервые за долгие годы чувствовала себя по-настоящему, пронзительно одинокой. Не как солдат, не как секретарь, а как женщина, которая отдала всё и не получила ничего. Даже понимания.

Глава 23: Одиночество полезного инструмента

Следующие дни стали для Адель медленной пыткой. Особняк, бывший когда-то её царством, местом, где каждое её действие имело вес и значение, теперь ощущался как красивая, просторная тюрьма. Тишина в коридорах гудела у неё в ушах. Каждый звук — отдалённый смех Виталии, мерный стук Грида по столу зачарований. Она была лишней. Прекрасный, отлаженный механизм работал, а она, некогда важная шестерёнка, оказалась не у дел.

Этот зуд бесполезности, смешанный с невысказанной обидой и ревностью, стал невыносимым. Она не могла сидеть сложа руки. Её природа, отточенная годами службы и выживания, требовала действия. Если она не могла быть нужной Гриду как женщина, она должна была стать незаменимой как солдат. Как инструмент восстания.

Её мысли обратились к трущобам, к ядру повстанцев. К Дарлиону и его людям. Там кипела реальная работа: тренировки, ремонт оружия, планирование. Там её навыки — сила, выучка, умение носить броню и убивать — были бы кстати. Да, там были моряки Кливиона, грубые и недоверчивые, но они признавали силу. И Дарлион, старый солдат, должен был оценить её потенциал.

Она надела простую, тёмную одежду, скрывающую её золотистую кожу, и отправилась в трущобы. Лабиринт гниющих переулков у старой стены она знала хорошо — здесь проходили многие её тайные маршруты. Штаб повстанцев располагался в подвале полуразрушенной кожевенной мастерской. Воздух здесь по-прежнему вонял дубильными веществами, смешанными теперь с запахом пота, масла для оружия и напряжённой тишины.

В главном зале, освещённом чадящими факелами, шли тренировки. Бывшие гвардейцы Дарлиона отрабатывали приёмы с мечами и щитами с моряками Джона, которые, в свою очередь, показывали им основы абордажного боя — тесаком, крюком, голыми руками. Шум стоял приглушённый, деловой.

Адель заметил часовой — молодой парень с обритой головой и быстрыми глазами. Он кивнул ей, узнав, и пропустил внутрь. Дарлион сидел за грубым столом, составленным из ящиков, изучая карту города. Рядом с ним стоял боцман с «Мести», здоровенный детина со шрамом через всё лицо.

— Капитан Дарлион, — чётко произнесла Адель, подходя.

Старый управитель поднял на неё взгляд. Его глаза, похожие на трещины в граните, ничего не выражали.

— Адель. Что привело?

— Я хочу быть полезной. Мои навыки. Броня, оружие, скрытность. Я могу тренировать людей, могу участвовать в операциях. Дайте задание.

Дарлион откинулся на спинку своего табурета, сложив руки на груди. Боцман оценивающе оглядел её с ног до головы.

— Твои навыки известны, — сказал Дарлион. Его голос был ровным, лишённым как одобрения, так и осуждения. — Но сейчас у нас нет задач, требующих… твоего специфиче-

ского подхода. Тренировки ведут ветераны гвардии. У них своя методика, и люди к ней привыкли. Диверсии и разведку мы пока не проводим — ждем возвращения Кливиона и корабля. Рисковать людьми без крайней нужды я не намерен.

— Я могу быть разведчиком, — настаивала Адель. — Я знаю город не хуже вас. Могу следить за гарнизоном, за перемещениями…

— У нас уже есть пара невидимок для этого, — перебил её боцман, хриплым басом. Его взгляд был не враждебным, а просто констатирующим факт. — Мальчишка-иллюзионист из академии, что сбежал сюда, и одна старуха, которая торгует рыбой у самых ворот казармы. Они незаметны. А ты… — он жестом обвёл её фигуру, — …слишком заметна. Даже без этой золотой кожи.

Адель почувствовала, как её щёки загораются от гнева и унижения. Её главный козырь — её неординарная внешность и сила — здесь обернулись против неё.

— Я могу носить маскировку! Я…

— Адель, — голос Дарлиона прозвучал твёрже. — Твоё место — с Гридом. Ты его правая рука. Его безопасность, его лаборатория — это твой пост. Мы здесь занимаемся грубой силой и подготовкой. У каждого своя роль. Не лезь не в своё дело.

Это было сказано без злобы, но с той непререкаемой солдатской прямотой, против которой не попрёшь. Она была отстранена. Её предложение помощи, её попытка вновь стать нужной — были вежливо, но твёрдо отклонены. Они справлялись без неё. Отлично справлялись.

Она стояла, сжав кулаки, глядя на этих людей, погружённых в своё важное, реальное дело. Она была для них призраком из другого мира — мира алхимии, денег и тайн её хозяина. Чужаком.

— Как скажете, — выдавила она сквозь зубы, развернулась и вышла, чувствуя на себе спины десятков глаз, в которых читалось не презрение, а… безразличие.

Обратный путь в особняк был похож на возвращение в склеп. Мысль о том, чтобы сидеть в своей комнате и ждать, была невыносима. Но где ещё ей быть? Её последняя надежда — Грид. У него наверняка найдётся дело. Какая-нибудь сложная доставка, опасная покупка, требующая её брони и её умений. Что-то, что докажет её ценность не как управляющего, а как воина.

Она направилась в его кабинет. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносились не привычные звуки переливания жидкостей или шелеста бумаг, а тихий, сдержанный смех. Смех Виталии. И низкий, тёплый голос Грида, который звучал так, как никогда не звучал, разговаривая с Адель.

Адель замерла у двери, как воришка. Через щель она увидела их. Они стояли у большого окна, залитые последними лучами солнца. Грид обнимал Виталию сзади, его подбородок покоился на её голове, а её руки лежали поверх его на её животе. Они смотрели на закат, и их поза была такой естественной, такой полной безмятежного доверия и близости, что у Адель перехватило дыхание.

Потом Виталия что-то сказала, обернулась к нему. Их взгляды встретились. И в этих взглядах было всё — семь лет разлуки, боль, тоска, и теперь — облегчение, принадлежность, любовь. Грид наклонился, и их губы слились в поцелуе. Не страстном, не жадном, как в саду, а нежном, долгом, полном безмолвных обещаний и тихой радости.

Адель не могла оторвать глаз. Это было красиво. И невыносимо больно.

Поцелуй длился вечность. Потом Грид провёл рукой по щеке Виталии, его пальцы запутались в её коротких волосах. Что-то в его движении, в том, как она прикрыла глаза и прижалась к его ладони, говорило о том, что эта нежность — лишь прелюдия. Что сейчас они могут повернуться и уйти в его покои, закрыть дверь и…

Холодок, пробежавший по спине Адель в комнате с доспехами, вернулся. Но теперь это был не холод обиды, а леденящий холод полного, абсолютного одиночества. Она увидела не

просто поцелуй. Она увидела целый мир, дверь в который для неё была наглухо закрыта. Мир, в котором не было места для неё, для её преданности, для её любви.

Она отшатнулась от двери так тихо, как только могла. Её ноги сами понесли её прочь, по длинным, тёмным коридорам. Она не плакала. Слёзы казались слишком мелкой, слишком человеческой реакцией на эту бездну, что разверзлась внутри неё. Она просто шла, и каждый шаг отдавался в её душе глухим эхом: лишняя, лишняя, лишняя.

Она оказалась на том же балконе. Ночь уже полностью вступила в свои права. Город внизу жил своей жизнью, слепой и глухой к её страданию. Внутри особняка царила тишина — та самая, что теперь означала не покой, а её изгнание.

Оставалась одна мысль. Один человек, который, возможно, мог её понять. Не как женщину, не как солдата, а как… такую же потерянную душу. Джон Кливион. Он потерял свой корабль, свой дом, смысл своей жизни. Он горевал так же, как горевала она. Он был чужим среди этих повстанцев, как и она. И он был единственным, кто видел её в тот вечер в эльфийском борделе — видел её сломленной, уязвимой, настоящей. Не секретаршей, не воином в броне, а просто несчастной девушкой.

Он уехал в Междуречье, в самое логово опасности, за призрачным шансом. И теперь ей оставалось только ждать. Ждать его возвращения. Потому что когда он вернётся (если вернётся), с ним вернётся хоть капля понимания. Хоть кто-то, перед кем не нужно будет носить маску холодной эффективности. Кто-то, кто тоже знает, каково это — потерять всё и пытаться найти новую точку опоры в мире, который катится в пропасть.

Адель обхватила себя руками, пытаясь согреться. Ветер с речного канала был холодным. Она смотрела на тёмный горизонт, туда, где лежало Междуречье, и впервые за многие дни её мысли были не о Гриде, не о восстании, а о простой, человеческой надежде. Надежде на то, что она не одна в своей боли. Что где-то там, в темноте, идёт человек, который, возможно, сможет увидеть в ней не инструмент, не проблему, а просто Адель. Такую же сломленную и одинокую, как он сам.

Она простояла так до глубокой ночи, пока звёзды не начали бледнеть на востоке, а город не погрузился в самый глубокий, беспробудный сон. Только тогда она тихо вошла внутрь, в свою комнату-клетку, чтобы ждать. Ждать известий. Ждать корабля. Ждать войны.

И ждать одного-единственного человека, который мог стать её якорем в этом бушующем море отчаяния.

Глава 24: Подготовка к отплытию

«Замерзшая Креветка» просыпалась от долгой спячки. Сначала это были лишь тихие звуки: скрип открываемых десятилетиями не трогавшихся люков арсенала, глухой стук бочек с порохом, перекатываемых по нижней палубе, лязг ржавых цепей. Потом запахи: едкая вонь старой смазки, смешанная с ароматом свежей смолы, которой Орен заделывал щели, и терпкий дух оружейного масла.

Джон и Орен работали в ритме, отточенном годами совместных плаваний. Никаких лишних слов, только краткие команды и кивки. Они были похожи на двух старых мастеров, восстанавливающих забытый механизм. Джон, в потной рубахе, с обвязанным вокруг головы платком, вытаскивал из глубины трюма тяжёлые, зачехлённые брезентом свёртки — это были гарпуны от старой «Мести», чудом уцелевшие в лаборатории Грида и привезённые с собой. Орен, красный от натуги, с блестящим от пота лысым черепом, ворочал небольшие, но невероятно тяжёлые ядра для карронад, которые когда-то украшал борта «Креветки».

— Помнишь, как мы тащили эти штуки на борт в бухте Трёх Скал? — хрипло выдохнул Орен, ставя ядро на специальную тележку. — Шторм начинался, а мы, как дураки, пытались успеть до его начала.

— Помню, — усмехнулся Джон, оттирая пот со лба. — Ты тогда поклялся, что следующую партию будешь возить на спине у прирученного гипериона.

— И где мой гиперион, Джон? Где?! — Орен фыркнул. — Вместо него — только геморрой и налоги от Картеля.

Они заставили палубу орудиями. Не теми грозными рядами пушек, что были раньше, но всё же: две карронады на носу для «уговора» на близкой дистанции и три старых, но надёжных фальконета на корме. Гарпунные арбалеты, наследство «Мести», были установлены на укреплённых площадках у грот-мачты. «Креветка» сбрасывала с себя ярмарочный наряд и вновь обретала угловатые, хищные очертания военного корабля.

Работа переместилась внутрь, в пыльный оружейный склад. Они разбирали старые ящики, проверяя кремнёвые пистолеты, абордажные сабли, связки гранат с фитилями. Каждый предмет рождал воспоминание.

Джон нашёл старый, с выщербленным лезвием кортик в простых ножнах.

— Это твой? — спросил он, протягивая Орену.

Тот взял клинок, и в его глазах мелькнула тень.

— Нет. Это был Хенрик. Парень с севера. Говорил, что это фамильная реликвия. Погиб в той стычке с «Морским Призраком». Выпал за борт с этим кортиком в руке, а мы так и не нашли его тело. — Он аккуратно положил клинок обратно в ящик. — Оставь. Пусть лежит.

Джон кивнул. Он понимал. На каждом корабле есть такие ящики — маленькие могилы для вещей, чьи хозяева остались в море.

— А помнишь ту девку-боцмана с «Буйной Волны»? — вдруг спросил Орен, пытаясь разрядить атмосферу. — Ту, что могла перепить любого из нас и ещё требовала продолжения?

— Карину? — Джон рассмеялся. — Ещё бы! Она потом тебе в глаз дала, когда ты попытался её поцеловать.

— Не в глаз, а в скулу! — поправил Орен, потирая щёку, будто чувствуя старую боль. — И это было не за попытку поцеловать, а за то, что я назвал её «милашкой». Она терпеть не могла, когда её так называли.

Они смеялись, и на время тяжёлая нота ушла. В этих воспоминаниях был не только юмор, но и горечь по ушедшим временам, по людям, которые остались в прошлом. Но это была хорошая горечь, очищающая, как морской бриз.

Работа закончилась поздно вечером. «Креветка» была готова. Не идеально, не так, как в её лучшие годы, но готова сражаться и плыть. Они сидели на корме, на старых канатных бухтах, пропуская по кругу флягу с выдержанным, крепким ромом Орена. Город Бродвейл вокруг них затихал, лишь редкие огоньки мерцали в окнах да слышался далёкий пьяный смех.

— Завтра на рассвете, — сказал Орен, глядя на тёмную воду. — С приливом уйдём. Пока стража Картеля спит.

— Боюсь, они уже не спят, — мрачно заметил Джон. — Лестер не дурак. Он знает, что ты собираешься.

— Пусть знает. Я выплатил все долги и отступные. Я свободен. А что касается «переоборудования»… — Орен развёл руками, — …скажем, что решил сменить имидж. Мода на плавучие таверны прошла.

Джон усмехнулся, но в душе у него было неспокойно. Лестер не был тем, кто просто отпускал. Особенно если чувствовал возможность получить что-то. Он смотрел на тёмный силуэт города, на тёмные окна домов, и чувствовал, как по спине бегут мурашки. За ними наблюдают. Всегда.

Позже, устроившись в каюте капитана (которую Орен любезно уступил ему, забрав себе гамак в бывшей кладовой), Джон долго не мог уснуть. Голова гудела от усталости, но мысли не отпускали. Завтра они отправятся. Обратно в Стоунстейт. На войну. Он снова будет капитаном. Но капитаном без своего корабля, на чужом судне, с командой, которую ещё предстоит сколотить из горстки своих моряков и повстанцев Дарлиона. И где-то там, в тени, Лестер строил свои планы с командой детей-ассасинов.

Сон был коротким и тревожным. Джон проснулся задолго до рассвета, когда небо на востоке лишь начало светлеть, окрашиваясь в грязно-серый, предрассветный цвет. Тишина была абсолютной, даже река казалась застывшей.

Он вышел на палубу, чтобы вдохнуть холодный, влажный воздух. Просто постоять. Возможно, в последний раз здесь, в этом болоте, которое когда-то было его домом, а потом — тюрьмой, а теперь — точкой невозврата.

Его взгляд блуждал по спящему городу, цепляясь за тёмные очертания домов на сваях, за чёрные провалы окон. И тогда он увидел. На плоской крыше одного из невысоких каменных зданий, что стояло чуть в стороне от главного русла, прямо напротив «Креветки», стояла фигура.

Силуэт был неподвижен. Высокий, стройный, в длинном плаще или одеянии, сливавшемся с предрассветным мраком. Но на голове чётко вырисовывался капюшон. Белый. Чистый, почти сияющий в этом сером свете. Из-под плаща угадывался длинный, узкий предмет — катана в ножнах. Фигура стояла, повернувшись лицом прямо к кораблю. Прямо к Джону.

Никакого движения. Никакого намёка на угрозу. Просто наблюдение. Холодное, оценивающее, всевидящее.

Джон замер. Кровь стыла в жилах. Он не видел лица. Но знал. Знание это пришло не из разума, а из самой глубины памяти, из тех дней, когда они были почти братьями, соперничающими в скорости и хитрости. Лестер.

Минуты тянулись, словно часы. Они просто смотрели друг на друга через полсотни ярдов мутной речной воды и предрассветную дымку. Джон чувствовал, как его сердце бьётся медленно и гулко, как барабан перед казнью. Он не сделал ни жеста, не попытался скрыться. Бесполезно. Это был взгляд, который видел всё. Взгляд, который говорил: «Я тебя вижу. Я знаю. И мы ещё встретимся».

Потом, как будто удовлетворившись, силуэт дрогнул. Одно плавное, беззвучное движение — и он растворился в темноте крыши, будто его и не было.

Джон продолжал стоять, вцепившись пальцами в холодные поручни. Предрассветный холод вдруг стал пронизывающим. Лестер знал. Он не просто знал, что Джон в городе. Он знал, что он на «Креветке». Он видел подготовку к отплытию. И он просто… наблюдал. Это было страшнее любой атаки. Это был намёк. Намёк на то, что Джон всё ещё находится в его поле зрения. Что его побег семь лет назад и нынешнее возвращение — всё это часть какой-то большей игры, правила которой знал только Лестер.

Первые лучи солнца, слабые и косые, пробились сквозь туман над рекой. Внизу, из трюма, послышались звуки — кашель, зевок, тяжёлые шаги. На палубу, потягиваясь и потирая заспанное лицо, вышел Орен.

— Ну что, капитан? — хрипло спросил он. — Готовы к большому плаванию? Или передумал и решил остаться торговать супом?

Джон обернулся. Он должен был сказать. Должен был предупредить старого друга, что они в опасности, что за ними следят. Но слова застряли в горле. Если он расскажет о Лестере, Орен может передумать. Может отказаться плыть, испугавшись мести Картеля. Или, что хуже, решит пойти на сделку — выдать Джона в обмен на свою безопасность. Нет. Джон не мог рисковать. Корабль был нужнее, чем его душевное спокойствие или даже безопасность Орена. Это был шанс для восстания. Его личная война с Лестером должна была подождать.

— Передумал, — с натянутой улыбкой ответил он. — Но не об остаться. О том, чтобы отплыть прямо сейчас. Пока город спит.

— Вот это другое дело! — Орен похлопал его по плечу, не заметив напряжения в его глазах. — Поднимай якорь, я разбужу ребят! В путь!

Вскоре «Замерзшая Креветка», теперь уже без улыбающейся креветки на флаге (его сменил простой тёмный стяг), тихо, на вёслах, отчалила от причала. Её корпус медленно развер-

нулся, подхваченный течением. Джон стоял на корме, не сводя глаз с того здания, с той крыши. Она была пуста. Но ощущение взгляда, тяжёлого и неумолимого, не покидало его. Оно плыло вместе с ними, как тень.

Орен, стоя у штурвала, кричал что-то весёлое, полное энтузиазма по поводу «последнего большого приключения». Джон кивал, делая вид, что слушает. Но в его ушах стояла тишина того предрассветного наблюдения. И в этой тишине звучало невысказанное обещание: «Это не конец, Джон. Это только начало. И когда-нибудь, где-нибудь, наши пути снова пересекутся. И тогда мы посмотрим, кто стал сильнее — беглец, ищущий свободы, или паук, сплетающий свою паутину».

«Креветка» вышла на середину реки и, подняв паруса, медленно поплыла на север, к устью Чёрного Змея, а оттуда — в открытое море и к берегам Стоунстейта. Они везли с собой не только пушки и припасы. Они везли тяжёлый, невидимый груз — знание того, что в Бродвейле, в сердце Междуречья, их уже не считают пропавшими или забытыми. Их запомнили. И, возможно, уже начали рассчитывать траекторию их движения для того, чтобы однажды снова сойтись на узкой тропе, где места для двоих не будет.

Глава 25: Инвентаризация вечности и ход тёмной ладьи

Особняк Картеля Междуречья не стоял на сваях над грязными водами, как дома Бродвейла. Он был вбит в самый древний, каменный хребет города, сросся с ним, подобно паразитическому грибу невероятной сложности и красоты. Со стороны это был мрачный, неприступный бастион. Изнутри — лабиринт, где аскетизм тренировочных залов соседствовал с немыслимой роскошью личных покоев, а библиотеки, полные трактатов о ядах и человеческой психологии, — с голубятнями для невидимых глазу почтовых сов.

Лестер шёл по главной галерее, его белый капюшон был единственным ярким пятном в этом царстве теней и тёмного дерева. Его шаги, бесшумные для любого уха, кроме натренированного, отдавались в его собственном сознании чёткими, отмеренными ударами метронома. Смуглый подбородок, обнажённый капюшоном, был собран в твёрдую, непроницаемую маску. Он не просто шёл — он нарезал пространство, как хирург, зная каждый шов в теле своего владения.

Зал Совета был круглым, как амфитеатр, и пустым, как склеп. Воздух здесь не двигался, отфильтрованный сложной системой вентиляции, пахнущий ладаном и старым пергаментом. Посредине на простом, но безупречно выточенном из чёрного эбенового дерева стуле сидел Лиам. Его поза была медитативной, пальцы сложены в замок на коленях. Чёрно-белое одеяние не образовывало ни единой лишней складки. Длинный, тонкий меч за его спиной казался естественным продолжением позвоночника, ещё одной костью.

Вокруг него, как гиперактивная, неугомонная тень, кружила Сабрин. Её движения были хаотичными лишь на первый взгляд — каждый кульбит, каждый бросок воображаемого кинжала заканчивался точкой, идеально выверенной для смертельного удара. Она была воплощённым беспокойством, сконцентрированной и направленной в игровую форму энергией. Она ворчала что-то себе под нос, подражая то голосу Астрид, то басу Лестера, то цокала языком, представляя звук отравленной иглы, вонзающейся в шею.

Они заметили Лестера одновременно, но реакция была разной. Лиам просто открыл глаза. Его взгляд, холодный и ясный, как горное озеро, встретился с тенью под белым капюшоном. Он медленно, с невозмутимым достоинством, поднялся. Сабрин же замерла на полпути между сальто и приземлением, буквально зависнув на одной руке, а потом плавно, как кошка, встала в полный рост, её игривость в миг испарилась, сменившись внимательностью дикой лисы.

Из самого тёмного угла зала, где, казалось, сама тьма сгущалась до физической плотности, вышел Нейт. Он не появился — он проступил, как проявление. Его лицо, как всегда, было скрыто за маской из тёмной ткани с прорезями для глаз, но даже сквозь неё чувствовалось его

флегматичное, почти сонное наблюдение. На поясе у него висела необычная духовная трубка, больше похожая на произведение искусства, чем на оружие.

И, словно завершая симметрию, вслед за Лестером, отбрасывая на каменный пол длинную, зловещую тень от канделябра, вошла Астрид. Она была одета в великолепное платье из чёрного бархата, расшитого узорами, напоминавшими стекающую кровь. Её волосы, уложенные в две элегантных косы, казались высеченными из угля. Но выражение её прекрасного, холодного лица было хуже гнева. Оно источало ледяное, всесокрушающее недовольство.

— Надеюсь, это что-то очень важное, Лестер, — её голос порезал тишину, как скальпель шёлк. — Из-за твоего внезапного зова мне пришлось покинуть Имперский экономический саммит. Я была в трёх шагах от того, чтобы убедить министра финансов в необходимости… упрощения таможенных процедур для наших судов с «лекарственными травами». Теперь этот старый скряга снова будет торговаться из-за каждого процента.

Лестер проигнорировал её ворчание, как игнорируют шум ветра за толстой стеной. Он прошёл к голове стола, но не сел. Его фигура, задрапированная в белое, доминировала в зале.

— Я собрал вас здесь не просто так, — его бас, низкий и вибрирующий, заполнил пространство, вытеснив все другие звуки. — Первый из трёх артефактов Лоуренса всплыл на поверхность.

Воздух в зале изменился. Даже Астрид перестала мысленно подсчитывать упущенную прибыль. Сабрин замерла, широко раскрыв глаза. Лиам лишь слегка наклонил голову, слушая. Нейт из своей тени не дрогнул, но атмосфера вокруг него стала ещё плотнее.

— Так чего мы медлим? — выпалила Сабрин, не в силах сдержать дрожь азарта. Её пальцы непроизвольно потянулись к скрытым ножнам на бёдрах.

— Дело в том, где, а точнее — у кого, он всплыл, — продолжил Лестер, и в его голосе прозвучала первая, едва уловимая нота чего-то, что могло быть раздражением. — В Стоунстейте. У повстанцев. Они не знают, что тёмный кинжал из бледной кости, который носит на поясе их драгоценная принцесса, и является одним из артефактов Лоуренса.

Лиам наконец заговорил, его голос был тихим и бесцветным:

— Это играет нам на руку. Неосведомлённые хранители — идеальная мишень.

— Вроде бы, — согласился Лестер, и его сжатый кулак в белой перчатке лёг на спинку чёрного кресла с тихим скрипом. — Но среди них есть тот, кто знает, что такое артефакты Лоуренса. Старый знакомый. Джон Кливион.

Имя повисло в воздухе тяжёлым, знакомым грузом. Астрид презрительно скривила губы. Сабрин нахмурилась, пытаясь вспомнить. Лиам лишь поднял бровь. Нейт молчал.

— Конечно, скорее всего, он и не догадается, что кинжал — это тот самый артефакт, — продолжил Лестер, и теперь в его голосе зазвучала холодная сталь. — Но он знает, что мы ищем эти артефакты. Знает цену, которую мы готовы заплатить. Знает, какой хаос за ними тянется. Он — переменная. Непредсказуемая. Ещё недавно он ошивался здесь, в Бродвейле, но уплыл на «Замерзшей Креветке». С Ореном.

— Сентиментальный дурак, — процедила Астрид. — Цепляется за обломки прошлого. Это делает его слабым.

— Или опасным, — парировал Лестер. — Слабость, помноженная на отчаяние, порождает непредсказуемость. А он теперь ещё и мстит. Ор'нимнам. За свой корабль. Его действия могут привлечь внимание к Стоунстейту раньше, чем мы того хотим. Могут спугнуть нашу добычу или, что хуже, уничтожить её в ходе какой-нибудь его авантюры.

Он выпрямился, его белый силуэт стал похож на лезвие, вонзённое в пол зала.

— Каковы наши действия? — спросил Лиам, возвращая обсуждение в практическое русло.

Лестер медленно обвёл взглядом каждого.

— Астрид. — Его взгляд остановился на экономке. — Твоя задача — устроить Кливиона. Слишком много он знает. Слишком много помнит. Используй его сентиментальность. Его связь с Ореном. Его новую привязанность к этим… повстанцам. Он должен исчезнуть. Тихо. Окончательно. И сделай это изящно. Пусть это выглядит как трагический несчастный случай в бурных водах или стычка с теми же эльфами. Картель не должен фигурировать даже как тень.

Астрид кивнула, её глаза уже просчитывали варианты: подкуп, шантаж, яд в бочке с пресной водой, «несчастный случай» с гарпуном во время охоты на гипериона.

— Лиам и Сабрин. — Лестер перевёл взгляд на дуэт. — Вы должны будете добыть сам артефакт. Кинжал. Принцесса Виталия носит его при себе. Лиам, твоя задача — оценка обороны, магических защит, если они есть, и самого предмета. Сабрин, ты обеспечиваешь проникновение и извлечение. Помните: кинжал — артефакт Лоуренса. С ним могут быть связаны… побочные эффекты. Неприятные сюрпризы. Будьте готовы ко всему. Действуйте, когда Астрид устранит Кливиона и суматоха отвлечёт внимание.

Лиам кивнул, его ум уже анализировал возможные типы охраны, основываясь на сводках о старом замке Тайнкора. Сабрин хищно улыбнулась, её пальцы снова заиграли у пояса.

— И… как там тебя? — Лестер на секунду задержал взгляд на тёмном углу. — А, впрочем, неважно. Четвёртый.

Из тени донёсся чуть слышный, похожий на шипение углей, выдох — единственное проявление эмоции от Нейта.

— Ты должен будешь обеспечить внешнюю безопасность операции, — сказал Лестер. — Никакие третьи лица не должны приближаться, строить планы, нападать и всячески вмешиваться в сторону повстанцев. Они — наша изолированная жертва. Твой сектор — периметр. Советую начать с клана Ор'нимн из Элфтенхолда. У них, как мы знаем, есть недопонимания с повстанцами. После смерти Бенжемина там остались амбициозные наследники. Йор и Нерия. Проследи, чтобы их жажда мести не перешла в преждевременные и грубые действия. Если понадобится… охлади их пыл. Наглядно.

Тень в углу качнулась — знак понимания и принятия задачи. Нейт был мастером не только духовых трубок с усыпляющими или парализующими иглами, но и создания «несчастных случаев», которые выглядели как расплата за грехи в их же, эльфийском, стиле.

— Вопросы? — бросил Лестер, его белый капюшон поворачивался от одного лица к другому.

Вопросов не было. Каждый уже видел свою часть картины, свою роль в сложном механизме, который должен был бесшумно изъять артефакт из сердца вражеской территории.

Астрид первой развернулась и вышла, её платье шуршало о камень, как змеиная кожа. За ней, не торопясь, удалился Нейт, растворившись в ближайшем боковом проходе, будто его и не было. Лиам и Сабрин обменялись коротким, понимающим взглядом — он кивнул, она ответила лёгкой, почти невесомой ухмылкой, — и последовали за остальными.

Лестер остался один в огромном, круглом зале. Он подошёл к стене, где вместо гобеленов висела гигантская, настенная карта известного мира, испещрённая сотнями значков, пометок и невидимых для посторонних глаз шифров. Его взгляд нашёл Стоунстейт. Тайнкор. Затем медленно пополз на юго–восток, к Элфтенхолду, к владениям Ор'нимнов. Потом на северо-восток — к Гиганттауну, где, как он знал из своих источников, назревал новый виток войны между догурцами и гондерфеллцами.

Его пальцы в белых перчатках легли на холодный пергамент карты, на точку, обозначавшую Тайнкор.

«Кинжал, — подумал он. — Клинок, что режет не плоть, а саму реальность. Первый ключ.»

Потом его взгляд переместился на восток, туда, где на карте была лишь пустота, помеченная словом «Бездна» и стилизованным рисунком спящего дракона. Где-то там, в небытии

или в забытой всеми темнице, должен был находиться Второй артефакт. А Третий… Третий, по слухам, был скрыт там, где свет и тьма встречаются, не смешиваясь — в самом сердце вечного противостояния.

Его план был запущен. Машина Картеля, отлаженная и беспощадная, начала движение. Но в голове у Лестера уже строились контуры следующего хода. Что делать с артефактом, когда он окажется в его руках? Как использовать его, не пробудив того, что было связано с именем безумного Лоуренса? И как быть с повстанцами, когда кинжал будет изъят? Оставить их на растерзание Императору и гондерфеллцам? Или… использовать и их, как пешки в более масштабной игре?

Он стоял в полной тишине, лишь его белый капюшон слабо отсвечивал в тусклом свете. Он был не просто главой гильдии. Он был игроком, расставляющим фигуры на доске, где ставкой была не власть над городом или островом, а нечто гораздо более древнее и страшное. И Джон Кливион, со своим старым другом, потрёпанным кораблём и новыми союзниками, был всего лишь одной из фигур. Фигурой, которую сейчас собирались снять с доски.

А в тёмном углу зала, где только что стоял Нейт, на каменном полу осталась лежать едва заметная, тонкая игла с пером из чёрного феникса. Напоминание о том, что даже тишина здесь могла быть смертельной.

Глава 26: «Замерзшая Креветка» и королевский выстрел

Тьма над устьем реки, впадающей в Тайнкорскую бухту, была не просто отсутствием света. Она была густой, шершавой, как старое бархатное одеяло, пропитанное запахом тины, гниющей древесины и очень далёкого моря. В этой тьме «Замерзшая Креветка» казалась не кораблём, а призраком, вынырнувшим из глубин памяти самого города. Её некогда пёстрые борта были закрашены смесью сажи и речной глины в грязно-серый, неотличимый от ночного берега цвет. Паруса убраны. Якорь лёг на дно без единого всплеска, по команде, отданной шёпотом.

Джон Кливион стоял на носовой части, вцепившись пальцами в холодные, отсыревшие перила. Он не смотрел на огни далёкого города, мерцающие, как россыпь гнилых светляков. Он вслушивался в тишину. В скрип уключин единственной шлюпки, бесшумно рассекавшей воду. В тяжёлое, сдавленное дыхание мужчин на вёслах. В стук собственного сердца, отбивавшего чёткий ритм: домой, на войну, домой, на войну.

Шлюпка причалила к полуразрушенной, забытой всеми пристани, что когда-то служила рыбакам. Из тени сложенных сетей и полусгнивших бочек вышли фигуры. Их было человек двадцать. Нестройная, но плотная толпа. Джон узнавал лица в сумраке: вот Барнс, его старший гарпунёр, с лицом, изрытым шрамами от щупалец спрута; вот молодой юнга Кэл, которого он подобрал в Бастионе, теперь смотревший серьёзно и сурово; вот суровый корабельный плотник Ларс, державший в руках не топор, а тяжёлый абордажный тесак.

Во главе их, неподвижный, как один из каменных столбов пристани, стоял Дарлион. В свете поднимающейся луны его лицо, изрезанное морщинами и шрамами, напоминало старую, потрёпанную карту осаждённой крепости. Его глаза, узкие щели, оценивающе скользнули по силуэту «Креветки», задержались на Джоне, перешли на Орена, грузно сидевшего на банке в шлюпке.

— Капитан, — голос Дарлиона был хриплым, как скрип несмазанных ворот. — Вот ваша команда. Кость от кости, плоть от плоти. Если понадобятся ещё рекруты… — он сделал почти незаметную паузу, — …у нас есть несколько ветеранов флота. Нордлендцы, служили на патрульных каравеллах. Но учтите, человеческий ресурс у нас очень, очень ограничен. Каждая жизнь на счету. И каждый — на подозрении, пока не докажет обратное.

— Отлично, — отозвался Джон, спрыгивая на скользкие камни пристани. Его голос звучал твёрже, чем он чувствовал себя внутри. — Этого должно быть достаточно для начала. Ядра грузить будем, а не людей. И кстати, пополнение. — Он хлопнул по плечу Орена, который с

лёгким стоном поднялся. — Хозяин этого… шикарного фрегата, Орен. Ему можно доверять. Я с ним столько вместе прошёл, что мы друг у друга мысли читаем.

Орен кивнул Дарлиону, коротко, по-матросски. Его маленькие, проницательные глаза изучали старого солдата, будто оценивая прочность троса на разрыв.

Дарлион ответил кивком, но ничего не сказал. Он лишь слегка сжал губы, и его взгляд на секунду стал отстранённым. Про себя, так тихо, что даже ветер едва унёс эти слова, он пробормотал: «Не повстанцы, а сборище пиратов… Ржавый корабль, ржавые люди. И вера в удачу вместо дисциплины.»

— Ну что, — Джон нарушил неловкое молчание, его глаза загорелись тем самым азартом, что водил его на гиперионов, — когда известим народ о существовании принцессы? Давайте выведем «Креветку» на главный рейд, разрядим пару пушек в воздух для пущей важности и покажем всем, что старая кровь ещё не остыла! Людям нужен символ, Дарлион! Живой, на палубе корабля!

Дарлион посмотрел на него, как смотрят на слишком шумного ребёнка.

— Ждите здесь, — отрезал он. Его тон не оставлял места для дискуссий. — Решать это без мастера Грида нельзя. Он… расценивает все риски. И символику. Я пойду за ним. Выгружайте то, что привезли. И старайтесь не шуметь.

Он развернулся и исчез в лабиринде узких, вонючих переулков, что вели от пристани в самое сердце трущоб. Джон с минуту смотрел ему вслед, затем обернулся к своим людям и Орена. «Ну что, старые пираты? — усмехнулся он. — Давайте осваивать наш новый дом. Ларс, осмотри корпус, особенно по ватерлинии. Барнс, иди на корабль, проверь гарпуны. Кэл, помоги Орену с припасами. Все на борт!»

Работа закипела. Моряки, увидев родные лица, сбросили напряжение последних недель. На палубе «Креветки», теперь уже не таверны, а корабля, зазвучали приглушённые команды, скрип блоков, тяжёлые шаги. Орен, стоя у штурвала, ворчал, но его глаза блестели. Корабль оживал.

Прошло больше часа. Луна поднялась выше, отбрасывая серебристую дорожку на чёрную воду. На пристани снова показались две фигуры. Дарлион и, чуть позади, Грид.

Грид был облачён в длинный чёрный плащ из плотной, непромокаемой ткани, края которого мягко колыхались на ночном ветру. Под плащом угадывались очертания его остроконечного доспеха. На бедре, в ножнах из тёмной кожи, покоился его клинок — изящный, изогнутый, с рукоятью из кунцита и танзита, мерцавший в лунном свете тусклым, холодным сиянием. Но сам Грид казался отсутствующим. Его взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, на невидимые карты, расчёты, цепочки химических формул и политических комбинаций. Он шёл медленно, почти машинально, его ум был за тысячи миль отсюда, в лаборатории, среди колб и свитков, или уже в будущем, где он пытался просчитать последствия каждого шага.

— Мастер Грид? — голос Джона, громкий и звонкий после часов тихой работы, прозвучал с палубы «Креветки» как выстрел.

Грид вздрогнул, словно его выдернули из глубокого сна. Он медленно поднял голову, его глаза, привыкшие к тусклому свету лабораторных светильников, с трудом фокусировались на тёмном силуэте корабля.

— А? Да… — он провёл рукой по лицу. — Корабль у вас. В них я, честно говоря, разбираюсь плохо. Ценю эффективность, а не эстетику. Но выглядит… солидно. Грозно.

Джон спустился по сходням, широко улыбаясь.

— Солидно? Да это же красавец! Пусть и с характером. На нём и вывезем принцессу на всеобщее обозрение!

Дарлион, стоявший рядом с Гридом, тяжело вздохнул.

— Именно об этом и вопрос, мастер Грид. Когда? Народ в трущобах шепчется. Слухи о спасении уже ползут. Если мы не покажем её сами, за нас это сделает имперская пропаганда, назвав её самозванкой или нашим же пленником.

Грид нахмурился. Он снова ушёл в себя, но теперь его размышления были сосредоточены на конкретной проблеме. Он смотрел на «Креветку», будто пытался вычислить её место в уравнении, переменными в котором были городская стража, настроения горожан, возможные провокаторы и хрупкий образ Виталии, который нужно было представить идеально.

— Завтра, — наконец сказал он, тихо, но чётко. — На рассвете. Не утром, а на рассвете. Когда ночная стража уставшая, а дневная ещё не проснулась. Когда первые рыбаки выходят в море, а горожане только просыпаются. Мы выведем корабль на главный рейд. Не подойдём близко к военным причалам. Станем на видном месте.

Он повернулся к Джону.

— Один выстрел. Из самой большой пушки. Не в сторону города. В небо. Чтоб грохот разнёсся по всему Тайнкору. Это будет не объявление войны. Это будет… пробуждение. Звонок к подъёму. А потом…

Он замолчал, и в его глазах загорелся тот самый огонь, который видел в нём только Дарлион — огонь человека, готового поставить всё на одну карту.

— …потом мы покажем её. Виталию. На шканцах. В диадеме. Одну. Без нас. Пусть они увидят не пленницу, не заложницу в окружении солдат, а свою принцессу, вернувшуюся из небытия. Символ. Живой и немой укор тем, кто смирился.

Джон закивал, его планёрская душа ликовала: драма, эффект, риск!

— Идеально! Я заряжу карронаду сам! Грохот будет такой, что стёкла повыбивает!

— А что ты тогда с собой принцессу сразу не взял? — вдруг спросил Дарлион, его старый солдатский ум уловил нестыковку. — Зачем было идти за ней отдельно, рисковать лишний раз?

Грид снова растерялся. Он не ожидал такого вопроса здесь и сейчас. Его взгляд метнулся к Джону, потом к тёмной воде.

— Э-э… — он замялся, его пальцы нервно постучали по рукояти меча. — Надо так, значит! Ритуал… важна подача. Она должна была подготовиться. Привести себя в порядок. Выйти не из подвала, а из врат особняка, как подобает наследнице. Это… символично.

Объяснение было слабым, и все это понимали. Но Грид сказал это с такой внезапной, почти наигранной уверенностью, что Дарлион лишь хмыкнул, а Джон пожал плечами, списав всё на странности гения.

— Ладно, как скажешь, алхимик, — усмехнулся Джон. — Значит, завтра на рассвете. Орен! Слышал? Готовь «Морду» к первому выстрелу! — «Мордой» он называл самую большую носовую карронаду.

— Уже чищу, капитан! — донёсся с палубы хриплый отклик.

Грид кивнул, его мысли уже снова улетели вперёд.

— Я вернусь перед рассветом. С ней. Будьте готовы.

Он развернулся и, не прощаясь, зашагал обратно в темноту, его чёрный плащ слился с ночью. Дарлион бросил последний оценивающий взгляд на корабль и команду, что с лихорадочной энергией готовила своё стальное детище к утру, и последовал за Гридом.

На «Замерзшей Креветке» кипела работа, но уже другого рода. Это была не суета, а отлаженный ритуал. Джон и Орен, как два жреца, руководили процессом. Протирались и смазывались механизмы карронад. Гарпуны проверялись натяжением тросов. Даже старый, потрёпанный штурвал был начищен до блеска. Моряки Кливиона, почуяв скорый бой — пусть и показной — ожили, в их движениях вернулась былая уверенность и бравада. Они шутили, спорили о том, чей выстрел будет громче, перебрасывались намёками на «пиратскую вольницу», что так раздражала Дарлиона.

Джон стоял на корме, глядя на тёмный город. Где-то там, в лабиринте улиц, Грид шёл за Виталией. И где-то там же, в других тёмных углах, возможно, уже шевелились уши имперских шпионов или агентов Картеля. Завтрашний рассвет должен был изменить всё. Он чувствовал это кожей — той самой, что помнила и солёные брызги охоты на гипериона, и жар взрыва на «Мести королевы Аллесии». Это был не просто спектакль. Это была первая ласточка настоящей, большой войны. И его «Замерзшая Креветка», этот неуклюжий, упрямый фрегат, должен был дать по ней первый залп.

Он обернулся к своему кораблю, к своим людям, к Орену, что что-то яростно высказывал молодому Кэлу, размахивая тряпкой. И впервые за долгое время Джон Кливион почувствовал не просто свободу от чего-то, а точное, ясное место в грядущей буре. Он был капитаном. У него был корабль. И завтра этот корабль должен был заговорить. Голосом стали и пороха.

Глава 27: Дисциплина и хаос на дороге в Тайнкор

Путь из Междуречья в Стоунстейт не был прямым. Картель не пользовался имперскими дорогами, не останавливался в казённых постоялых дворах. Их тропы пролегали через дремучие леса, по руслам пересохших рек, по крышам забытых богом деревень и — когда совсем невмоготу — в трюмах контрабандистских шхун под гнилыми мешками с луком. Это была не дорога, а постоянное, изматывающее упражнение в скрытности и выживании.

Лиам и Сабрин вышли из Бродвейла с последними сумерками, словно две тени, сорвавшиеся с крючка в стене особняка Картеля. Первые несколько миль они двигались в полном молчании, слушая, не засекла ли их двойная патрульная цепочка Лестера. Только когда городские огни остались далеко позади, а их сменила густая, душная тьма придорожного леса, Сабрин не выдержала.

— Скууучно! — выдохнула она, не повышая голоса, но так, что слово зависло в воздухе жалобным комаром. Она не шла — она перемещалась. То шла на руках, переворачиваясь вперёд, то прыгала с корня на корень, балансируя на самом краю невидимой пропасти, то вдруг замирала, слушая что-то, недоступное уху Лиама. Её жёлтый с коричневым капюшон то взмывал вверх, то ниспадал на плечи, открывая каштановые, вечно растрёпанные волосы.

Лиам шёл ровно, как метроном. Его длинный, чёрно-белый кожаный камзол не шелестел, широкие полы не цеплялись за кусты. Железные пуговицы в виде черепов были тусклыми, не дающими бликов. Его капюшон был надвинут, скрывая всё, кроме подбородка и тонких, сжатых губ. Он не отвечал. Он никогда не отвечал на её первые десять жалоб.

— Лиам, слышишь? Скучно. Мы могли бы на почтовой карете! С фальшивыми бумагами! Я бы сыграла богатую наследницу, а ты — моего угрюмого телохранителя! Ой, или наоборот! Я — суровый эскорт, а ты — хрупкий поэт! Мы бы…

— Шпилька, — его голос был низким, ровным, без эмоций. — Тише. Мы на имперской земле. Здесь каждый куст может быть ухом.

— Пусть слышат! — она кувыркнулась через упавшее бревно и приземлилась перед ним, загородив путь. Её глаза в темноте светились озорным, опасным огоньком. — Мы же всё равно их перережем, если что. Правда?

Лиам остановился. Он не смотрел на неё. Он смотрел сквозь неё, сканируя лес позади.

— Убийство привлекает внимание. Шум привлекает внимание. Наша задача — быть призраками. Призраки не разговаривают с деревьями.

— Фу, скукота смертная, — она надула губы, но тут же улыбнулась, увидев белку на ветке. — Ой, смотри! Можно её? — Её рука уже потянулась к поясу, где в специальных пазах лежали смазанные парализующим ядом тонкие кинжалы.

— Нет, — отрезал Лиам, обходя её. — Ты испачкаешь клинок. И шуметь будет. Птицы вспорхнут.

— Ты просто боишься, что я попаду с первого раза, а ты — нет, — зашипела она ему вслед, но последовала за ним, теперь уже просто идя рядом, подражая его степенной, мерной походке, что выглядело нелепо и карикатурно.

— Не боюсь. Я знаю. Ты попадёшь. И будет шум.

Так продолжалось несколько часов. Сабрин изнывала от бездействия, выдумывая всё более безумные способы развлечься: считать шаги, пытаться идти задом наперёд, не наступая на ветки, шептать скороговорки. Лиам отвечал односложно или не отвечал вовсе. Но он никогда не отдалялся. Он всегда был в трёх шагах, его периферийное зрение отслеживало каждое её движение, каждый порыв броситься в сторону. Он был её якорем. Её смирительной рубашкой. И она, хоть и рвалась с этой привязи, подсознательно цеплялась за неё.

Первое испытание случилось на рассвете. Они вышли к окраине крошечной деревушки, где дым из единственной трубы вонял дешёвым углём и отчаянием. У колодца, прислонившись к журавлю, дремал имперский солдат в потрёпанной кольчуге. Рядом валялась пустая бутыль. Дежурство было для него наказанием.

— Вон, глянь, стражник империи! — прошептала Сабрин, и в её голосе зазвенел тот самый гиперактивный интерес, который всегда предвещал беду. — Спящий. Так мило. Думаешь, у него в кошельке есть что-то кроме пыли?»

— Нам не нужны его деньги, — сказал Лиам, уже осматривая путь в обход, через огороды.

— Но он же может проснуться! Увидеть нас! Или не увидеть. Я могу сделать так, чтобы он точно не увидел. Быстро. Тише мыши.

Лиам наконец повернул к ней голову. Его глаза, серые и холодные, как утренний туман, встретились с её горящими.

— Он спит. Он нас не видит. Он не заслужил.

— Заслужил? — Сабрин фыркнула. — Он носит форму Императора. Этого достаточно.

— Нет, — ответил Лиам просто. — Этого недостаточно. Он здесь не по своей воле. Он пьян от скуки и нищеты. Убийство его будет не эффективным, а… шумным. Эмоциональным. Бесполезным.

— Ты такой зануда, Лиам! Иногда нужно делать вещи просто потому, что можешь! Чтобы чувствовать… ну, живым!

— Я и так жив, Шпилька. И хочу остаться им. Пойдём.

Он мягко, но неотвратимо взял её за локоть и повёл в обход. Сабрин сопротивлялась, бормоча что-то об «упущенных возможностях» и «заржавевших клинках», но пошла. Она всегда в итоге шла за ним.

Днём они спали, зарывшись в кучу прелой листвы под вывороченным бурей корнем гигантской ели. Сабрин ворочалась, ловила мух, пыталась разговорить Лиама. Он лежал неподвижно, как камень, его дыхание было ровным и почти неслышным. Но она знала — он не спал. Он никогда не спал первым, когда они были на задании.

— Лиам, а ты помнишь того купца из Нордленда? Толстого, с бородавкой? Тот, что платил нам, чтобы его конкурент «передумал» плыть в Мирталис?

— Помню.

— А помнишь, как ты отказался его добивать, когда он упал? Сказал, что контракт выполнен, он передумал.

— Помню.

— А я тогда воткнула ему стилет в глаз. На всякий случай.

Лиам наконец открыл глаза. Он смотрел не на неё, а в темноту под корнем.

— Я знаю. И я сказал Лестеру, что это была твоя инициатива.

— И что? Он же всё равно заплатил! А тот тип уже точно никуда не поплыл.

— Это было не по контракту. Это было лишнее. Рискованное. Эмоциональное.

— Зато окончательное! — она прошептала с плотоядной усмешкой. — Ты всегда оставляешь лазейки, Лиам. Щели. Как будто боишься сделать что-то насовсем.

Он помолчал. Потом сказал очень тихо:

— Я не боюсь. Я выбираю. Убийство — это инструмент. Как отмычка или яд. Ты используешь его, когда другие инструменты не работают. Ты не ломаешь дверь кувалдой, если можно подобрать ключ.

— Но кувалдой — быстрее! И громче! И… веселее!

Он снова закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Сабрин скривила губы, но через минуту её дыхание тоже стало ровным. Она заснула, зная, что он на страже.

Переход через границу между провинциями был самым опасным этапом. Здесь патрулировали не сонные деревенские стражи, а закалённые в стычках с гондерфеллцами легионеры Вечного Императора. Лиам выбрал не перевал, а разрушенный акведук, пробитый когда-то катапультным ядром ещё во времена войны за объединение. Камни были скользкими от мха, пропасть под ними — глубокой.

Они ползли по узкой, оставшейся от пролёта, балке. Сабрин, несмотря на всю свою гиперактивность, двигалась как ящерица — плавно, цепко, без лишних движений. Лиам — с холодной, механической точностью. Они были в середине, когда внизу, на старой дороге, послышался лязг доспехов и грубый смех. Патруль.

Сабрин замерла, но не от страха. От предвкушения. Её пальцы снова потянулись к поясу. Пятеро. Снизу. Лёгкая цель. Можно сбросить на них несколько этих камней… или спуститься и…

Лиам, ползущий впереди, словно почувствовал её мысли. Не оборачиваясь, он поднял руку в чётком, запрещающем жесте. Стоять. Молчать.

Они лежали, вжавшись в камень, пока солдаты внизу делились похабными шутками и плевали в высохшее русло реки. Сабрин чуть не задохнулась от напряжения. Её тело дрожало от желания действовать. Лиам был неподвижен, как часть моста.

Когда патруль ушёл, они доползли до конца. Сабрин, едва ступив на твёрдую землю, выдохнула:

— Фух! А могло бы быть так весело!

— Бесполезный риск, — отозвался Лиам, отряхивая с камзола пыль. — Нас могло засечь. Нарушило бы график.

— График, график… Ты как старуха с расписанием!

— Расписание сохраняет жизни. Твою в том числе, Шпилька.

Она хотела парировать, но вдруг запнулась. Потому что он назвал её «Шпилькой» не с привычным раздражением, а с… чем-то, что могло быть заботой. Или ей так показалось. Она смотрела, как он проверяет карту, его профиль чётко вырисовывался в лунном свете. Серьёзный, сосредоточенный, правильный. И её сердце, обычно бьющееся как бешеное, на секунду замерло, а потом застучало чаще, но уже по-другому. Не от жажды действия, а от чего-то тёплого и колющего одновременно.

— Эй, Лиам, — сказала она неожиданно тихо.

— Мм?

— Спасибо. Что не дал мне их… потревожить.

Он посмотрел на неё, удивлённый. Такие слова от неё были редкостью.

— Не за что. Это было логичное решение.

— Не только логичное, — она потупила взгляд, играя кисточкой на своём капюшоне. — Ты… ты всегда меня прикрываешь. Даже когда я того не заслуживаю.

Лиам смотрел на неё, и в его холодных глазах мелькнуло непонимание. Он видел не признательность, а очередную «странность». Ещё один виток её непредсказуемого безумия.

— Ты — мой напарник, — сказал он просто, как констатировал факт. — Слабого звена в цепи быть не должно. Иначе подведёт. Теперь идём. До Тайнкора ещё далеко.

Он повернулся и пошёл. Сабрин на секунду задержалась, глядя ему в спину. На её губах играла грустная, кривая улыбка. «Напарник». Для него это было всё. Для неё… нет. Но это неважно. Пока он рядом, пока он называет её «Шпилька», а она может дразнить его и нарушать его «график», всё было в порядке. Она догнала его лёгким прыжком и снова зашагала рядом, на этот раз в почтительном, для неё, молчании.

Они достигли окрестностей Тайнкора на исходе пятых суток. Город лежал перед ними, как гниющая рана — дым, грязь, запах отчаяния. Лиам нашёл точку для наблюдения — полуразрушенную колокольню старой, заброшенной часовни на холме, откуда был виден и порт, и трущобы, и чёрные башни замка-тюрьмы.

Теперь они ждали. Ждали сигнала от Астрид о том, что Кливион «устроен». Ждали суматохи, которая должна была отвлечь всех. Лиам сидел у узкой бойницы, его взгляд был прикован к подзорной трубе с матовыми, не дающими бликов стёклами. Он был абсолютно неподвижен, слившись с камнем.

Сабрин же изнывала. Маленькое помещение колокольни стало для неё клеткой. Она раскачивалась на прогнивших балках, рисовала пылью на полу карикатуры на Лестера и Астрид, беззвучно отрабатывала броски кинжалов в трещину в стене.

— Лиам…

— Тише.

— Но я…

— Шпилька. Молчание.

Она сжала кулаки и прикусила губу. Потом подползла к нему и села рядом, прижавшись плечом. Он не отодвинулся. Не обнял. Но и не оттолкнул. Для Сабрин это было почти как объятие.

— Скоро? — прошептала она.

— Скоро. Будь готова. Когда начнётся шум, мы идём вниз. К старому особняку алхимика. Там её днём видели.

— А как мы её найдём?

— У тебя есть нюх на драгоценности и власть, — сказал он без тени иронии. — А у меня — на ловушки и охрану. Сработаем как всегда.

— Как всегда… — она улыбнулась, глядя на его профиль. — Ты — ключ. Я — кувалда.

На этот раз он фыркнул. Это было настолько близко к смеху, насколько Лиам вообще был способен.

— Что-то вроде того.

Они сидели так в тишине, ожидая рассвета, который должен был принести не свет, а грохот выстрела и начало их настоящей работы. И в этой тишине, несмотря на всю свою разность, они были идеальным дуэтом. Дисциплина и хаос. Расчёт и импульс. Холодный разум и горячее сердце, которое билось чаще, чем следовало, глядя на каменное, правильное лицо напарника.

Глава 28: Утренний залп и вечерний трон

Рассвет над Тайнкором не наступил. Его украли.

Первым его признаком должен был быть бой городских часов на старой ратуше, отсчитывающих тяжёлые, ржавые удары. Но прежде чем первый удар успел родиться в недрах механизма, его заглушил и разорвал в клочья иной звук.

Он пришёл не с суши, а с Реки. Сперва — ослепительная вспышка, оранжево-багровая, разрезавшая предрассветную синеву у самого горизонта. На миг стало светлее, чем в полдень. Затем — грохот. Не просто громкий. ВСЕПОГЛОЩАЮЩИЙ. Это был не звук, а физическая сила, ударная волна, вкатившаяся в узкие улочки, заставившая дребезжать стёкла в домах, сорвавшая с петель ветхие ставни, поднявшая с земли тучи пыли и испуганных голубей. Он

покатился по городу эхом, превращаясь из рёва в гул, из гула — в набат, высеченный из самого воздуха.

БА-БАХ!

Выстрел «Морды», носовой карронады «Замерзшей Креветки», прогремел не в небо. Он разорвал тишину над рейдом, над спящими крышами, над ушами тысяч людей, как глиняный горшок. За ним, через расчётную, театральную паузу, грянули ещё два — фальконеты с кормы, словно ставя жирную точку в объявлении.

Тайнкор проснулся. Не потягиваясь и не зевая, а вскакивая с постелей в ужасе, в панике, в диком недоумении. «Гондерфеллцы!», «Догур штурмуют!», «Война!» — первые крики вырывались из пересохших глоток. Люди высыпали на улицы, полуодетые, с глазами, полными сна и страха.

На колокольне.

Лиам не проснулся. Он был уже в состоянии полной боевой готовности, его сознание лишь переключилось с режима наблюдения на режим анализа угроз. Звук ударил по колокольне, заставив древние камни осыпать пылью. Сабрин же вскочила на ноги с диким, восторженным визгом, который потонул в грохоте.

— УРААА! Началось! — закричала она, подпрыгивая. — Слышишь, Лиам? Это ж на весь город! Теперь давай, пока они в панике, проберёмся и…

— Нет, — его голос прозвучал ледяной струёй, затушив её пыл. Он уже был у бойницы, подзорная труба в руках. — Смотри. Это не атака. Это спектакль.

Он был прав. «Замерзшая Креветка», серая и угрюмая, стояла на рейде в лучах восходящего солнца, которое наконец показалось из-за туч, окрашенное дымом выстрела. На её борту не было видно суеты абордажа или подготовки к обстрелу. Она просто стояла. И на её шканцах, на самом виду, появилась одинокая фигура.

Виталия.

Она стояла неподвижно. Утренний ветер трепал полы её простого, но чистого платья и короткие, тёмно-золотые волосы. Но на голове её, ловя первые лучи, горела диадема. Три изумруда вспыхнули ослепительным, властным, королевским зелёным огнём, видимым даже с берега. Она не кричала, не махала руками. Она просто смотрела на свой город. Её поза была прямой, подбородок чуть приподнят. В ней не было ничего от испуганной заложницы или безумной авантюристки. В ней была тихая, леденящая уверенность. Уверенность того, кто вернулся домой.

А потом заговорил Грид. Не он сам — его голос, усиленный хитрым рупором из сплава серебра и резонирующего кристалла (плод недели его экспериментов), разнёсся над водой, чёткий, металлический, нечеловечески громкий:

«Люди Тайнкора! Жители Стоунстейта! Вы проснулись от сна, длившегося семь лет! Вы проснулись не от зова трубы, а от зова крови! Ваша законная наследница, принцесса Виталия, дочь Алриха, которого вы любили и который любил вас, — ЖИВА! И она ВЕРНУЛАСЬ!»

Голос замолк, позволив словам врезаться в сознание. На набережных, на крышах, в окнах уже стояла толпа. Тишина стала оглушительной.

«Её семь лет удерживали в темнице! Семь лет вам лгали, что она мертва! Семь лет вами правил узурпатор, назвавший себя Вечным Императором, чья власть зиждется на страхе и чужеземных клинках! Но смотрите! Она — здесь! Кровь Стоунстейта не пресеклась! Законный трон — не пуст!»

Грид сделал паузу, драматичную, смертельную.

«Выбирайте! Остаться рабами в империи лжи и страха… или встать за свою принцессу! За свой дом! За Стоунстейт!»

Эхо последнего слова раскатилось по городу и угасло.

И тогда заговорила она. Виталия. Её голос, без усиления, был чистым, высоким и невероятно слышимым в наступившей тишине. Она сказала всего одно слово, но его услышал каждый:

«ВСТАНЬТЕ.»

Это не был приказ. Это было напоминание. Обращение к чему-то глубинному, к спящей чести, к забытой гордости.

И город взорвался. Но не паникой. Рёвом. Рёвом тысяч глоток. Крики «Виталия!», «Стоунстейт!», «Долой узурпатора!» смешались с воплями ярости и страха сторонников Империи, с перебранкой, с грохотом первых стычек. Город в мгновение ока раскололся, как стекло от выстрела. Одни бросались в порт, пытаясь разглядеть принцессу, другие бежали запирать лавки, третьи — к казармам имперского гарнизона.

На колокольне. Лиам безошибочно нашёл в подзорную трубу лицо в толпе на причале. Мужественное, с острыми скулами, с яростным, ликующим огнём в глазах. Человек в потрёпанном морском камзоле, кричавший что-то своей команде и указывающий на город. Джон Кливион.

— Астрид провалилась, — констатировал Лиам, опуская трубу. Его лицо было каменным. — Он жив. Он здесь. И он в эпицентре.

— Ну и что? — Сабрин уже крутила в пальцах кинжал. — Суматоха! Идеальное прикрытие! Все смотрят на неё, на него, на драку на площади! Мы можем проскользнуть к особняку сейчас, пока…

— Нет, Шпилька, — он перехватил её запястье, движение было быстрым и неоспоримым. — Сейчас — самое опасное время. Кливион — герой момента. Его смерть сейчас не останется незамеченной. Он станет мучеником, сплотит их ещё больше. И к артефакту сейчас будет приковано всё внимание. Охрана, пусть и самодельная, будет на взводе. Мы ждём. Ждём, когда первый пыл схлынет, когда они почувствуют ложную безопасность после первой победы. И ждём, пока Астрид исправит свою ошибку. Или мы… исправим её за неё, если придётся.

Сабрин вырвала руку, её лицо исказила гримаса разочарования. Она так хотела действовать! Но в глубине тех самых глаз, что обычно светились безумием, мелькнуло понимание. Он, как всегда, был прав. Это бесило её до зубовного скрежета, но это было так.

В покоях особняка Грида. День.

Шум с улицы сюда доносился приглушённо, как отдалённый прибой. Воздух пах пылью, старой древесиной и слабым, горьковатым ароматом высушенных трав. Джон Кливион закрыл за собой тяжёлую дверь, прислонился к ней спиной и впервые за несколько безумных часов позволил себе выдохнуть. Адреналин ещё гудел в крови, в ушах стоял гул толпы, крики «Капитан! Капитан Кливион!». Руки слегка дрожали — не от страха, а от колоссального нервного напряжения.

Он собирался снять плащ, когда ледяная волна пронзила его спину. Ощущение чужака. В комнате, кроме него, был кто-то ещё.

Он медленно обернулся.

У маленького столика у окна, спиной к свету, сидела женщина. Вернее, она не сидела — она покоилась в кресле, как паук в центре паутины. На ней было элегантное чёрно-красное платье, дорогое, строгое. В её ухоженных пальцах она вертела хрустальный стакан — простой, но изящный, один из тех, что Грид использовал для особенно ценных настоек. Она рассматривала его, будто оценивая чистоту огранки или ища незаметную трещину.

— Астрид, — имя сорвалось с губ Джона само, без мысли. Он её никогда раньше не видел, но знал. Знание пришло из тех же глубин памяти, что и образ Лестера. Это была аура. Аура холодной, смертоносной эффективности, обёрнутой в шёлк.

— Капитан Кливион, — её голос был бархатным, почти ласковым, но в нём слышалось лезвие. Она не подняла на него глаз, продолжая изучать стакан. — Поздравляю с успешным… дебютом. Очень эффектно. Лестер был бы впечатлён. Если бы ценил театральность.

— Он прислал тебя, — сказал Джон, не двигаясь с места. Его рука сама потянулась к кортику у пояса.

— Конечно. Кто же ещё? — Наконец она подняла на него взгляд. Её глаза были красивыми, умными и абсолютно пустыми, как у глубоководной рыбы. — Ты же не думал, что твой маленький трюк с камнями вместо шипов гипериона останется без последствий? Или что можно безнаказанно совать нос в дела, которые тебя не касаются, ведя повстанцев на убой?

— Какое дело? — Джон сделал шаг вперёд, стараясь казаться спокойнее, чем был. — Охота за какими-то древними безделушками? Лестер всегда мечтал о большем, чем просто деньги, да? О силе. Настоящей.

— Всё гораздо скучнее, капитан. Всё — про баланс. Ты стал дисбалансом. Переменной, которая портит красивый расчёт. Лестер хочет артефакт. Ты, со своим знанием и… сентиментальностью к этим выскочкам, можешь этому помешать. Значит, ты должен исчезнуть.

Она произнесла это так же просто, как если бы обсуждала погоду. И в тот же миг её рука метнулась. Не к поясу, не к скрытому ножу. Она швырнула стакан. Не просто бросила — метнула, с силой и чудовищной точностью, прямо в висок Джона.

Время замедлилось. Джон, воспитанный улицами и морем, где драка начинается без предупреждения, среагировал на микроскопическое изменение в её плече, в взгляде. Его рука взметнулась, не к лицу для защиты, а навстречу летящему снаряду.

Он поймал стакан. Чисто, рефлекторно. Холодный, гладкий хрусталь оказался в его ладони.

И тут же раздался тихий, печальный звон. И острый, жгучий укол.

Он сжал руку инстинктивно, от неожиданности, от ярости, от желания раздавить эту вещь — символ её спокойного превосходства. Но хрусталь — не гиперионовый шип. Под давлением его пальцев, закалённых канатами, тонкий стакан треснул, а затем рассыпался. Не на крупные осколки, а на десятки мелких, острых, как бритва, осколков, которые впились ему в ладонь, в пальцы, разрезая кожу, плоть, оставляя глубокие, кровоточащие раны.

Джон ахнул от боли и ярости. Кровь закапала на дубовый пол. В его глазах помутнело.

Этого мгновения ослепления и было достаточно. Астрид уже не сидела. Она была рядом, её движение было бесшумным и стремительным. В её руке блеснул короткий, толстый стилет без гарды, с матовым, не отсвечивающим лезвием, смазанным чем-то тёмным. Она наносила удар снизу вверх, целясь под ребро, в сердце.

Но Джон не был новичком. Боль обострила его чувства. Он отпрыгнул назад, задев плечом этажерку с книгами. Стилет прошёл по воздуху, порвав ткань его рубахи. Он поймал её руку за запястье, чувствуя, как кровь со своей ладони скользит по её коже. Она вывернулась с нечеловеческой гибкостью, почти выскользнула из захвата, и её свободная рука с размаху ударила его ребром ладони по горлу.

Он захрипел, откатился, встал на одно колено. Астрид наступала, её лицо было всё таким же бесстрастным, только в уголках губ играла лёгкая усмешка. Она бросала удары стилетом, короткие, точные, смертельные. Джон парировал предплечьями, уворачивался, чувствуя, как лезвие то и дело оставляет на его коже жгучие полосы. Он не пытался контратаковать — её стиль был слишком чёток, слишком эффективен. Он выжидал. Ждал ошибки.

И ошибка пришла. Она, уверенная в своём превосходстве, решила закончить красиво. С мощного замаха она попыталась вогнать стилет ему в основание шеи. Джон рванулся вперёд, навстречу удару, но не в грудь, а в её руку, сбивая прицел. Лезвие с глухим стуком вонзилось в столешницу того самого столика, застревая в толстом дереве.

На долю секунды Астрид замерла, пытаясь выдернуть оружие. Этой доли хватило.

Джон, не помня себя от боли и ярости, схватил её за её безупречно уложенные волосы и со всей силы, с рёвом, вырвавшимся из самой глубины его души, врезал её лицом в столешницу.

Раздался отвратительный, влажный хруст. Астрид обмякла и беззвучно сползла на пол, оставляя на полированном дереве кровавое пятно и след сломанного носа.

Джон стоял над ней, тяжело дыша. Кровь с его руки стекала каплями на её неподвижное тело. Боль в ладонях была адской, но в душе бушевал холодный, ясный ужас. Он не просто отбился от наёмного убийцы. Он атакован Картелем. Лично. Лестер не просто наблюдал. Он действовал. И причина была не только в старых обидах. «Артефакт». То, за чем они охотились. Это было здесь. В Тайнкоре. И он, сам того не ведая, встал у них на пути.

На улице. Вечер.

Пока Джон бился за жизнь в тишине особняка, на улицах бушевала революция. Дарлион, седой, как лунь, но прямой, как пика, стоял за грубым столом, сколоченным прямо на главной площади. Перед ним выстроилась живая, бурлящая река людей. Молодые, старые, ремесленники с молотами, рыбаки с острогами, даже несколько перебежчиков из городской стражи в потрёпанных мундирах. Они приходили не поодиночке, а семьями, целыми улицами.

— Имя! Род занятий! Что умеешь? — хрипел Дарлион, и его перо, обмакиваемое в чернила, летало по пергаменту.

— Мартин, кузнец! Кую мечи, чиню доспехи!

— Элина и обе дочери! Шьём, готовим, раны перевязывать умеем!

— Бывший капрал городской стражи, к вашим услугам! Знаю все посты и слабые места гарнизона!

Запись шла без остановки. Прятаться больше не было смысла. Принцесса показала лицо, и народ ответил. Это был не просто бунт. Это было пробуждение.

И когда список перевалил за несколько сотен имён, Дарлион поднял глаза. Он увидел не толпу. Он увидел армию. Грязную, плохо вооружённую, но пылающую яростью и надеждой. Он посмотрел на «Замерзшую Креветку», на которой теперь развевался штандарт с изумрудной диадемой на синем поле. Посмотрел на башни старого замка, где маячили фигуры имперских стрелков.

И принял решение. Не Грида, не Виталии. Своё. Солдата.

— Хватит записывать! — его голос, сорванный за день, прозвучал как горн. — Все, кто держал в руках топор, молот, лук или просто имеет смелость в груди — за мной! Мы не будем ждать, пока они придут в себя! Мы берём то, что наше, сейчас!

Рёв толпы был ему ответом.

Штурм замка был не битвой, а извержением. Народная ярость, направленная старым солдатом, обрушилась на ворота, которые не были рассчитаны на штурм изнутри города. Имперский гарнизон, застигнутый врасплох расколом в городе и этой безумной, неорганизованной лавиной, дрогнул. Кто-то бежал, кто-то сражался отчаянно, но ненадолго. Ворота пали под ударами таранов, сколоченных наспех из брёвен и обломков повозок.

Дарлион шёл в первых рядах, его старый топор с гербом Стоунстейта гудел в воздухе, рубя не столько врагов, сколько саму память о семи годах унижения. Он не был символом. Он был молотом.

Проимперский управитель, тучный чиновник, присланный из Нордленда, был найден дрожащим в вином погребе. Суд длился минуты. Приговор был единогласным. Казнь — публичной, на той самой площади, где утром выступала Виталия. Это был не акт мести, а акт закрытия. Старый мир был мертв.

В тронном зале. Поздний вечер.

Факелы бросали дрожащие тени на стены, помнившие Алриха. Воздух пах пылью, дымом и свежей кровью, которую уже спешно оттирали. На древнем троне из тёмного дуба, обитого выцветшим бархатом, сидела Виталия.

На ней не было парадных одежд. Всё то же простое платье. Но диадема на голове горела теперь с новым, леденящим смыслом. Она не улыбалась. Её лицо было маской сосредоточенной, невероятной ответственности. Она смотрела перед собой, но видела не зал, а целое королевство, лежащее в руинах и оковах.

Рядом, опираясь на спинку трона, стоял Грид. Он не смотрел на неё. Он смотрел на зал, на людей, которые начали заполнять его: окровавленных ополченцев, бледных от ужаса, но живых горожан, суровых моряков Кливиона. Его ум уже просчитывал следующее уравнение: снабжение, оборона, реакция Империи.

У входа, перевязав окровавленные ладони грубыми бинтами, стоял Джон Кливион. Его лицо было бледным, но глаза горели холодным огнём понимания. Он поймал взгляд Грида и едва заметно кивнул: угроза есть. Личная. Но моя. Пока что.

А на ступенях трона, положив окровавленный топор у ног, стоял Дарлион. Он дышал тяжело. Его старая броня была исцарапана, в одном наплечнике зияла вмятина от алебарды. Он не просил наград, не ждал благодарности. Он сделал то, что должен был. Он вернул трон законной хозяйке. Теперь он снова был управителем. Но управителем воющего города, готовящегося к страшной мести со всей мощи Средне-Северной Империи.

— Завтра, — тихо, но чётко сказала Виталия, и её голос заставил замолчать даже самый далёкий шёпот, — мы начинаем. Не праздновать. Работать. Стоунстейт вернул свою столицу. Но Стоунстейт — не один Тайнкор. Завтра мы пошлём гонцов. В каждую долину, в каждое село, к каждому, кто помнит наш стяг. Завтра мы начнём освобождать нашу землю. А потом… — она сделала паузу, и в её глазах вспыхнул огонь, унаследованный от отца-правителя, — … потом мы освободим и наших братьев в Нордленде.

В зале не кричали «ура». Воцарилась гробовая, тяжёлая тишина полного осознания. Ликование осталось на площади, с казнью управителя. Здесь же начиналась война. Настоящая.

А высоко на колокольне, в царстве летучих мышей и древнего камня, две тени наблюдали за огнями, зажигающимися в окнах замка.

— Теперь они почувствовали победу, — прошептал Лиам, его глаза были прикованы к фигурке в окне тронного зала. — Теперь они расслабятся. Ошибочно.

— Завтра? — спросила Сабрин, и в её голосе не было уже нетерпения, лишь холодная готовность.

— Завтра, — подтвердил Лиам. — Астрид провалилась. Значит, артефакт и Кливион — теперь наша задача. И мы не подведём.

Он посмотрел на свою напарницу, на её лицо, вдруг ставшее серьёзным и взрослым в отсветах далёких огней.

— Готовь кинжалы, Шпилька. Завтра мы идём в замок.

Глава 29: Кровь, дым и невысказанные слова

Особняк Грида, наутро после штурма, напоминал не лабораторию и не крепость, а растревоженный улей. Воздух гудел от приглушённых голосов внизу: повстанцы обсуждали вчерашнюю победу, Грид и Дарлион строили планы в кабинете, а с улицы доносился гул затихающего, но всё ещё взбудораженного города. Где-то здесь, в этом хаосе, должен был находиться Джон Кливион.

Адель не могла усидеть на месте. Чувство бесполезности, глодавшее её после разговора с Виталией и отказа Дарлиона, сменилось новым, острым зудом — тревогой. Она видела, как Джон ушёл с площади после триумфа, бледный, перевязанный. Видела отстранённый, холодный огонь в его глазах, который отличался от ликующей ярости его моряков. С ним что-то случилось. Что-то помимо победного боя. И ей, парадоксальным образом, нужно было это узнать. Он был таким же потерянным, как она. И если она никому больше не была нужна, то ему она, возможно, могла помочь. Или, по крайней мере, быть рядом — не как секретарь, не как воин, а просто как человек, который понимает боль.

Она носилась по коридорам, заглядывая в пустующие комнаты, лаборатории, кладовые. Её шаги были лёгкими, но в её движении не было прежней грации. Была нервная, почти лихорадочная энергия. Она нашла его не в отведённых ему покоях, а в небольшой, пыльной комнате для гостей на дальнем конце восточного крыла — месте, которое Грид, очевидно, считал достаточно безопасным и достаточно далёким от всего.

Дверь была приоткрыта. Адель заглянула внутрь — и застыла, её мозг на секунду отказался обрабатывать увиденное.

Картина была сюрреалистичной, почти гротескной. Посреди комнаты стоял тяжёлый дубовый стул. К нему верёвками, мастерски и туго, была привязана женщина в изрядно потрёпанном, но всё ещё роскошном чёрно-красном платье. Её голова безвольно склонилась на грудь, лицо скрывали растрёпанные волосы и… явная припухлость и кровоподтёки на месте носа. А вокруг этого стула, мерными, почти ритуальными кругами, ходил Джон Кливион.

Он не просто ходил. Каждый круг он заканчивал короткой, резкой, хлёсткой пощёчиной. Но не по лицу. То по плечу, то по бедру, то по… Адель смутилась. Места были действительно… странные. Не интимные, но такие, что в сочетании с его сосредоточенным, яростным лицом и безвольной пленницей создавали картину, от которой по спине пробежали мурашки.

Её первая реакция вырвалась наружу прежде, чем она успела подумать, низким, полным нескрываемого отвращения шёпотом:

— Извращенец?

Джон вздрогнул и резко обернулся. В его глазах, налитых кровью от недосыпа и пережитого, мелькнула сначала ярость, затем — стремительное, почти комическое замешательство.

— Что? Кто здесь? А, Адель… — Он вытер рукавом пот со лба, оставив грязную полосу. — Ты всё неправильно поняла!

— Я как раз всё правильно поняла, — Адель шагнула в комнату, её нос морщился от какого-то странного, сладковато-горького запаха в воздухе, смешанного с запахом крови. Она скрестила руки на груди. — Ты устроил тут, в особняке мастера Грида, сношение в стиле… «пожёстче». И с недобровольным партнёром. Очаровательно. Я думала, у пиратов хоть какое-то понятие о чести есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.